

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Ван Хуа

Ван Хуа

ВЕРБАЛЬНЫЙ СОМАТИЧЕСКИЙ КОД В РУССКИХ ПОСЛОВИЦЕ,
ЛИРИЧЕСКОЙ ПЕСНЕ И ЧАСТУШКЕ

10.02.01 – Русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, доцент
Тубалова Инна Витальевна

Томск – 2019

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Фольклорный дискурс как сфера реализации соматического кода русской национальной культуры	14
1.1 Вербальный соматический код культуры как способ представления национально-культурных ценностей	14
1.2 Дискурсивно-жанровая специфика фольклора как сферы реализации соматического кода русской национальной культуры.....	20
1.2.1 Фольклорный дискурс как сфера реализации кодовых смыслов фольклорного слова	20
1.2.2 Жанровая специфика русских пословицы, частушки и лирической песни, определяющая характер реализации соматического кода	25
1.2.2.1 Жанровая специфика русских пословиц, определяющая характер реализации соматического кода	25
1.2.2.2 Жанровая специфика русских частушки и лирической песни, определяющая характер реализации соматического кода	29
Выводы к главе 1	41
Глава 2 Специфика реализации вербального соматического кода в русских пословице, лирической песне и частушке.....	45
2.1 Состав и частотность использования соматизмов как кодовых имен в русских пословице, лирической песне и частушке	45
2.2 Глубинная и поверхностная семантика соматизма в фольклорном тексте	52
2.3 Организация поверхностной семантики соматизмов и ее участие в формировании глубинной семантики фольклорного текста	56
2.4 Глубинная (кодová) семантика соматизмов в ее обусловленности жанровыми принципами формирования фольклорного текста	62
2.4.1 Соматический код в русской пословице	63
2.4.2 Соматический код в русской лирической песне.....	72
2.4.3 Соматический код в частушке	92

2.5 Текстовая специфика реализации соматического кода в русских пословице, частушке и лирической песне	110
Выводы к главе 2	119
Заключение	123
Список использованных источников и литературы	128

Введение

Представляемое диссертационное сочинение посвящено анализу специфики вербальной реализации соматического кода русской национальной культуры в пословице, частушке и лирической песне как жанрах русского фольклора.

Актуальность решаемой проблемы связана с возрастающим интересом мировой науки к исследованию национальной культурной идентичности, что требует многостороннего ее изучения, в том числе с лингвистической точки зрения.

Актуальность проблемы внутренней организации культурно-специфического содержания подтверждается в различных гуманитарных исследованиях XX–XXI века (М. М. Бахтин, Н. А. Бердяев, Г. Д. Гачев, П. С. Гуревич, Э. Гуссерль, М. С. Каган, К. Леви-Стросс, Д. С. Лихачев, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман, Е. М. Мелетинский, У. Эко и др.).

Лингвистическое исследование результатов представления культуры средствами языка (Е. Л. Березович, Е. М. Верещагин, С. Г. Воркачев, В. В. Воробьев, Б. М. Гудков, В. Г. Костомаров, В. В. Красных, В. Н. Телия, Н. И. и С. М. Толстые и др.) составляет одно из методологических направлений в выявлении специфики национальной культуры в целом, а также отдельных форм ее реализации. В поиске способов обнаружения этой специфики, среди которых лингвистический анализ играет важную роль, заключается особый аспект актуальности проблематики, в русле которой написана данная работа.

Один из аспектов реализации данного направления связан с анализом однотипных по реализуемому культурно значимому содержанию лингвистических единиц, образующих единство способа представления культуры – культурный код, отражающий архетипические представления человека о мире и организующий эти единицы в единую кодовую систему. Обращение к анализу единиц, в своей совокупности являющихся носителями системно организованных культурных смыслов, также определяет актуальность данной диссертации.

Среди кодирующих культуру средств языка наиболее частотно исследуются лексические единицы, номинирующие культурно значимые понятия и сублимирующие при их использовании культурно значимые смыслы. Наиболее подробно культурно обусловленное кодовое содержание лексических единиц языка проанализировано на материале фразеологизмов (С. Го, Д. Б. Гудков, Н. В. Дмитриук, О. А. Дормидонтова, И. В. Захаренко, М. Л. Ковшова, Ж. В. Краснобаева-Черная, О. А. Мещерякова, М. В. Пименова, Л. В. Савченко, Н. М. Сергеева, В. Н. Телия и др.).

В представленном исследовании в качестве единиц, репрезентирующих код культуры, выступают *соматизмы* – номинации частей тела человека.

Соматический код характеризуется как один из базовых культурных кодов (наряду с пространственным, временным, предметным, биоморфным и духовным) [Красных, 2002, с. 233]. При этом даже среди базовых кодов он, по мнению исследователей, занимает особое место – как «наиболее древний из существующих» [Там же], так как истоки его формирования связаны с основами мифологического мышления, с тем, что «человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя» [Там же], «человек эгоцентричен, он видит в себе центр вселенной и отображает мир по своему подобию» [Гак, 1998, с. 702].

Культурное содержание соматического кода и специфика его реализации в вербальных единицах – достаточно востребованный объект исследования [Абакумова, 2011 ; Башкатова, 2014 ; Борисова, 2015 ; Гудков, Ковшова, 2007 ; Го, 2005 ; Дмитриук, 2009 ; Завалишина, 2005 ; Кремшокалова, 2012 ; Ойноткинова, 2011 ; Савченко, 2014 и др. ; Телесный код ..., 2005 и др.].

Один из аспектов его лингвистического анализа направлен на выявление общих и специфических свойств соматизмов как кодовых единиц и принципов их функционирования в разных национальных культурах [Аджиева, 2013 ; Башкатова, 2014 ; Го, 2005 ; Гогичев, 2011 ; Дмитриук, 2009 ; Завалишина, 2005 ; Захаренко, 2003 ; Кремшокалова, 2012 ; Меркулова, 2016 ; Савченко, 2014 ; Сергеева, 2012 и др.].

В фокусе внимания представляемого исследования находится специфика трансляции кодовых смыслов, определяемая характером сферы их реализации – фольклорным дискурсом, реализуемым в его конкретных жанровых формах. Выявление специфики дискурсивно обусловленной интерпретации единиц языка – актуальная проблема современной научной лингвистической парадигмы.

Актуальность данной работы определяется и в русле исследований в области лингвофольклористики – лингвистической дисциплины, целью которой является описание языка фольклора. Именно в русле лингвофольклористики активно развиваются исследования особого символического содержания лексических единиц фольклорных текстов (Е. Б. Артеменко, С. Е. Никитина, А. Т. Хроленко и др.).

Исследование различных кодов культуры, реализуемых в фольклорных жанрах, наиболее подробно проведено на материале пословицы (О. Б. Абакумова, И. Р. Борисова, М. Ч. Кремшокалова, Н. Р. Ойноткинова, Н. В. Худолей и др.). В отдельных случаях ученые обращались к данной проблематике на материале заговоров (О. А. Карамышева, А. Л. Топорков и др.), сказок (А. А. Кузьмин, С. С. Кузьмина, М. В. Петрухина, Ю. С. Потемкина и др.) и загадок (Н. В. Шестеркина, В. В. Филиппова и др.), эпоса (М. А. Бобунова). В лексикографическом аспекте был проведен сопоставительный анализ содержания концепта «человек телесный» в русском, немецком и английском песенном фольклоре (К. Г. Завалишина). Однако жанровая специфика функционирования соматизмов в русских пословицах, лирических песнях и частушках не исследовалась, системно специфика реализации в названных жанрах вербального соматического кода русской национальной культуры не рассматривалась.

Цель данной работы – выявить дискурсивно-жанровую специфику функционирования соматизмов в русских пословицах, частушках и лирических песнях.

Объектом исследования являются тексты русских пословиц, частушек и лирических песен как жанров русского фольклорного дискурса, включающих соматизмы – как репрезентанты соматического кода русской национальной культуры.

Предмет исследования – специфика реализации вербального соматического кода в его дискурсивно-жанровой обусловленности.

В качестве отдельной кодовой единицы рассматривается соматизм – как вербальная форма репрезентации соматического кода русской национальной культуры, отражающая единое кодовое содержание. В связи с тем, что в соматизме, выступающем в кодовой функции, закрепляется результат культурно-кодовой интерпретации определенной части тела человека, в качестве одного соматизма рассматривается группа лексем, ее номинирующих (например, соматизм *РУКА* – лексемы *рука, ручка, рученька* и т.д.; соматизм *НОГА* – лексемы *нога, ножка, ноженька* и др.).

Задачи работы:

- 1) описать дискурсивную специфику фольклора, определяющую характер реализации в нем вербального соматического кода;
- 2) определить жанровую специфику русских пословицы, частушки и лирической песни, задающую особенности функционирования соматизмов;
- 3) проанализировать состав и частотность использования соматизмов в русских пословицах, частушках и лирических песнях, обосновать результаты;
- 4) описать специфику реализации кодового содержания соматизмов в русских пословицах, частушках и лирических песнях;
- 5) выявить особенности организации вербального соматического кода в русских пословицах, частушках и лирических песнях;
- 6) определить особенности участия соматизмов в текстовой организации русских пословиц, частушек и лирических песен;
- 7) установить закономерности поэжанрового использования соматизмов и жанровую специфику реализации вербального соматического кода.

Базой эмпирического материала послужили русские фольклорные тексты с соматизмами, выбранные из 14 фольклорных сборников: 3 сборника русских пословиц [Рыбникова, 1961 ; Русские пословицы, 1983 ; Пословицы и поговорки, 2014], 3 сборника русских народных лирических песен [Лирические народные песни, 1955 ; Лирические песни, 1990 ; Русские народные песни, 1988], 5 сборников

русских частушек [Ох! Любовь, ты Любовь, 2002 ; Пойте все, 2004 ; Русская частушка, 1950 ; Симаков, 1913 ; Частушка, 1966], 3 сборника фольклорных текстов разных жанров, включающих пословицы, лирические песни и частушки [Жили да были, 1997 ; Русское народное поэтическое творчество, 1987 ; Фольклор Русского Устья, 1986].

Из указанных сборников выбрано 1220 пословиц, 410 лирических песен и 564 частушки с соматизмами. Всего зафиксирован 2641 факт использования соматизмов в проанализированном материале (1454 – в пословице, 594 – в лирической песне и 593 – в частушке).

Методологические основы работы формируются в области функционального направления современной лингвистики и опираются на следующие его положения:

1. Свойства объекта исследования – **текстов русских пословиц, частушек и лирических песен как жанров русского фольклорного дискурса** – выявляются на основании **теории дискурса** (Т. А. ван Дейк, А. А. Кибрик, М. Л. Макаров, И. В. Силантьев, М. Фуко и др.), в том числе – концепции **фольклорного дискурса и фольклорного жанра** (С. Б. Адоньева, Е. И. Алещенко, Е. Б. Артеменко, П. Г. Богатырев, С. Г. Лазутин, С. Е. Никитина, С. Ю. Неклюдов, С. Е. Никитина, В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов, Ю. Н. Соколов, Н. И. Толстой, А. Т. Хроленко, Ю. А. Эмер и др.), в частности – **пословицы** (Н. Ф. Алефиренко, А. Крикманн, Н. Р. Ойноткинова, Ю. Н. Соколов и др.) и **песенного фольклора** (Е. Б. Артеменко, В. И. Еремина, С. Г. Лазутин, Г. И. Мальцев, С. Е. Никитина, Н. Н. Семененко, Ю. Н. Соколов, Ю. А. Эмер и др.).

2. Предмет настоящего исследования – **специфика реализации вербального соматического кода в его дискурсивно-жанровой обусловленности** – мы определяем на основании концепции кода культуры (Е. Бартминьский, Н. И. Толстой, У. Эко и др.), в том числе – его вербального представления (В. В. Красных, Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова, М. В. Пименова, В. Н. Телия, И. В. Тубалова и др.), в частности – исследований вербального соматического кода в фольклорном тексте (С. М. Белякова, К. Г. Завалишина, М. Ч. Кремшокалова, А. А. Кузьмин, Н. Р. Ойноткинова, М. В. Петрухина, Н. А. Сычева и др.).

Методы исследования. Предмет и цель исследования обусловили формирование комплексной методики анализа фольклорных текстов как способ применения различных методов.

Для **сбора материала** нами был использован *метод сплошной выборки* текстов пословицы, лирической песни и частушки с соматизмами из фольклорных сборников.

Выбор методов **анализа материала** осуществлялся на основании методологии **дискурс-анализа** – комплексной междисциплинарной методологии, предполагающей использование конкретных взаимно дополняющих друг друга методов.

На **первом этапе** исследования при помощи методов *наблюдения* и *количественного анализа* были проанализированы состав и частотность использования соматизмов в исследуемых жанрах русского фольклора. При помощи *сравнительно-сопоставительного* метода была выявлена специфика жанрового состава и частотности их использования в русских пословицах, частушках и лирических песнях.

На **втором этапе** исследования при помощи *описательного метода* (методика *интерпретации*) и метода *дискурсивно-жанрового анализа* фольклорного текста были выявлены кодовые смыслы, особенности организации вербального соматического кода соматизмов и особенности их реализации в текстах исследуемых фольклорных жанров. При помощи *сравнительно-сопоставительного* метода были установлены закономерности жанрового использования соматизмов и жанровая специфика реализации вербального соматического кода.

Научная новизна исследования заключается в следующем.

1. Выявлена дискурсивно-жанровая специфика представления вербального соматического кода русской национальной культуры, реализованного при помощи соматизмов, в русских пословицах, частушках и лирических песнях, а именно:

охарактеризованы функции соматизмов;

выявлены особенности их текстового представления;

установлены закономерности отбора и использования конкретных соматизмов в исследованных жанрах.

2. Описан характер отражения в русских пословицах, частушках и лирических песнях как жанрах русского фольклорного дискурса содержания национально-культурного соматического кода.

3. Выявлены принципы соответствия между глубинной (кодовой) и поверхностной семантикой соматизмов в русских пословице, лирической песне и частушке.

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается:

- (1) достаточным объемом проанализированного фактического материала,
- (2) соответствием избранных методов и теоретических источников его анализа цели, объекту и предмету анализа,
- (3) опорой на широкий круг современных и классических научно-теоретических результатов, представленных в работах по дискурс-анализу, теории фольклора, лингвофольклористике, лингвокультурологии.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом настоящего исследования в разработку концепции реализации культурно обусловленных смыслов в вербальных практиках русского языка.

Работа вносит вклад в развитие теории лингвокультурологии (в частности – концепции вербального кода культуры), лингвофольклористики и фольклорного жанроведения в их приложении к конкретному материалу текстов различных жанров русского фольклора.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть применены в учебно-педагогической практике, в разработке и чтении теоретических курсов для бакалавров, магистров и аспирантов гуманитарного профиля, а именно – курсов теории фольклора, дискурс-анализа, текстологии, жанрологии, лингвокультурологии, этнолингвистики, а также в практике преподавания русского языка как иностранного.

Результаты анализа вербального соматического кода русской национальной культуры могут быть использованы в практиках различных общественных структур, осуществляющих национально-просветительские функции, организующих мероприятия, направленные на развитие национально-культурной идентичности и знакомство с русской культурой представителей иных культур.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Соматизмы в фольклорном дискурсе представляют ценностные смыслы, заданные на уровне национально-культурного соматического кода, в соответствии с целями конкретных фольклорных жанров. В связи с этим в фольклоре жанрово обусловленными являются (1) состав соматизмов, (2) частотность их использования, (3) состав поверхностных и глубинных значений каждого соматизма; (4) способы их взаимодействия.

2. Заданная на уровне национально-культурного соматического кода ценностная интерпретация частей тела человека реализуется непосредственно в глубинном значении соматизмов, используемых в пословице, и модифицируется в соответствии с жанровыми целями при использовании соматизмов в частушке и лирической песне – как жанрах народной лирики.

3. В пословице как ценностно ориентирующем фольклорном жанре соматизмы максимально полно отражают ценности, заданные национально-культурным соматическим кодом. Их состав разнообразен. Наряду с представленными во всех исследованных жанрах (*голова, сердце, глаза, руки, ноги* и др.) в качестве кодовых единиц фиксируются не представленные или единично представленные в жанрах народной лирики соматизмы *язык, рот, живот, уши* и др. Характер организации национально-культурного соматического кода в пословице отражается через распределение соматизмов на высокочастотные (*голова, руки, глаза, ноги*), среднечастотные (*зубы, сердце, язык, рот* и др.) и низкочастотные (*уши, шея, брови, спина* и др.). Соматизмы реализуют широкий спектр поверхностных значений («субъект», «объект», «сосуд / полость», «инструмент» и т.д.), а признаки и действия частей тела оформляются не только как соматические. Кодовый смысл соматизма находится в жестком соответствии с его поверхностным смыслом и обосновывается им.

4. В лирической песне и частушке соматизмы участвуют в представлении типовой сюжетной ситуации, передающей эмоции и чувства через описание соматических реакций и ощущений персонажей. Состав и частотность соматизмов соответствуют жанровым целям передачи эмоций и чувств: наиболее частотно используются соматизмы, называющие части тела человека, которые на уровне национально-культурного соматического кода связаны с их передачей (сердце, глаза и под.), и не представлены или единично представлены соматизмы, называющие части тела человека, не связанные с ней (*язык, рот, уши* и под.). Наиболее регулярно реализуются поверхностные значения «субъект», «объект» и собственно-соматические. Кодовый смысл соматизма реализуется (1) за счет жанрово обусловленного контекста и поверхностной семантики соматизма; (2) только за счет жанрово обусловленного контекста.

5. В лирической песне соматизмы участвуют в передаче максимально обобщенных эмоций и чувств, реализуемых чаще всего через описание нормативных / ненормативных движений и признаков частей тела человека, и представлены относительно равномерно по частотности.

6. В частушке соматизмы используются для трансляции более конкретных, чем в лирической песне, эмоций и чувств, характеризующих любовные отношения молодой пары, регулярно участвуют в описании определенных типовых сюжетных ситуаций, фиксирующих нормы этих отношений. Высокочастотные соматизмы *глаза* и *сердце* значительно количественно превалируют в сравнении с остальными.

Апробация работы. Основные положения диссертации прошли апробацию на 9 конференциях различного уровня и тематики: IV (XVIII) Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2017), VII Международный молодежный научно-культурный форум «Образование в этнополикультурной среде: состояние, проблемы, перспективы» (Томск, 2017), V (XIX) Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2018), VIII Всероссийская научно-практическая

конференция «Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов российских вузов» (Томск, 2018), X Международная научная конференция «Русская речевая культура и текст» (Томск, 2018), XXIX Ежегодная международная научная конференция «Язык и культура» (Томск, 2018), Международная научная конференция «Славянские языки в условиях современных вызовов» (Томск, 2018), VI (XX) Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2019), Международная научная конференция «Славянские языки в условиях современных вызовов» (Томск, 2019).

Публикации. Положения исследования представлены в 9 публикациях, в т.ч. в 4 статьях, опубликованных в ведущих научных журналах, рекомендованных ВАК.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Глава 1 Фольклорный дискурс как сфера реализации соматического кода русской национальной культуры

Цель данной главы – выявить специфику фольклорного дискурса и его отдельных жанров – пословицы, лирической песни и частушки, определяющую особенности реализации национально-культурного соматического кода.

1.1 Вербальный соматический код культуры как способ представления национально-культурных ценностей

Понятие *кода культуры* в современных гуманитарных науках, в большинстве, ориентируется на философскую концепцию У. Эко, определяющего *код* как «систему коммуникативных конвенций, парадигматически соединяющих элементы, серии знаков с сериями семантических блоков (или смыслов) и устанавливающих структуру обеих систем: каждая из них управляется правилом комбинаторики, определяющим порядок, в котором элементы (знаки и семантические блоки) выстроены синтагматически» [Эко, 1998а].

Код культуры при таком подходе представляет собой «совокупность знаков (символов), смыслов (и их комбинаций), которые заключены в любом предмете материальной и духовной деятельности человека» [Большой толковый словарь ..., 2003].

В понятии культурного кода выражена одна из наиболее значимых функций культуры как системы синтеза знаков: «Культура для воплощения своего содержания в знаковую форму, или свой “язык”, использует для этого содержания все то, что может представлять богатство ее смыслов, или концептов: природные объекты, “вещи”, созданные человеком, так или иначе овеществленные плоды его духовного мировосприятия, произведения искусства, науки и т.д.» [Телия, 2006, с. 776]. С. М. Толстая отмечает, что культура образует кодовые системы как на основании характера знаковой формы выражения культурных смыслов – «субстанционально разные наборы знаков» [Толстая, 2013, с. 109] (предметный,

акциональный, изобразительный и под.), так и «на основе их значения независимо от субстанции самих знаков» [Там же] (растительный, зооморфный, пищевой и под.). **Вербальный код** в рамках этой логики определяется как один из субстанциональных кодов культуры [Там же, с. 112]. Подобным образом – в качестве одного из культурных кодов, образующих наряду с поведенческим, мифолого-символическим, предметно-символическим «базовое единство, выполняющее роль когнитивной рамки отправителя, доступной для исследователя» [Бартминьский, 2005, с. 106–107], – рассматривает его Е. Бартминьский.

В лингвистике при обращении к анализу культурного кода на основании его интерпретирующей функции одни исследования сосредотачиваются на наличии особой культурно заданной целостности вербальных и невербальных средств его выражения, и его вербальная составляющая рассматривается в тесном взаимодействии с остальными (Е. Л. Березович, С. М. и Н. И. Толстые и др.), а другие – фокусируются на вербальных формах репрезентации культурных смыслов, анализе их культурно обусловленной парадигматики (Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова, М. В. Пименова, В. Н. Телия и др.).

Представляемое исследование осуществляется в рамках проблематики вербальной репрезентации культурно обусловленного смысла, проявленной в **лексических единицах языка**.

Лексические единицы, как носители кодового содержания культуры, включаются в многоуровневую «систему коммуникативных конвенций» (У. Эко), реализуя общекультурные (например, национально-культурные) символические смыслы, которые приобретают особую конфигурацию в конкретных культурных практиках. В их семантике отражается характер взаимодействия культурных смыслов различного типа внутри единого национально-культурного пространства. Это взаимодействие осуществляется по модели, описанной Н. И. Толстым применительно к логике диахронного изменения культуры: «элементы новой культуры не сметаю и не сменяю элементы старой, а проникаю в нее, сливаю с ней, вступаю в различного рода соотношения, тем самым усложняя прежнюю систему, видоизменяю ее в значительной или

меньшей степени, но, как правило, не разрушая ее» [Толстой, 1995, с. 11]. В соответствии с этим перед исследователем, обратившимся к анализу вербальных форм существования культуры, встает задача «выявить внутренние связи между всеми уровнями значения, раскрыть логику того образа, который закреплен за словом в сознании носителя языка» [Там же, с. 162].

Исследователи регулярно отмечают, что вербальная реализация культурного кода основана на его взаимодействии с кодом естественного языка. Значимость такого взаимодействия активно обсуждается в лингвистических работах, направленных на анализ вербальных форм реализации культурного смысла. При этом особо подчеркивается, что такое взаимодействие имеет системный статус. Так, Д. Б. Гудков отмечает, что «имена, принадлежащие тому или иному коду культуры, обладают, помимо общеязыкового, еще и особым значением как знаки вторичной семиотической системы, причем значение это отнюдь не является ситуативно обусловленным, но закреплено за соответствующей единицей языка» [Гудков, 2004, с. 42].

В системе культурных кодов особое положение занимает **соматический код** (что подчеркивается в работах Ю. Д. Апресяна, Д. Б. Гудкова и М. Л. Ковшовой, В. В. Красных, А. Д. Шмелева и др.). Исследователи объясняют это прежде всего тем, что в рамках мифологического мышления тело и его части выступают как объект первичного познания человека (соматический код – наиболее древний из существующих [Красных, 2002, с. 233]), а экстраполяция результатов этого познания на окружающий мир становится удобной формой его интерпретации («человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя» [Там же]). Кроме того, характеризуя принципы формирования соматического кода, исследователи обращают внимание на то, что «части тела или органы человека, выполняющие определенные соматические функции, в сознании носителей языка ассоциируются именно с этими нагрузками и выражают связанные с ними символические значения» [Ойноткинова, 2011, с. 6]. Содержание соматического кода культуры в наименьшей степени зависит от внешних условий существования ее носителей (например, природно-ландшафтных, способных влиять на содержание

растительного или пространственного кодов) и определяется, в основном, внутренними духовными принципами ее развития: «Телесный код является универсальным в силу единства анатомии и физиологии всех человеческих существ» [Гудков, Ковшова, 2007, с. 78–79].

В фокусе внимания данного исследования находятся **соматизмы** – лексические единицы, выступающие как **вербальные репрезентанты соматического кода русской национальной культуры**.

В соответствии с логикой С. М. Толстой [Толстая, 2013] **вербальный соматический код** по характеру составляющих его знаков – **вербальных единиц** – встраивается в систему культурных кодов наряду с предметным, акциональным, изобразительным и под. (или, по классификации Е. Бартминьского, поведенческим, мифолого-символическим, предметно-символическим [Бартминьский, 2005]), а по содержанию кодирующих знаков – **результатам культурной интерпретации частей тела человека** – в систему культурных кодов наряду с растительным, зооморфным, пищевым и под. (по классификации В. В. Красных – пространственным, временным, предметным, биоморфным и духовным [Красных, 2002]).

Соматизмы как составляющие вербального соматического кода разных национальных культур в настоящее время активно изучаются [Абакумова, 2011 ; Аджиева, 2013 ; Башкатова, 2014 ; Борисова, 2015 ; Ван, 2016 ; Гудков, Ковшова, 2007 ; Го, 2005 ; Гогичев, 2011 ; Дмитрюк, 2009 ; Завалишина, 2005 ; Захаренко, 2003 ; Кремшокалова, 2012 ; Меркулова, 2016 ; Мехди, 2014 ; Муравьева, 2013 ; Ойноткинова, 2011 ; Савченко, 2014 ; Сергеева, 2012 ; Тубалова, Ван, 2018 и др.].

Высокий уровень востребованности соматизмов в качестве объекта лингвистических исследований, посвященных проблемам вербального воплощения культурных смыслов, объясняется тем, что в них наиболее ярко проявляется установка обыденного сознания на познание мира сквозь призму наивной модели восприятия человеком самого себя: «человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя» [Красных, 2002, с. 233].

Ю. Д. Апресян характеризует закрепленные в языке результаты самоинтерпретации человека следующим образом: «Человек мыслится в русской

языковой картине мира <...> прежде всего как динамичное, деятельное существо. Он выполняет три различных типа действий – физические, интеллектуальные и речевые. С другой стороны, ему свойственны определенные состояния – восприятие, желания, знания, мнения, эмоции и т. п. Наконец, он определенным образом реагирует на внешние или внутренние воздействия. Каждым видом деятельности, каждым типом состояния, каждой реакцией ведаёт своя система. Она **локализуется в определенном органе, который выполняет определенное действие, приходя в определенное состояние, формирует нужную реакцию** (выделено нами – В. Х.)» [Апресян, 1995, с. 39–40]. Таким образом, отражение в языке результатов восприятия человеком себя свидетельствует о том, что отдельные части тела получают функциональную нагрузку, которая, во-первых, выходит за рамки собственно соматической, а во-вторых, стабильно закрепляется за конкретными органами.

В основе такого закрепления лежит национально-культурный принцип интерпретации человека, и стабилизированные функции каждого органа его тела получают культурно обусловленную ценностную ориентацию, которая последовательно выражается в языке. Результаты этого выражения регулярно подчеркиваются в исследованиях русской языковой картины мира. Так, А. Д. Шмелев указывает на то, что «русская языковая модель человека определяется двумя противопоставлениями: (1) идеального и материального и (2) интеллектуального и эмоционального. Первое противопоставление отражается в языке как противопоставление *духа* и *плоти*, второе – как противопоставление *ума* и *сердца* [Шмелев, 2002, с. 9]. Соотнося обозначенные противопоставления с интерпретируемыми языком ценностными функциями частей тела человека, он на конкретном материале показывает, что «в качестве средоточия эмоциональной жизни человека *сердце* и *кровь* противопоставляются *голове* и *мозгу* (*мозгам*), в которых локализуется интеллектуальная жизнь человека и его *память*» [Там же, с. 34].

Подобным образом в целом ряде исследований на материале разных языков описываются результаты лингвистического закрепления в семантике соматизмов культурно обусловленной ценностной интерпретации частей тела человека –

головы [Беличенко, 1999 ; Борисова, 2015 ; Гудков, Ковшова, 2007 ; Магомедова, 2009 и др.], сердца [Кравченко, Субботина, 2014 ; Магомедова, 2009 ; Мельчук, Жолковский, 1984 ; Урысон, 1995 ; Халилова, 2012 ; Цримова, 2003 и др.], глаз [Власова, 1997 ; Гудков, Ковшова, 2007 ; Ли, Колосова, 2016 ; Магомедова, 2009 ; Селиверстова, 2015 и др.], рук [Беличенко, 1999 ; Борисова, 2015 ; Го, 2005 ; Мехди, 2014 ; Муравьева, 2013 и др.] и др.

Но системное взаимодействие знаков естественного языка и культуры является только основанием для активизации в вербальной единице культурно обусловленного смысла, потенциал которого не всегда реализуется. Сравнивая две системы значений, Д. Б. Гудков представляет примеры сопоставления «обыденных» значений соматизмов (зафиксированных в толковых словарях) и их культурных кодовых смыслов [Гудков, 2004]. Приведем цитату, представляющую один из примеров такого сопоставления: «Согласно словарю С. И. Ожегова, кровью называется «обращающаяся в организме красная жидкость, обеспечивающая питание и обмен веществ всех клеток тела» [Ожегов, 1997, с. 282] <...>. При этом никак не указывается, что кровь символизирует, к примеру, жизненную энергию человека, оказывается знаком родственной и духовной близости...» [Гудков, 2004, с. 42]. Очевидно, что рассматриваемые соматизмы в бытовом или, например, в медицинском их употреблении, за исключением особых случаев, не активизируют семантику, основанную на их принадлежности к культурному коду (ср.: *Он порезал палец – потекла кровь* и под.). Это приводит к вопросу о том, в каких случаях в семантике единицы естественного языка активизируется («прочитывается») культурный кодовый смысл, реализуемый в символическом компоненте значения, каковы условия его активизации.

В качестве условия активизации кодового смысла культуры выступает включенность вербальной единицы на правах одного из ее структурно-содержательных компонентов в некоторую целостную единицу большего объема, восприятие которой носителями конкретного национального языка/культуры основывается на опыте интерпретации ее целостного содержания как культурно обусловленного и вытекающего не (только) из собственно-языковых и контекстуально обусловленных значений ее составляющих. Наиболее подробно

описанными являются результаты активизации кодовых смыслов вербальных единиц, функционирующих в составе фразеологизмов – как обладающих особой функцией выступать одновременно в качестве знаков «языка и культуры» [Гудков, Ковшова, 2004, с. 87–88]. Результаты анализа соматизмов как вербальных репрезентантов соматического кода культуры в составе фразеологизмов представлены в [Аджиева, 2013 ; Го, 2005 ; Гогичев, 2011 ; Гудков, 2004 ; Гудков, Ковшова, 2007 ; Дмитрюк, 2009 ; Краснобаева-Черная, 2018 ; Мещерякова, 2017 ; Савченко, 2014 ; Телия, 2006 и др.]. Например, в составе фразеологизма *потерять голову* соматизм *голова* активизирует кодовое значение «инструмент, с помощью которого осуществляется интеллектуальная деятельность» [Гудков, Ковшова, 2004, с. 174] (именно «инструмент» можно «потерять»).

В данной работе в качестве единицы, в составе которой соматизмы активизируют кодовое содержание, рассматриваются **фольклорный текст** и **фольклорный дискурс**, функционирующий как совокупность фольклорных текстов, воспринимаемых на основании культурной **традиции**.

1.2 Дискурсивно-жанровая специфика фольклора как сферы реализации соматического кода русской национальной культуры

Охарактеризуем специфику фольклорного дискурса, определяющую характер реализации в нем соматического кода русской национальной культуры.

1.2.1 Фольклорный дискурс как сфера реализации кодовых смыслов фольклорного слова

Многие дискурсивные практики становятся формами реализации культурных практик, и в систему дискурсивных принципов их реализации включается оперирование культурными смыслами. Один из способов такого оперирования заключается в особом – дискурсивно обусловленном – использовании вербальных единиц, в значении которых системно закрепляются результаты взаимодействия культурного кода с кодом естественного языка.

Характер дискурсивного оперирования кодовыми именами задается спецификой дискурсивной интенции. На ее основании они становятся инструментом реализации дискурсивной картины мира, определяемой как «картина мира, “отлитая” в системе готовых форм, соотнесенная с ЯКМ, воплощенная как ее социально и функционально обусловленный вариант. В дискурсивных картинах мира обнаруживаются черты, обусловленные своеобразием моделей мира, сформированных в данной этноязыковой культуре, и отраженные в инвариантных языковых единицах» [Резанова, 2011, с. 40].

Фольклорный дискурс обращается к содержанию национально-культурного кода, выраженного в вербальных единицах, особым образом.

Вербальный художественный фольклор представляет собой один из видов культурно-дискурсивных практик. Его эстетически значимая форма, унаследовавшая мифологический принцип организации фольклорного мышления, способствует представлению исследуемых смыслов в особо выпуклой конфигурации.

Значимость апелляции к национально-культурным кодовым смыслам определяется, прежде всего, целью фольклорного дискурса: «передача коллективного знания, стабилизирующего жизнь и участвующего в социализации индивидуума в данном национально-культурном коллективе, в данной социальной группе» [Эмер, 2011, с. 33]. Различные в жанровом отношении тексты фольклора объединяет общий дискурсивный ценностноориентирующий (верифицирующий) модус – типовой модусный смысл, выраженный в фольклорных текстах, направленных на трансляцию ценностных установок с позиции фольклорного коллектива [Тубалова, 2016, с. 301]. Исследователи фольклора (Е. Б. Артеменко, С. Е. Никитина, А. Т. Хроленко, Т. В. Цивьян и др.) неоднократно отмечают, что любой фрагмент картины мира в фольклоре ценностно окрашен: «для фольклора <...> характерно описание мира как идеальной нормы, стабильного образца» [Никитина, 1993, с. 139].

Интенциональная направленность фольклорного дискурса определяет органичность **прямой апелляции** к ценностному содержанию национально-культурных кодов как основанию для реализации этой оценки¹.

Данная специфика фольклорного дискурса уже достаточно давно обсуждается в лингвофольклористике в особом аспекте, обнаруживающем наличие у фольклорного слова, фольклорной формулы стабильных символических значений, что отмечено в целом ряде исследований [Артеменко, 1988, 2006 ; Неклюдов, 2005 ; Никитина, 1993 ; Путилов, 1994 ; Толстая, 1994, 2013 и др., Хроленко, 1976, 1979 и др., Цивьян, 1973 и др.]. В них утверждается, что фольклор демонстрирует «свою самостоятельность, «отдельность» в части языка, изощренности кодов, неисчерпаемости своего событийного фонда, изобилия структурных возможностей» [Путилов, 1994, с. 44]. В фольклоре особым образом реализуются «возможности самого языка развивать и выражать культурные значения» [Толстая, 2013, с. 113].

И. В. Тубалова, обобщая содержание указанных выше исследований, выделяет два типа лексических единиц фольклорного дискурса [Тубалова, 2016, с. 230]: 1) единицы, выстраивающие новые концептуально значимые смыслы [Артеменко, 2006] и приобретающие «значимость и соответственно новые валентности в пределах некоторой замкнутой, жестким образом организованной системы» [Цивьян, 1973, с. 13] (языка фольклора) на основании трансформации смысла единиц обыденного языка; 2) единицы собственно-фольклорные, созданные в рамках фольклорного дискурса.

Процитируем пример, приводимый Е. Б. Артеменко, который показывает, как в фольклорном дискурсе трансформируется значение единиц первого типа: «... в слове *дом* возобладал семиотический смысл «центр своего мира» <...> Лексема *береза* выступает носителем символического концепта «девушка, молодое женское начало» и др. [Артеменко, 2006, с. 139]. Общеупотребительные речевые аналоги рассмотренных в данном примере единиц *дом* и *береза* не обладают внутренним свойством отсылки к фольклорному дискурсу.

¹ О принципах отражения в фольклорном дискурсе соматического кода культуры см. [Тубалова, Ван, 2018а, 2018б].

Исследуемые соматизмы относятся к единицам **первого типа**, реализующим свое специфическое содержание и проявляющим функции дискурсивного знака в пределах фольклорного дискурса – как единицы, в составе которой соматизмы активизируют кодовую функцию.

Ее активизация обеспечивается тем, что фольклорный текст обладает особым характером взаимодействия **глубинной и поверхностной семантики**.

Под поверхностной семантической и смысловой структурами текста исследователи понимают «1) связь значений его элементов (слов, высказываний) и 2) связь их смысловых коррелятов в процессе последовательного развертывания текста от уровня высказывания к блоку высказываний и целому тексту» [Болотнова, 2009, с. 364]. Поверхностный смысл текста отражает его содержательно-фактуальную информацию [Жеребило, 2010, с. 93]. При этом «глубинная семантическая структура текста предполагает соотнесенность значений его элементов (слов, высказываний) не только «по горизонтали», но и «по вертикали», т. е. в сложной и глубокой перспективе целого текста в соответствии с его концептуальной заданностью» [Болотнова, 2009, с. 364].

В связи с тем, что «концептуальная заданность» фольклорного текста обеспечивается **традицией**, применительно к фольклорному тексту эта «вертикаль» расширяется. Переход от поверхностной к глубинной семантике конкретного фольклорного высказывания может быть осуществлен только в перспективе совокупности фольклорных текстов определенной культуры, с учетом специфики их жанровых форм. При восприятии глубинной семантики фольклорного текста особую роль играет «"фонное" знание (или "предзнание") слушателя, представляющее собой часть общего знания традиции» [Неклюдов, 2005, с. 27]. При этом «знание традиции невозможно свести к "коллекции текстов". Оно включает в себе и нечто большее, и нечто структурно иное. Во-первых, это не только "знание говорящего", но и во много раз превосходящее его "знание слушающего". <...> Чтобы понять смысл сообщения вообще и исполняемого фольклорного произведения, в частности, нужно знать гораздо больше того, что заключено в поверхностной структуре текста; к тому же, из сообщения или его

фрагмента извлекается информация, значительно превосходящая ту, которую можно извлечь чисто лингвистическим путем. <...> Во-вторых, сюда относятся культурно-языковая картина мира и мифопоэтическая модель мира определенного жанра» [Там же, с. 34– 35].

Глубинная семантика фольклорного текста предстает как результат интерпретации его поверхностной семантики в заданном традицией ценностноориентирующем аспекте – в соответствии с базовой целью фольклорного дискурса. Одним из проявлений особого взаимодействия поверхностной и глубинной семантики фольклорного текста является то, что «многие слова языка фольклора живут «двойной жизнью»: как обозначения составляющих вещного мира и как знаки напряженного поля традиционных смыслов, актуализирующие часть неосознанных архетипических представлений» [Никитина, 1999, с. 171]. В частности, такой «двойной жизнью» живут исследуемые соматизмы. Например, на уровне поверхностной семантики текстов лирических песен соматизмы *сердце*, *спина* и др. используются при описании физиологических состояний, номинированных глаголом «болеть». При этом соматизм *сердце* выступает как актант данного глагола при описании ситуаций несчастной любви или любовной разлуки (*Уж ты, веснушка, весна! Ты не в радость мне пришла, Не в радости, во тоске! Во великой сухоте. Болит сердце по тому По зеленому саду*), а соматизм *спина* – в основном, при описании ситуаций тяжелой работы (*У Демидова в заводе Работушка тяжела, Ах, работушка тяжела. От виц спинушки болят, Ох, спинушки болят!*). Это определяется тем, что на уровне глубинной семантики текста соматизм *сердце* выступает как символ чувств (в первую очередь – любовных), а соматизм *спина* – как символ непосильной работы.

Активизации кодового смысла единиц, приобретающих в фольклорном дискурсе новые концептуально значимые (кодовые) смыслы, способствует эстетическая жанровая форма фольклора.

Рассмотрим жанровую специфику русских пословицы, частушки и лирической песни, определяющую характер реализации соматического кода.

1.2.2 Жанровая специфика русских пословицы, частушки и лирической песни, определяющая характер реализации соматического кода

Базовая цель фольклорного дискурса особым образом реализуется в его жанрах: «Соотношение с жанром определяет в сюжете все основное. Отсюда важно выяснить, какие жанровые законы, нормы, коды преломились в данном сюжете и как они здесь действуют» [Путилов, 1992, с. 139].

Каждый фольклорный жанр образует собственный жанровый код, особым образом реализующий общесоматический код, в свою очередь, апеллирующий к национально-культурному коду. В рамках жанрового кода соматизмы функционируют в соответствии с особенностями характера реализации жанровой картины мира.

Рассмотрим жанровые особенности русских пословицы, частушки и лирической песни, определяющие формирование жанровых картин мира, в реализации которых участвуют соматизмы.

1.2.2.1 Жанровая специфика русских пословиц, определяющая характер реализации соматического кода²

Пословицы определяются как «краткие, меткие, глубокие по силе мысли народные изречения или суждения о жизненных явлениях, выраженные в художественной форме» [Русское народное поэтическое творчество, 1986, с. 93]. Подчеркивая, что «в пословицах нашел отражение длительный опыт социально-бытовой и исторической жизни народа, его идеология, психология и жизненная мудрость» [Там же], что они применяются «к различным явлениям жизни» [Соколов, 1925], исследователи фиксируют внимание на широте их диктумного содержания, на его обращенности к самым разным значимым для представителей фольклорного коллектива ценностным смыслам.

² О жанровой специфике реализации соматического кода культуры в пословице см. [Ван, 2018а, Тубалова, Ван, 2018а, 2018б].

Жанровая цель пословицы – «фиксация коллективных ценностей, заданных традицией, в лаконичной, эстетически значимой форме, обеспечивающей ее комфортное включение в нефольклорный речевой процесс» [Тубалова, 2016, с. 226].

Пословицы по своим жанровым установкам прямо направлены на передачу ценностноориентирующего фольклорного модуса, усиленного дидактическим жанровым ракурсом (о реализации в пословице аксиологической и деонтической модальности см. [Крикманн, <http://www.ruthenia.ru/folklore/krikmann1.pdf>]). Направленность фольклорного дискурса на полную фиксацию национально-культурной ценностной картины мира отражается в пословице наиболее прямо и последовательно. Пословица реализует механизмы «лексикографирования» национально-культурных ценностей, фиксируя их в перечне кратких клишированных, содержательно емких речений, к которым носитель соответствующей национальной культуры обращается для подтверждения собственной позиции как к источнику коллективного опыта. Корпус пословиц как логических суждений фиксирует не оценку, в основе которой – коллективные ценности, а сам перечень этих ценностей, к которым в коммуникативном процессе субъект обращается для выражения оценки.

Н. Ф. Алефиренко и Н. Н. Семененко, обращаясь к выявлению «механизмов кодирования культурно значимых смыслов посредством паремических образований» [Алефиренко, Семененко, 2010, с. 170], сосредотачиваются на разграничении *значения* паремий (пословиц, поговорок, примет, загадок), являющегося «планом содержания сложного языкового знака-текстемы» [Там же] и их *смысла*, который «представляет собой результат речевой реализации их значений в сопряженном взаимодействии с иной информацией (дискурсивной, ситуативной, энциклопедической, субъективно переосмысленной и т. д.)» [Там же]. Авторы указывают на то, что «для значения паремии важны в первую очередь те функционально-категориальные признаки, которые определяют отбор и компоновку лексических единиц, характеризующих денотаты исходной ситуации» [Там же].

В данном исследовании мы разграничиваем **поверхностную и глубинную семантику** текста **пословицы** – как жанра фольклорного дискурса – на основании этой логики, а также в соответствии с общей характеристикой глубинной и поверхностной семантики фольклорного текста (представленной в разделе 1.2.1).

В **пословице**, направленной на эстетическое отражение полной картины ценностей национальной культуры, эти ценности реализуются в объективно-логическом аспекте и предстают как опыт логического освоения мира, выраженный в иносказательной форме.

Диктумное содержание пословицы, соответствующее ее поверхностной семантике, отражает действия и состояния материальных предметов окружающего мира как парадоксальные ((а) *Есть **девка серебряна**, поискать **парня глиняного***; (б) *Кумушкины **слезки** на базаре **дешевы***; (в) ***Мужика** не шуба **греет**, а **топор***), но на уровне глубинной семантики эта парадоксальность снимается за счет наличия у членов фольклорного коллектива «знания» традиции, в котором заключается глубинное содержание пословицы – ее ценностноориентирующий смысл ((а) ««Девка» и «парень» должны соответствовать друг другу»; (б) «Нельзя выдавать мелкие проблемы за настоящее горе»; (в) «Нужно работать, чтобы комфортно жить»). В результате взаимодействия поверхностной и глубинной семантики в пословице фиксируются ценностно значимые для данной культуры качества и функции человека, и единицы с конкретной семантикой, к которым относятся и соматизмы, принимают участие в их фиксации.

Соматизмы выступают в качестве одного из видов таких лексических единиц. В поверхностной семантике пословицы они выступают как номинации материальных предметов, участие которых в действиях и пребывание в определенных состояниях предстает как парадоксальное. В ее глубинной семантике содержание соматизма утрачивает парадоксальность за счет наличия в традиции (1) стабильного ценностноориентирующего содержания соматизма, заданного на уровне национально-культурного кода, (2) представления о жанровой поэтике пословицы, включающей положение о ее иносказательности, а также (3) знания ценностноориентирующего содержания конкретной пословицы

(ее глубинной семантики). Например, парадоксальность поверхностной семантики пословицы с соматизмом *сердце Из сердца не выкинешь да в сердце не вложишь* на уровне глубинной семантики снимается за счет (1) общекультурной/общефольклорной кодовой семантики соматизма *сердце* «локус³ эмоций и чувств», (2) дешифровки иносказательности, приводящей данное высказывание к ценностноориентирующему: *Из сердца не выкинешь да в сердце не вложишь* → «Нельзя вынуть из сердца эмоции и чувства» → «Нельзя заставить испытывать/не испытывать эмоции и чувства», и (3) обеспеченного традицией «знания» данной конкретной пословицы: «Нельзя заставить испытывать эмоции и чувства» → «Нельзя заставить полюбить/разлюбить».

Пословица жанрово ориентирована на прямое отражение системы культурных ценностей. За каждым соматизмом закрепляется определенный компонент ценностной системы национальной культуры. Это позволяет в конкретно-ситуативных условиях использовать пословицы с соматизмами для оценки реальной действительности. Стабильность содержания соматизма, заданная на уровне национально-культурного кода, обеспечивает возможность перехода от глубинной семантики паремии, фиксирующей национально-культурные ценности, к ее ситуативно обусловленному смыслу, направленному на выражение оценки.

В конкретных пословичных текстах эти ценности реализуются в высказываниях двух типов:

(1) оформляющих свернутые ситуации (пословицы-ситуации), где соматизм метафорически реализует функцию участника ценностно значимых действий (*Дурная голова ногам покоя не дает* – ценность интеллекта, *Глаза боятся, а руки делают* – ценность активности);

(2) представляющих ценностные характеристики соматизмов как носителей кодовых смыслов (пословицы-характеристики) (*Глаза без души слепы, уши без сердца глухи; Гнило слово от гнила сердца* – ценность духовного отношения к действительности).

³ Слово «локус» при формулировании общекультурного/общефольклорного кодового смысла мы используем метафорически, чтобы избежать объемной формулировки «та часть тела человека, которая связывается с определенным аспектом его характеристики».

В связи с этим в процессе восприятия пословицы кодовые смыслы прочитываются достаточно **конкретно и однозначно**: каждый соматизм, включенный в оценочное пословичное высказывание, становится носителем информации о различных ценностно значимых качествах человека.

Конкретность и однозначность прочтения кодового смысла лексемы в определенной пословице обеспечивается последовательностью реализации метафорического основания в организации текста и содержания паремий. Например, по данным [Гудков, Ковшова, 2007, с. 174], соматизм *голова* реализует в паремиях следующие значения: *голова₁* – «пространство, в котором осуществляется интеллектуальная деятельность» («вместилище ума»): *пустая голова; дырявая голова; ветер в голове; На голове-то густо, а в голове-то пусто; Голова без ума – что фонарь без свечи; голова₂* – «инструмент, с помощью которого осуществляется интеллектуальная деятельность»: *потерять голову; голову снесло; Голова завита, да не делом занята. Легче работать руками, чем головой; Кто голову теряет, тот в дураках бывает.*

Описанные свойства пословицы позволяют обращаться к ней в процессе анализа соматизмов в частушке и лирической песне (глава 2) для выявления их общекультурного кодового содержания, на фоне которого жанровое содержание народной лирики приобретает определенную специфику. Подобным образом мы используем результаты анализа паремиологических единиц другого типа – фразеологизмов, представленные в [Гудков, Ковшова, 2007 ; Савченко, 2014 ; Го, 2005 и др.].

1.2.2.2 Жанровая специфика русских частушки и лирической песни, определяющая характер реализации соматического кода⁴

Частушка и лирическая песня представляют песенные жанры вербального художественного фольклора – жанры **народной лирики**.

⁴ О специфике реализации соматического кода культуры в частушке см. [Ван, 2017а, 2017б, 2018а, 2018б, Тубалова, Ван, 2018а, 2018б]; об особенностях его реализации в лирической песне см. [Ван, 2019].

Рассмотрим общие для частушки и лирической песни свойства, определяющие специфику использования соматизмов.

1. В отличие от пословицы, выступающей как результат метафорически переосмысленного и эстетически обработанного народной культурой представления опыта **логического** освоения действительности человеком, прагматически ориентированной на подтверждение ситуативно востребуемых ценностей и поэтому потенциально фиксирующей один из ценностно значимых аспектов народного опыта, лирическая песня и частушка направлены на выражение **эмоций и чувств** исполнителя, которые также являются ценностно обусловленными.

Ю. Н. Соколов определяет **лирические песни** как «народные песни, выражающие личные чувства и настроения поющих» [Соколов, 1925, с. 414]. Жанровую направленность лирической песни на выражение эмоций и чувств подчеркивает и Н. П. Колпакова: «Два основных цикла человеческих эмоций – **радость и горе** с их многочисленными тематическими подразделениями – составляют основное содержание народных лирических песен (выделено нами – В. Х.)» [Колпакова, 1962, с. 207] (см. об этом также [Лазутин, 1981] и др.).

Направленность на выражение личных чувств исполнителя отражает и **частушка** – не случайно Ю. Н. Соколов устанавливает связь между рассматриваемыми жанрами при их характеристике [Соколов, 1925, с. 414]. На это свойство частушки прямо указывает и С. Г. Лазутин, утверждая, что ее главное назначение «не в том, чтобы подробно рассказать о тех или иных фактах (хотя жизненные события и отражаются в частушках), а в том, чтобы дать этим фактам и событиям определенную идейно-эмоциональную оценку, выразить те или иные мысли или чувства» [Лазутин, 1981, с. 63].

Фокусировка на жанровой функции выражать эмоциональное состояние исполнителя обладает принципиальной значимостью для интерпретации принципов использования кодовых имен. Если паремиологический код предполагает реализацию символики соматизмов в достаточно конкретной форме, то значение кодовых единиц в лирической песне и частушке не может быть

описано в виде определенной дефиниции. В. И. Еремина объясняет это применительно к лирической песне следующим образом: «Символ лирической песни – это символ психологический, поэтому он никогда не может быть точно расшифрован. Нельзя, например, сказать, что образы калины, ракитова куста или реки Смородины равны по своему значению горю, смерти. Указанные образы лишь вызывают ассоциацию с бедой, но ассоциацию всегда одну и ту же, всегда строго постоянную» [Еремина, 1978, с. 133]. Обобщенность значения кодовых единиц частушки и лирической песни, невозможность представить их логически точное толкование соответствует жанровой направленности на выражение эмоций и чувств, также сложно подвергающихся квантификации.

Кроме того, исследователи отмечают, что народная лирика за счет особой поэтики передает «атмосферу, созданную не прямо, а опосредствованно ("суггестивность"), сдержанность и силу чувства, характерный символизм скупой образности» [Вацуру, 1986, с. 13]. На суггестивный потенциал традиционных формул русской народной необрядовой лирической песни обращал особое внимание и Г. И. Мальцев [Мальцев, 1989, с. 73], причем функцию формулы в его интерпретации могут получать и отдельные слова, которые «в силу своей глубинной семантики обладают большой аллюзивной значимостью, смысловой интенцией, которые часто преобладают над их собственно изобразительной, наглядной стороной» [Там же].

Исследуемые соматизмы, как нам представляется, как раз и обладают этими свойствами, так как в соответствии с жанровой спецификой лирической песни и частушки они участвуют в оформлении их эмоционального кода, номинируя части тела персонажей, активность которых предстает как изоморфная их эмоциональным реакциям и транслируемым при посредстве лирической песни и частушки эмоциям исполнителя.

2. Исследователи подчеркивают, что сюжет в лирической песне и частушке не развит (в отличие, например, от эпических жанров). Так, С. Г. Лазутин акцентирует внимание на том, что если «в сказке и в былине повествование всегда образует сюжет, в котором отражаются какие-то события или действия и который,

как правило, имеет свою завязку, кульминацию и развязку» [Лазутин, 1981, с. 61], то «в основе повествования лирической песни, как правило, лежит какой-нибудь один небольшой эпизод, в котором почти невозможно нащупать обязательные элементы эпического сюжета – завязку, кульминацию и развязку. Применительно к народной лирической песне, пожалуй, было бы точнее говорить не о сюжетах, а о сюжетных ситуациях или о повествовательности» [Там же]. Т. В. Зуева и Б. П. Кирдан указывают на то, что хотя «в песнях присутствуют традиционные сюжетные ситуации, но по своему смыслу они подчинены лирическому началу» [Зуева, Кирдан, 2002, с. 293]. С. Г. Лазутин пишет, что в частушке «сюжеты совсем не занимательны. Это даже и не сюжеты, а небольшие сюжетные ситуации. Интерес представляют лишь отдельные детали, раскрывающие те или иные чувства и переживания лирических героев. <...> То есть, повествовательные частушки интересны не своими «эпическими сюжетами», а лирическим содержанием» [Лазутин, 1981, с. 102].

Итак, несмотря на отсутствие развернутой сюжетной основы, исследователи обнаруживают в лирической песне и частушке определенные сюжетные ситуации – как минимальную форму ее проявления. Лирическая песня и частушка построены на основе сюжетных ситуаций, организация которых подчинена лирическому началу.

Совокупность типовых сюжетных ситуаций народной лирики входит в состав заданных традицией «фоновых знаний» фольклорного коллектива. Их персонажами являются типовые представители фольклорного мира, в рамках жанрового кода реализующие типовые эмоциональные реакции. В результате в частушке и в лирической песне, где сюжетные ситуации отражают определенные типовые переживания героев, соматизмы, используемые при описании их действий и состояний, участвуют в реализации этих типовых эмоциональных реакций.

В сюжетных жанрах при описании действий и состояний их персонажей использование соматизмов является органичным, а при подчинении сюжетной ситуации лирическому началу – психологически обоснованным. Как отмечают исследователи, одним из фундаментальных в народной эстетике является

принцип «выражать внутренне через внешнее, через жест» [Мальцев, 1989, с. 29]. Как писал А. Н. Веселовский, «древняя и народная поэзия любила выражать аффекты действием, внутренний процесс внешним. Человек печалится – падает, клонится долу; сидит пригорюнившись» [Веселовский, 1989, с. 362–363]. Исследователи объясняют это тем, что фольклор отражает дорефлексивные формы мышления [Мальцев, 1989]. Сюжетная логика отражает развитие переживаний героев [Еремина, 1978 и др.]. Следовательно, в народной необрядовой лирике функции соматизмов, используемых при реализации сюжетных ситуаций, не ограничиваются номинированием описываемых элементов телесности персонажей. Исследуемые единицы используются при описании соматических реакций и ощущений, замещающих прямое номинирование чувств персонажей, прямое описание их эмоциональных состояний.

3. В данном исследовании мы разграничиваем **поверхностную и глубинную семантику частушки и лирической песни** – как фольклорных жанров – на основании их особенностей, определяемых принадлежностью к лирическим песенным жанрам, а также в соответствии с общей характеристикой глубинной и поверхностной семантики фольклорного текста (представленной в разделе 1.2.1).

В **народной лирике**, направленной на эстетическое отражение типовых эмоций и чувств, фольклорные ценности реализуются в эмоционально-чувственном аспекте и предстают как опыт эмоционального освоения мира, выраженный в иносказательной форме. Но, в отличие от пословицы, эта иносказательность проявляется иным способом.

Диктумное содержание текстов народной лирики, соответствующее ее поверхностной семантике, отражает реальные и парадоксальные типовые ситуации, включающие оперирование материальными объектами (частушка: ***Сошью белую кофтеночку, Сошью, наутюжю, С твоим сыном погуляю, Тебя не послушаю; Седня праздник воскресенье, Я получше наряжусь: Крынки на ноги надену, Самоваром подвяжусь;*** лирическая песня: *Ой, да во синем море **Корабель плывет, Ах, корабель плывет, Аж волна ревет; Ой, да ты калинушка, Да ты размалинушка, А ты не стой, не стой На горе крутой. Ой, да вниз***

спускайся, Во сине море). На уровне глубинной семантики за счет наличия у членов фольклорного коллектива «знания» традиции реализуется типовая оценочная эмоция, основанная на ценностной ориентации их смысла. В результате взаимодействия поверхностной и глубинной семантики в частушке и лирической песне фиксируются заданные культурой оценки типовых ситуаций (подробнее – далее).

Соматизмы в поверхностной семантике текстов народной лирики выступают в качестве одного из видов номинаций материальных объектов. В глубинной семантике частушки и лирической песни соматизмы участвуют в реализации типовых оценочных эмоций, экспликация которых осуществляется за счет наличия в традиции (1) стабильного ценностноориентирующего содержания соматизма, заданного на уровне национально-культурного кода, (2) заданного традицией представления о жанровой поэтике частушки и лирической песни.

Несмотря на значительную общность принципов реализации соматизмов в лирической песне и частушке, отличающую их использование от заданного жанровой спецификой пословицы, существуют и особенности их реализации в рассматриваемых жанрах народной лирики.

Рассмотрим различия лирической песни и частушки, определяющие эти особенности.

1. Характеризуя лирическую песню в аспекте соотношения ее содержания с действительностью, исследователи неоднократно подчеркивают, что «эта поэзия (элиминируя всякую реальность) в качестве единственного "реального объекта" имеет саму себя, т. е. ее поэтические формы не “относятся” <...> ни к какой реальности, кроме самого поэтического языка, их образующего. <...> Сама традиция понимается как субстанция содержания лирической песни, как та единственная реальность, которую изображает и выражает народная лирика» [Мальцев, 1989, с. 63]. Лирическая песня относится к тем жанрам фольклора, характеризуя которые, Б. Н. Путилов говорит, что в фольклоре «преломляется далеко не все, чем в данный момент живет общество, даже очень значительное и страшное. Основной жанровый массив фольклора чужд хроникальности,

сиюминутности и даже просто откровенной злободневности» [Путилов, 1994, с. 24]. При этом частушку – наряду с анекдотами, слухами, сплетнями – указанный автор, наоборот, определяет как жанр «злободневный», прямо реагирующий на окружающую действительность [Там же] (подобные идеи отражены также в [Аникин, 2007 ; Лазутин, 1981 и др.]).

Тесная связь с ситуативной действительностью предполагает использование в частушках текстовых элементов, не получивших символического переосмысления, поэтому некоторые соматизмы функционируют в них исключительно как номинанты сюжетных компонентов и не реализуют кодовые смыслы (*Меня мама была – ой! – Об скамейку головой: Ненагульна моя доченька Является домой; Катится жемчужинка, Идет моя подруженька, Несет книжечку в руке О любимом Ильиче* и под.). Единицы, функционирующие подобным образом, мы к анализу не привлекаем. В пословицах и лирических песнях, тексты которых существуют независимо от ситуативной реализации, все единицы (в том числе единицы с конкретной семантикой, в частности – соматизмы) всегда символически нагружены.

2. С вышеописанным тесно связано еще одно значимое различие сопоставляемых жанров. По мнению исследователей, «в частушке лирическое начало выражено более отчетливо, чем в других песенных жанрах фольклора» [Лазутин, 1981, с. 63], и «публичное исполнение частушек – это выражение своих личных мыслей и чувств и одновременно их общественная апробация» [Там же, с. 64]. В лирической песне связь между описываемыми чувствами персонажа и реальными чувствами исполнителя более опосредованная: в ней «изображение персонажа обладает тем большим правдоподобием и художественностью, чем в большей степени оно подчинено стандарту, который и наделяет его истинностью, придавая ему статус символического образца» [Мальцев, 1989, с. 57].

Кроме того, исследователи указывают на то, что, во-первых, чувства и эмоции в лирической песне реализуются более развернуто, чем в частушке, во-вторых, их исполнительская экспликация основана на жесткой обоснованности форм их выражения традицией (по Г. И. Мальцеву – «валентность» формул [Мальцев, 1989]), что указывает на их обобщенность. О. Р. Николаев

комментирует специфику реализации эмоций в лирической песне следующим образом: «Сам исполнительский текст заключает в себе ПОТОК ПЕРЕЖИВАНИЙ, преобразованный посредством традиционных формул в некую символическую реальность, смысл которой доступен лишь человеку, включенному в традицию. <...> Поток переживаний представлял собой некий РИТУАЛ выражения эмоций; для достижения лирического катарсиса необходимы как значительный объем исполнительского текста (смена нескольких лирических ситуаций), так и особая логика чередования душевных состояний (например, достижение трагической кульминации чувств и ее преодоление). Так, зачастую переживание разлуки в своем нагнетении дорастает до лирической ситуации "смерть милого", сразу вслед за этим милый появляется» [Николаев, 1997, с. 129]. Указанный автор обращает внимание и на то, что в частушке «поэтика ПОТОКА ПЕРЕЖИВАНИЙ сменяется <...> поэтикой МГНОВЕНИЯ ПЕРЕЖИВАНИЯ <...>. Частушка еще активно использует традиционную лирическую формульность, но явно теряет знание "валентности", почему и не способна выстроить поток переживаний» [Там же].

В связи с этим, например, мотивы, связанные со смертью, достаточно частотные для лирической песни (*Ой да с макушечки она, березынька, Кудреватая, Ой да под березой вырыта могилушка, Она глубока. Ой да во могиле лежит тело белое С Дону казака. Ой да его буйная будто головушка, Она пробита. Ой да во руках-то его винтовочка, Она замерла*) и крайне редко отражаемые в частушке, воспринимаются слушателем и исполнителем как соответствующие их внутреннему состоянию, но не обязательно прямо отражающему реакцию на данное конкретное типовое событие – именно глубину тоски от потери близкого.

Оба вышеописанных различия лирической песни и частушки указывают на то, что эмоции и чувства фиксируются в лирической песне в более обобщенном, ситуативно не конкретизированном (ориентированном только на традицию) варианте, и соматизмы, участвующие в их фиксации, в лирической песне соответствуют выражению более обобщенных реакций персонажа и исполнителя.

3. Лирические песни и частушки различаются по содержанию транслируемых эмоций. В связи с тем, что сюжетные ситуации народной лирики, определяющие ее тематику, связаны с реализацией определенных эмоций, типы этих эмоций можно приблизительно выделить на основании тематической классификации произведений рассматриваемых жанров.

С. Г. Лазутин подчеркивает, что «в силу отмеченных жанровых качеств и особенностей возникновения частушки необыкновенно многогранны по своему содержанию, необычайно разнообразны по выражаемым ими мыслям, чувствам и настроениям» [Лазутин, 1981, с. 63]. При этом указанный автор отмечает, что они «предназначены для публичного исполнения в кругу молодежи» [Там же, с. 64]. Следовательно, при всем содержательном разнообразии, в силу тесной корреляции позиции персонажа и исполнителя частушка отражает взгляд на мир с позиции молодежной группы фольклорного коллектива, и поэтому абсолютное большинство частушек реализуют свое содержательное многообразие в игровом, комическом эмоциональном регистре, в основном – сквозь призму любовных отношений молодой пары. На превалирование в частушке молодежно-любовной тематики указывают и другие исследователи (например, в [Русское народное поэтическое творчество, 1986; Зуева, Кирдан, 2002 и др.]). Так, Т. В. Зуева и Б. П. Кирдан пишут: «Частушки проявляют внимание ко всем жизненно важным вопросам, их содержание разнообразно. Однако в огромном большинстве случаев они сочинялись молодежью, поэтому их самой популярной темой стала любовь. Персонажи частушек – девушка и парень от подросткового возраста до брака. Частушки передают мечты девушек о замужестве, парней о женитьбе; зарождение и развитие любовного чувства; любовные переживания разного рода. Молодежь протестует против власти родителей, их запрета на свободное чувство; сообщает о своей грамотности, позволяющей писать друг другу любовные письма; наивно стремится ко внешним формам городской культуры как способу утверждения самостоятельности и привлечения к себе внимания со стороны противоположного пола» [Зуева, Кирдан, 2002, с. 361–362]. Как показало проведенное исследование, именно в частушках такого типа соматизмы фиксируются наиболее регулярно.

Частушки иной тематики (например, политико-агитационные) составляют значительно меньший по объему корпус текстов. При этом соматизмы в нелюбовных частушках практически не фиксируются. Для достижения точности анализа отметим, что единично признаки реализации соматизмами кодовой функции можно обнаружить в нелюбовных частушках. Нами зафиксировано 4 таких текста, что составляет 0,7 % от общего количества исследованных частушек. В них кодовое содержание соматизмов направлено на выражение не любовных, а патриотических эмоций, которые реализуются в «советских» политических частушках на основании проникновения в них элементов патриотического кода (*За страну свою родную **Грудью** встанем, как один. Мы своей земли ни пяди Никому не отдадим; Жить зажиточно в колхозе – Это дело наших **рук**. Так сказал товарищ Сталин, Наш любимый вождь и друг*).

Таким образом, соматизмы в частушке ограничивают свою функцию участием в представлении ценностей любовных отношений: соматический код в частушке – это код любовных отношений, что отличает ее от пословицы, ориентированной на отражение полной палитры национально-культурных ценностей.

Тематическая классификация лирических песен, по мнению Т. В. Зуевой и Б. П. Кирдана, включает «песни бытовые (любовные, семейные, шуточные), песни социального содержания (разбойничьи, солдатские) и песни крестьянских отходников – людей, временно уходивших из своих деревень на заработки (ямщицкие, чумацкие, бурлацкие)» [Зуева, Кирдан, 2002, с. 294]. Эта тематическая классификация отражает виды типовых чувств и настроений определенного лирического героя народных песен – любящих парня и девушки, мужа, жены и других членов семьи, разбойников, солдат и т. д. Н. П. Колпакова подчеркивает, что тематические типы лирической песни подчиняются, в свою очередь, характеру передаваемых ими эмоций, которым соответствует их символика (см. цитату из работы указанного автора на с. 29): всю символику русских народных лирических песен Н. П. Колпакова разделяет на две группы: символику счастья и символику горя [Колпакова, 1962, с. 207]. Характер передаваемых

лирической песней эмоций составляет перечень типовых проявлений «радости» и «горя», характерных для ее типовых лирических героев: например, для девушки – «горе» от расставания с возлюбленным (*Кручинна красная девица, печальна, Никто ее кручинушки не знает: Ни батюшка, ни матушка родные, Ни белая голубушка сестрица. Печальна душа красная девица, печальна, Не можешь ты злу-горю пособити, Не можешь ты мила друга забыть*), для разбойника – «горе» социального отторжения (*Уж куды-то я, добрый молодец, ни кинуся – Что по лесам, по деревням все заставы, На заставах ли все крепки караулы; Они спрашивают печатного паишпорта, Что за красною печатью сургучевой*), для солдата – «горе» от необходимости подневольной службы (*Со сторон люди глядят, Поймать меня хотят, Поймать меня хотят, Ручки-ноженьки сковать, Ручки-ноженьки сковать. Во солдатушки отдать, Во солдатушки отдать И батюшке не сказать!*) и т. д.

Лирическая песня, несмотря на то что ее содержание «всегда в той или иной мере ограничено определенным кругом тем и образов» [Лазутин, с. 63], представляет общую логику эмоций фольклорного коллектива, причем по выраженному в них настроению включают произведения «трагические, оптимистические, юмористические, сатирические» [Зуева, Кирдан, 2002, с. 294]. В перечне сюжетных ситуаций лирической песни ситуации, связанные с любовными отношениями молодой пары, занимают далеко не ведущее место. При этом соматизмы участвуют в реализации сюжетных ситуаций самого разного типа, не ограничиваясь «любовными». Соматический код в лирической песне – это код особого спектра типовых эмоций и чувств, испытываемых ее типовыми персонажами.

4. Различия в специфике организации текста лирической песни и частушки, направленных на выражение чувств, определяются не только разницей в их объеме. Несмотря на то что частушка – в силу более тесной связи с действительностью – передает более конкретизированные эмоции, чем те, которые транслируются в лирической песне, способ их передачи, наоборот, отличается большей иносказательностью. Текст частушки организован как представление одной сюжетной ситуации, в которой эмоциональное состояние

лирического героя передается исключительно за счет типовой коллективной оценки описываемых действий. Прямые номинации эмоций и чувств (и их словообразовательные корреляты) фиксируются в частушке крайне редко, а их перечень крайне ограничен (в нашем материале – они номинируются лексемами *любовь* (в значении «чувство»⁵ – 8 раз), *тоска* (3 раза), *горе*, *веселый*, *весельице*, *развеселить* – единично). В лирических песнях репертуар номинируемых эмоций и состав соответствующих лексем более разнообразен (в нашем материале – *любовь*, *тоска*, *радость*, *горе*, *страдание*, *несчастье*, *грусть*, *веселье* и их словообразовательные корреляты – всего более 80 употреблений, исключая контекстуальные повторы).

На основании вышесказанного можно предположить, что ориентированность лирической песни на более непосредственную и развернутую передачу транслируемых эмоций (несмотря на их меньшую, в сравнении с частушкой, конкретность), а также на жесткую обоснованность лирических формул традицией предполагает более стабильное и более детальное, чем в частушке, описание соматических реакций – как формы их проявления (что допускает и объем текста, и его меньшая ограниченность условиями ритма и рифмы).

5. Все вышеописанные различия определяют специфику оценочных эмоций, реализуемых частушкой и лирической песней на уровне их глубинной семантики.

Частушечный диктум отражает конкретные типовые ситуации бытовой жизни молодежного фольклорного коллектива. Типовые ситуации, составляющие диктум лирической песни, являются более обобщенными, чем в частушке, отвлеченными от реальности. Диктумное содержание лирической песни отражает типовые эмоции фольклорного коллектива, представленные как максимально обобщенные (*радость* и *горе*).

В связи с этим на уровне глубинной семантики частушка транслирует более конкретную, чем лирическая песня, типовую эмоцию (активизируемую ее ритмико-мелодическим оформлением), связанную с оценкой типовой бытовой ситуации, реализующейся при помощи материального объекта (*Сошью белую*

⁵ Другое значение – «тип отношений»: *У нас любовь случилась...*

кофтеночку, Сошью, наутюжю, С твоим сыном погуляю, Тебя не послушаю: «Радость и озорство от противодействия потенциальной свекрови»; Седня праздник воскресенье, Я получше наряжусь: Крынки на ноги надену, Самоваром подвяжусь: «Веселье от праздника, позволяющего пренебречь правилами»).

Обобщенный характер эмоций, с которыми ассоциируются сюжетные ситуации лирической песни, проявляется в следующих примерах: *Ой, да во синем море Корабель плывет, Ах, корабель плывет, Аж волна ревет; Ой, да ты калинушка, Да ты размалинушка, А ты не стой, не стой На горе крутой. Ой, да вниз спускайся, Во сине море.* В них на уровне глубинной семантики транслируются эмоции лирического героя, представленные на высоком уровне обобщения (*горе, тоска*).

Таким образом, пословица, частушка и лирическая песня обладают определенной жанровой спецификой, определяющей, в том числе, принципы использования соматизмов – как носителей содержания национально-культурного и собственно-жанрового кода.

Выводы к главе 1

1. Соматический код культуры, выделяемый на основании специфики содержания реализующих его знаков, рассматривается среди других кодов культуры – зооморфного, пространственного, растительного, пищевого и под. – как базовый. В силу единства устройства человеческого тела он является универсальным для разных национальных культур.

Одним из видов вербальных единиц, реализующих его, являются соматизмы – лексемы, номинирующие части человеческого тела.

2. Вербальные коды культуры, в том числе – вербальный соматический код, особым образом реализуются в **фольклорном дискурсе**, цель которого прямо ориентирует на представление национально-культурных ценностей. В связи с этим вербальный соматический код фольклорного дискурса соответствует национально-культурному соматическому коду, включающему, в свою очередь, общекультурные и национально-культурные составляющие.

Фольклорный дискурс и фольклорный текст выступают как сферы активизации кодового содержания соматизмов. Специфика фольклорного текста заключается в особом взаимодействии его поверхностной и глубинной семантики. Переход от поверхностной к глубинной семантике конкретного фольклорного высказывания может быть осуществлен только в перспективе совокупности фольклорных текстов определенной культуры, с учетом специфики их жанровых форм.

3. Активизации кодового смысла единиц, приобретающих в фольклорном дискурсе новые концептуально значимые (кодовые) смыслы, способствует эстетическая **жанровая форма** фольклора.

Пословица, частушка и лирическая песня – как жанры русского фольклорного дискурса – обладают определенной спецификой, определяющей характер реализации соматического кода.

3.1. **Пословица** по своим жанровым установкам прямо ориентирована на передачу ценностноориентирующего фольклорного модуса, поэтому направленность фольклорного дискурса на полную фиксацию национально-культурной ценностной картины мира отражается в пословице наиболее прямо и последовательно. Ценности национальной культуры реализуются в объективно-логическом аспекте и предстают как опыт логического освоения мира, выраженный в иносказательной форме.

В поверхностной семантике пословицы соматизмы выступают как номинации материальных предметов, участие которых в действиях и пребывание в определенных состояниях предстает как парадоксальное. В ее глубинной семантике парадоксальность функции соматизма снимается за счет наличия в традиции (1) стабильного ценностноориентирующего содержания соматизма, заданного на уровне национально-культурного кода, (2) представления о жанровой поэтике пословицы, включающей положение о ее иносказательности, а также (3) знания ценностноориентирующего содержания конкретной пословицы (ее глубинной семантики).

В пословице – в силу ее жанровой направленности на прямое отражение системы культурных ценностей – реализуется закреплённость за каждым соматизмом определенного компонента ценностной системы национальной культуры. Кодовые смыслы прочитываются достаточно **конкретно и однозначно**.

3.2. Частушка и лирическая песня – как жанры народной лирики – направлены на ситуативное выражение эмоций и чувств исполнителя. Соматизмы в них участвуют в оформлении эмоционального кода, номинируя части тела персонажей, активность которых предстает как изоморфная их эмоциональным реакциям и транслируемым при посредстве лирической песни и частушки эмоциям исполнителя.

3.2.1. Общие свойства лирической песни и частушки, определяющие специфику реализации кодовой семантики соматизмов, заключаются в следующем:

(а) лирическая песня и частушка построены на основе сюжетных ситуаций, организация которых подчинена лирическому началу;

(б) характером отношений между поверхностной и глубинной семантикой текста, заключающемся в том, что их диктумное содержание отражает реальные и парадоксальные типовые ситуации, включающие оперирование материальными объектами, на уровне глубинной семантики за счет традиции реализующие типовые ценностно значимые эмоции; экспликация этих эмоций осуществляется за счет наличия в традиции (1) стабильного ценностноориентирующего содержания соматизма, заданного на уровне национально-культурного кода, (2) представления о жанровой поэтике частушки и лирической песни.

3.2.2. Специфические свойства лирической песни и частушки, определяющие особенности реализации кодовой семантики соматизмов, заключаются в следующем:

(а) эмоции и чувства в лирической песне реализуются как более обобщенные, чем в частушке, ситуативно не конкретизированные, и соматизмы, участвующие в их фиксации, также отражают более обобщенные реакции персонажа и исполнителя;

(б) лирические песни и частушки различаются по содержанию транслируемых эмоций, в том числе – реализуемых при помощи соматизмов: в частушке они участвуют только в представлении ценностей любовных отношений, а в лирической песне отражают, хотя и более обобщенно, более широкий спектр эмоций и чувств.

В следующей главе будет рассмотрена специфика реализации соматизмов в русских пословицах, лирических песнях и частушках, которая определяется их жанровыми принципами, реализованными в составе фольклорного дискурса.

Глава 2 Специфика реализации вербального соматического кода в русских пословице, лирической песне и частушке

Цель данной главы – выявить жанровую специфику реализации кодовой функции соматизмов в пословице, лирической песне и частушке как жанрах русского фольклорного дискурса.

Для достижения обозначенной цели проанализируем состав, частотность использования, кодовое содержание и принципы текстовой реализации соматизмов в указанных жанрах.

2.1 Состав и частотность использования соматизмов как кодовых имен в русских пословице, лирической песне и частушке

Обращение к особенностям состава и частотности использования кодовых единиц в текстах, реализующих общекультурный код на основании специфики сферы их функционирования, позволяет сделать значимые выводы о заданных этой сферой принципах его реализации. Подобный подход активно используется в исследованиях специфики функционирования лексических единиц как экспликаторов кода культуры (см., например, [Ван, 2012 ; Гукетлова, 2009 ; Капелюшник, 2009 ; Кольовска, 2014 ; Папшева, 2010 ; Фаттахов, Власова, 2016 и др.]), в том числе – при исследовании специфики реализации соматического кода в пословицах [Башкатова, 2014 ; Белякова, Сычева, 2018 ; Борисова, 2015 ; Дмитрюк, 2009 ; Кремшокалова, 2012 ; Ойноткинова, 2011 и др.], лирических песнях [Завалишина, 2005] и сказках [Петрухина, 2006].

Рассмотрим количественные показатели, обнаруживающие «меру сфокусированности внимания» [Дмитрюк, 2009] на разных частях тела в исследуемых жанрах.

Приведем список зафиксированных нами соматизмов. Укажем их общее количество⁶.

⁶ Впервые анализ состава и частотности использования соматизмов описан нами в работах, направленных на выявление жанровой специфики их реализации в пословице [Тубалова, Ван, 2018б], частушке [Тубалова, Ван, 2018б] и лирической песне [Ван, 2019].

В пословице это единицы *голова* (283 единицы из 1436 зафиксированных), *руки* (220), *глаза* (160), *ноги* (140), *зубы* (84), *сердце* (82), *язык* (76), *рот* (71), *нос* (70), *борода* (57), *лицо* (57), *плечи* (53), *волосы* (33), *живот* (33), *уши* (18); значительно менее регулярно представлены соматизмы *шея* (9), *брови* (8) и *грудь* (5).

В частушке – *сердце* (165 единиц из 593 зафиксированных), *глаза* (136), *голова* (53), *рука* (57), *ноги* (52), *грудь* (36), *лицо* (25), *волосы* (22), *брови* (20), *нос* (9), *спина* (9), *язык* (6), *зубы* (6), *плечи* (6), *борода* (4); единично представлены соматизмы *рот*, *живот*.

В лирической песне – *голова* (127 из 594 зафиксированных), *сердце* (78), *рука* (72), *волосы* (58), *глаза* (42), *ноги* (37), *плечи* (34), *брови* (33), *грудь* (32), *лицо* (27), *спина* (17), *борода* (13); малочастотно представлены соматизмы *живот*, *нос*, единично – *зубы*.

Перечень соматизмов, функционирующих в качестве кодовых имен в пословице, частушке и лирической песне, в основном, совпадает, но обнаруживаются отдельные жанрово обусловленные различия в их составе и значительные различия в частотности использования некоторых единиц.

Уровень частотности соматизмов, зафиксированных в исследуемых жанрах, представим в таблице 1. В связи с неравновесностью общего количества соматизмов, зафиксированных в пословице, частушке и лирической песне (1436/593/594), приведем для сопоставления частотности процентные показатели количества соматических кодовых имен от общего их количества в каждом жанре.

Таблица 1 – Частотность использования соматизмов в пословицах и частушках (в процентах от общего количества зафиксированных в каждом жанре)

Перечень соматизмов	Пословица	Частушка	Лирическая песня
ВСЕГО	1454	593	594
<i>Голова</i>	20⁷	5	21
<i>Руки</i>	15	8	12
<i>Глаза (глаза, очи)</i>	11	23	7
<i>Ноги</i>	10	9	6
<i>Зубы</i>	6	1	менее 1

⁷ Полужирным шрифтом выделены процентные показатели наиболее частотных соматизмов.

Окончание таблицы 1

Перечень соматизмов	Пословица	Частушка	Лирическая песня
<i>Сердце</i>	6	28	13
<i>Язык</i>	5	менее 1	0
<i>Рот</i>	5	менее 1	0
<i>Нос</i>	5	2	1
<i>Борода</i>	4	2	менее 1
<i>Лицо</i>	4	4	4
<i>Плечи</i>	4	1	6
<i>Волосы</i> (волосы, коса, кудри)	2	6	10
<i>Живот</i>	2	менее 1	1
<i>Уши</i>	1	0	0
<i>Шея</i>	менее 1	нет	2
<i>Брови</i>	менее 1	3	6
<i>Грудь</i>	менее 1	6	5
<i>Спина</i>	менее 1	1	3

Представленные в таблице показатели отражают жанровую специфику пословицы, частушки и лирической песни, определяющей характер кодируемых национально-культурных ценностей и соответствующий им набор кодовых смыслов соматизмов, которым они оперируют.

По уровню востребованности в составе соматизмов, обнаруженных в каждом жанре, условно выделим группу высокочастотных (10 % и более) и группы соматизмов средней (3–9 %) и низкой (2 % и менее) частотности.

Внутри каждой группы состав соматизмов в исследуемых жанрах различается.

Рассмотрим группы высокочастотных соматизмов. В пословице таковыми являются единицы *голова* (238), *руки* (220), *глаза* (160), *ноги* (140), в частушке – *сердце* (165), *глаза* (136), в лирической песне – *голова* (127), *сердце* (78), *руки* (72), *волосы* (58).

Группа высокочастотных соматизмов частушки более значительно дифференцирована по уровню востребованности от единиц средней частотности (наименее частотный соматизм из высокочастотных – 23 %; наиболее частотный соматизм средней частотности – 9 %), чем соответствующие группы лирической

песни (10/7) и пословицы (10/6), и представлена меньшим количеством единиц. Соответственно, каждая высокочастотная единица соматического кода частушки получает более высокую значимость при трансляции кодовых смыслов, чем любая соответствующая единица пословицы и лирической песни. Например, единица *глаза*, которая представлена в рассматриваемой группе частушки и пословицы, в частушке демонстрирует значительно более высокий абсолютный процентный показатель в сравнении с соответствующим показателем пословицы (23/11); единица *сердце*, представленная в группе высокочастотных соматизмов частушки и лирической песни, также показывает более высокую абсолютную частотность в частушке (28/13).

Обратим внимание на то, что в состав наиболее высокочастотных соматизмов пословицы и лирической песни попадают единицы *голова* (20/21) и *руки* (15/12), которые в частушке оказываются в группе единиц средней частотности (*голова* – 9, *руки* – 8).

Общий состав единиц высокой и средней частотности в лирической песне и частушке – как жанрах народной лирики – почти совпадает (исключение – соматизм *плечи*, среднечастотный в лирической песне и низкочастотный в частушке, и соматизм *спина*, среднечастотный в лирической песне и в частушках не зафиксированный).

В группах средне- и низкочастотных соматизмов рассматриваемых жанров также наблюдаются значимые различия. При этом в этих группах частотность соматизмов частушки и лирической песни обнаруживает большее сходство, но значительно отличается от соответствующих показателей пословицы. Так, значительно ниже, чем в пословице, в частушке и лирической песне частотность соматизмов *зубы* (6 в пословице / 1 в частушке, менее 1 в лирической песне), *язык* (5/1,0), *борода* (4/1,2), *рот* (5/менее 1,1), *живот* (2/менее 1,1). Наоборот, в частушке и лирической песне активнее используются такие соматизмы данной группы, как *волосы* (4 в частушке, 10 в лирической песне / 2 в пословице), *брови* (3,6/менее 1), *грудь* (6,5/менее 1). Исключение в данном аспекте также составляют единицы *плечи* (средняя частотность в пословице (4) и лирической песне (6)

и низкая – в частушке (1)), *лицо* (равная частотность во всех рассматриваемых жанрах – 4) и *спина* (среднечастотная в лирической песне (3), малочастотная в пословице (менее 1) и не зафиксированная в частушке).

Описанное распределение соматизмов соответствует специфике реализации в исследуемых жанрах национально-культурного соматического кода.

В **пословице** степень востребованности соматизмов отражает «меру сфокусированности внимания» [Дмитрюк, 2009] на разных частях тела человека, заданную на уровне общекультурного и национально-культурного соматического кода.

Общие для разных культур принципы организации соматического кода отражаются в пословице как жанре кросскультурном. Обращение к результатам исследований кодового содержания соматизмов, выполненных на материале паремиологических текстов неродственных культур [Белая, 2010 ; Дмитрюк, 2009 ; Кремшокалова, 2014 ; Ойноткинова, 2011 ; Савченко, 2012 и др.], позволяет сделать вывод о том, что группа высокочастотных соматизмов имеет единый состав в паремиях русской и других восточнославянских⁸, немецкой, казахской, алтайской и др. культур. Значительное межкультурное сходство обнаруживает и состав соматизмов, не относящихся к группе высокочастотных. В указанных исследованиях подчеркивается, что значимость общекультурной основы в формировании соматического кода конкретных культур объясняется универсальностью соматического кода культуры, определяемой единством устройства человека и принципов его осмысления.

В то же время, в русских пословицах обнаруживаются и специфические составляющие, заданные на уровне национально-культурного кода. Это, в основном, касается единиц средней и низкой частотности. Так, относительно регулярный для русской пословицы соматизм *зубы* слабо востребован в казахских паремиях [Дмитрюк, 2009]. Наоборот, в исследованных русских пословицах низкой является частотность соматизма *шея*, обнаруживающего среднюю

⁸ Сопоставление состава и частотности использования соматизмов в пословицах восточнославянских (в том числе – русской) и неродственных им культур проведено нами в [Тубалова, Ван, 2018a].

частотность в казахских поговорках [Там же]. Отсутствует в исследованных текстах регулярно фиксируемая во французских пословицах единица *печень* [Белая, 2010], а также демонстрирующие среднюю частотность в казахских поговорках соматизмы *веко, голень, легкие, небо* [Дмитрюк, 2010].

Система пословичных высказываний стремится к представлению полной национально-культурной ценностной картины мира, и тот ее компонент, который может быть реализован на основании соматического кода национальной культуры, представлен в пословице также максимально полно.

Пословицы, как ценностноориентирующие дидактически направленные высказывания, прямо апеллируют к национально-культурной ценностной системе и направлены на фиксацию максимально полного представления национально-культурного «ценностного потенциала». В связи с этим каждый соматизм в пословице выполняет функцию кодового имени, активизируя соответствующий ему ценностный аспект, заданный на уровне национально-культурного кода. Так, соматизм *голова* – в большинстве случаев маркирует ценность интеллекта (*За глупой головою и ногам нет покою; Какова голова, такова и речь; Много ума в голове, да вон не лезет* и др.), *руки* – наиболее регулярно отражает ценность жизненной активности (*Мозолистые руки не знают скуки; Сложив руки снопа не обмолотишь; Одной рукой и узла не завяжешь* и др.), *ноги* – ценность мобильности (*Мысли в небе, а ноги в постели; Не учи хромать, у кого ноги болят* и др.); *волосы* – антиценность «внешнего» в противовес ценности «внутреннего» (*Волос долог, да ум короткий; Волосом-то бел, да душой черен; Волосом сед, да совести нет*) и т. д.

Потенциальность пословичных высказываний по отношению к конкретным коммуникативным ситуациям, а также их направленность на широту представления национально-культурных ценностей определяют многообразие задаваемых при помощи соматического кода ценностных аспектов, перечень которых максимально полно отражает содержание национально-культурного соматического кода.

Лирическая песня и частушка формируют состав соматизмов, в первую очередь, на основании специфики жанровых установок⁹. Эти жанры сфокусированы на передаче эмоций и чувств, поэтому состав группы малочастотных соматизмов (или полностью отсутствующих, но фиксируемых в других жанрах фольклора) – как не предназначенных для передачи эмоций и чувств на уровне национально-культурного кода – в лирической песне и частушке сближается. При этом в пословицах такие соматизмы могут быть достаточно активно представлены. Например, соматизм *язык*, маркирующий в пословице антиценность болтливости (*Писать – не языком чесать; Ни ткаха, ни пряха, а язык, как плаха; У него что на уме, то и на языке*) и ценность своевременного меткого словесного выражения (*Жало остро, а язык острее того; Не пройми копьем, пройми языком; К старости зубы тупее, а язык острее*) и входящий в этот жанр в группу среднечастотных, является крайне малочастотным в частушке (менее 1 %) и не зафиксирован нами в лирической песне. Такое жанровое распределение соматизма *язык* соответствует тому, что его обобщенное содержание, заданное на уровне национально-культурного кода (традиции), не предназначено для реализации типовых эмоций, транслируемых в жанрах народной лирики (для частушки – «любовных» эмоций молодой пары). Немногочисленные случаи его использования в частушке (*Не судите, мужики, Да не судите, тетки! Берегите языки Дочкам на подметки!*) подтверждают идею о том, что данный жанр реализует эмоции более индивидуализированные, и в приведенном примере отражается частная эмоция молодежного коллектива, уточняющая типовую эмоцию молодой пары по поводу «болтливости» (см. соответствующее содержание данной единицы в пословице) старшего поколения, осуждающего их отношения.

Подобным образом можно объяснить отсутствие в лирической песне и низкую частотность в частушке соматизма *рот* (в пословице – в одном из значений – отражает близкое соматизму *язык* содержание: *На чужой роток не накинешь платок; Маленькая галка, а рот большой*; в единичных примерах частушки – отражает оценку любовного партнера через указание на нетиповое

⁹ На материале частушки данное положение было доказано нами в [Тубалова, Ван, 2018a].

состояние его внешности, в рамках которого *рот* выполняет функцию ненормативного признака внешности: *Сидит Ванька у ворот, Широко разинув рот, А народ не разберет, Где ворота, а где рот*) и др.

Общий состав единиц высокой и средней частотности в лирической песне и частушке почти совпадает (исключение – соматизм *плечи*, среднечастотный в лирической песне и низкочастотный в частушке, и соматизм *спина*, среднечастотный в лирической песне, но в частушках не зафиксированный).

Описанное распределение соматизмов соответствует специфике реализации в исследуемых жанрах национально-культурного соматического кода. Соматизмы *голова, руки, глаза, ноги, сердце, волосы, брови, грудь*, высоко- и среднечастотные в лирической песне и/или частушке, на уровне общекультурного кода формируют значения, которые легко адаптируются для реализации жанровых целей трансляции типовых эмоций и чувств фольклорного коллектива.

Таким образом, состав и частотность использования соматизмов в рассматриваемых жанрах русского фольклора определяется жанровыми установками на трансляцию содержания определенного типа.

Описанное распределение соматизмов в русских пословице, частушке и лирической песне соответствует специфике реализации в исследуемых жанрах фольклорного соматического кода.

2.2 Глубинная и поверхностная семантика соматизма в фольклорном тексте

В соответствии с целью фольклорного дискурса – в эстетически значимой форме транслировать ценности национальной культуры – соматизмы, как и другие его единицы, в фольклоре участвуют в реализации этой цели.

Выполнение фольклорными единицами этой функции основывается на взаимодействии их поверхностной и глубинной семантики – как составляющих глубинной и поверхностной семантики фольклорного текста.

Поверхностная семантика фольклорной лексики – это семантика, которая проявляется в конкретном фольклорном контексте, участвует в реализации

диктумного содержания, отраженного в поверхностной семантике фольклорного текста, и реализуется за счет формально-содержательной сочетаемости с другими его лексемами. Например, в пословице *Из сердца не выкинешь, а в сердце не вложишь* соматизм *сердце* реализует поверхностную семантику «**полость, сосуд**», которая реализуется за счет сочетаемости с предлогами *из* и *в*, обладающими семантикой внесения/извлечения, а также с глаголами *выкинуть*, *вложить* с подобным значением. Поверхностная семантика фольклорной лексемы во многих случаях (в том числе – в приведенном примере) контекстуально прочитывается как парадоксальная.

Глубинная (символическая, кодовая) семантика лексических единиц в фольклорном дискурсе уже достаточно давно обсуждается в лингвофольклористике в особом аспекте: наличие у фольклорного слова, фольклорной формулы стабильных символических значений отмечено в целом ряде исследований [Артеменко, 1988, 2006 ; Еремина, 1978 ; Мальцев, 1979 ; Никитина, 1993 ; Неклюдов, 2005 ; Толстая, 1994 ; Хроленко, 1976, 1979 ; Цивьян, 1973 и др.]. Активизации кодового смысла способствует эстетическая жанровая форма фольклора: «мир любого фольклорного текста (как и его фрагмента) не бывает точным историческим слепком с мира реального (в диахронии), или его прямой проекцией (в синхронии); фольклору вообще не свойственно воспроизведение жизни в эмпирически натуральных формах» [Неклюдов, 2005, с. 32].

Глубинная семантика фольклорных единиц прочитывается на основании погруженности пользователя фольклора в национальную культуру (традицию) и последовательно реализуется в большинстве фольклорных текстов.

Глубинная семантика – это семантика лексемы, которая реализуется как результат взаимодействия поверхностной семантики фольклорной лексемы и ценностно ориентированных фольклорных смыслов, заданных на уровне культурного и жанрового кода и проявляющихся в результате восприятия множества фольклорных контекстов в совокупности. Наличие у лексемы глубинной семантики основано на общих принципах трансляции фольклорного смысла. Единицы **с конкретной семантикой** (номинации **материальных**

объектов) на уровне их глубинной семантики также приобретают в фольклорном дискурсе особые символические значения [Бохонная, 2006 ; Тубалова, 2000, 2004 и др.]. Одной из разновидностей таких единиц являются исследуемые соматизмы. Например, глубинная семантика соматизма *сердце* в рассматриваемом примере является результатом взаимодействия поверхностной семантики этого соматизма «полость, сосуд» и его общефольклорного символического содержания, реализуемого в совокупности фольклорных текстов: «**локус эмоций и чувств**» (пословицы: *От чистого **сердца** чисто зрят очи; Рад бы **сердцем**, да душа не принимает; **Сердце** душу бережет и душу мутит; Доброе **сердце**, да голова безмозглая; **Сердце** матери – вещун; **Сердце** матери лучше солнца греет; **Сердце** не камень – тает и др.; частушки: *Играй, гармонь, Чтобы выходило. Ты так люби, Чтобы **сердце** ныло; Пойду в огород, Наломая перцу, Что ты гонишься за мной? Ты мне не **по сердцу** и др.; лирические песни: *У девушки молоденькой **Сердечушко** больно бьется, Больно бьется! **Сердце** бьется-бьется, не уймется, Вся-то любовь с дружкой сойдется; Старый в гусли заиграет, заиграет. Мое **сердце** поет, поет, занывает... и др.*). В результате в пословице *Из сердца не выкинешь, а в сердце не вложишь* соматизм *сердце* реализует глубинную семантику «**сосуд для хранения эмоций и чувств**» (= «полость, сосуд» + «**локус эмоций и чувств**»).**

При формировании/восприятии фольклорного текста соматизмы особым образом участвуют в *установлении соответствия между его поверхностной и глубинной семантикой*.

Поверхностная семантика соматизмов выступает как составляющая поверхностной семантики фольклорного текста. При этом глубинная семантика соматизмов обеспечивает переход от поверхностной семантики фольклорного текста к его глубинной семантике: заданные традицией (а) глубинное (кодированное) значение соматизма и (б) жанровые принципы реализации соматического кода, взаимодействуя с поверхностной семантикой соматизма в конкретном фольклорном произведении, участвуют в трансляции глубинной семантики его текста (наряду с другими вербальными единицами, семантика которых также по вертикали

включена в общефольклорную и жанровую кодовые системы и по горизонтали составляет компоненты поверхностной семантики фольклорного текста). Характер взаимодействия глубинной и поверхностной семантики соматизма с глубинной и поверхностной семантикой фольклорного текста, основанный на специфике жанрово обусловленной реализации национально-культурного кодового смысла, представлен на рисунке 1.

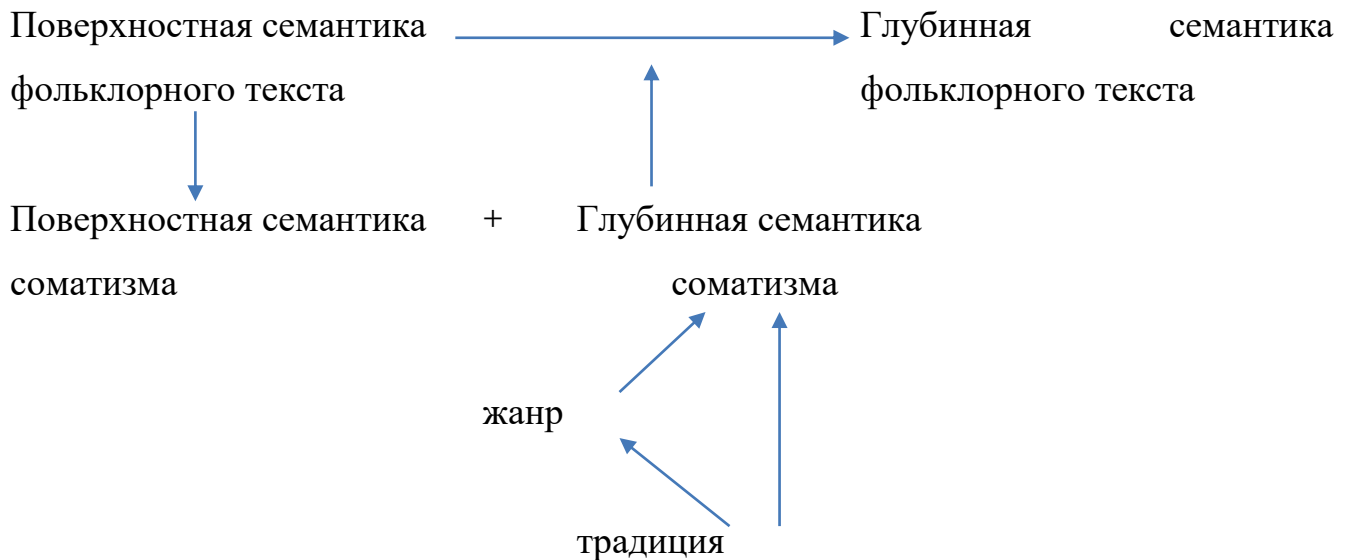

Рисунок 1 – Поверхностная и глубинная семантика фольклорного текста и поверхностная и глубинная семантика соматизма

Отраженное в представленном рисунке взаимодействие поверхностной и глубинной семантики соматизмов различным образом реализуется в разных фольклорных жанрах (специфика такого взаимодействия в русских пословице, частушке и лирической песне описана в разделе 2.4).

Включая общий содержательный компонент, заданный на уровне национально-культурного кода, глубинная семантика соматизма вариативно реализуется в разных фольклорных жанрах. В свою очередь, в конкретных жанровых текстах глубинная семантика варьируется в результате ее взаимодействия с поверхностной семантикой, реализуемой в них. Например, глубинная семантика соматизма *сердце* в пословицах (в соответствии с их жанровыми свойствами) напрямую выражает его национально-культурную семантику «локус эмоций

и чувств», а в частушке, где соматизмы оформляют код любовных отношений молодой пары (см. ниже), она уточняется и предстает как «локус любовных эмоций и чувств».

В свою очередь, в пословице в конкретных текстах наряду с представленным выше вариантом семантики «сосуд для хранения эмоций и чувств» (*В сердце не влезешь; Есть сердце, да закрыто дверцей; В сердцах иных людей всегда сумерки*) глубинная семантика получает другие варианты реализации: «субъект, способный испытывать эмоции» (*Милый далеко – сердцу не легко; На немилой жениться – сердце озлобится*), «поврежденный объект, в силу этого транслирующий негатив» (*Гнило слово от гнилого сердца; Черствое сердце не знает благодарности*) и др.

Формирование глубинной (кодовой) семантики соматизмов в фольклорном тексте определяется:

(1) кодовым смыслом номинируемой при помощи соматизма части тела человека, заданный на общекультурном/национально-культурном/общefольклорном уровне;

(2) организацией их *поверхностной семантики*;

(3) *жанровыми принципами* формирования фольклорного текста.

Рассмотрим **организацию поверхностной семантики соматизмов** – как единиц с конкретной семантикой, обозначающих материальные объекты.

2.3 Организация поверхностной семантики соматизмов и ее участие в формировании глубинной семантики фольклорного текста

Как уже отмечалось, поверхностная семантика соматизмов представляет собой компонент поверхностной семантики фольклорного текста.

Организация *поверхностной семантики соматизмов*, а также характер ее участия в *формировании глубинной семантики фольклорного текста* определяется *соматическими функциями* (в голове размещается мозг, рукой человек захватывает предметы, ноги – опора человека при перемещении и под.)

и особенностями конфигурации (руки – вытянутой формы, голова – округлой и под.) частей тела человека, а также *социальными функциями* результатов их действий (руки – используются при физической работе, глаза – позволяют визуально воспринимать мир и под.).

В соответствии с этим, в фольклорных текстах исследованных жанров на уровне поверхностной семантики соматизмы могут приобретать следующие типовые значения.

(1) **Субъектное** значение¹⁰, которое представляет часть тела человека как определенное лицо, способное совершать самостоятельные действия, находиться в свойственных лицу состояниях и испытывать эмоции и чувства. При его реализации часть тела человека как материальный объект на текстовом уровне максимально «отделяется» от своего обладателя и начинает существовать самостоятельно.

В свою очередь, интерпретируемый в рамках данного значения субъект может быть представлен следующим образом.

(1.1) Как совершающий **активные действия** (пословица: *Мал язык, да человеком **ворочает***; частушка: *Я пою, а **ноги пляшут**, Будто мне семнадцать лет. Дали премию в колхозе – Дорогой велосипед*; лирическая песня: *С горя **ноженьки** не ходят, Со слез **глазунки** не смотрят, Белы **ручунки** не робят*).

Реализация соматизмами семантики такого типа основана (1) на видимой извне активности соответствующих частей тела человека; (2) на уровне социальной значимости этой активности; (3) на уровне выраженности социальных результатов этой активности.

Наиболее последовательно семантику такого типа реализуют соматизмы *руки* (как номинация внешне наиболее активного органа, продуцирующего значимые социальные результаты, которые всегда непосредственно заметны), *голова* (как номинация органа, продуцирующего максимальную социально значимую активность, результаты которой внешне выражены) и *язык* (как

¹⁰ Выявление этих значений не связано напрямую с положением семантики исследуемой единицы в актантно-сирконстантной структуре предиката и не коррелирует с их синтаксическим выражением.

номинация органа, физическая активность которого хотя и внешне не видна, но производит значимый результат, хорошо заметный внешне). Значительно реже данное значение реализует соматизм *ноги* (как номинация органа, внешне активного, но активность которого менее социально наблюдаема). В единичных случаях такое значение приобретает соматизм *нос* (как номинация внешне выступающего, хотя и не активного физически органа).

Соматизмы *глаза, сердце, рот, волосы, борода, шея, лицо, живот, уши, плечи* – в силу физиологических свойств соответствующих органов чувств и уровня наблюдаемости их социальной активности – данное значение не реализуют.

(1.2) Как совершающий **пассивные действия** (например, речевые, действия восприятия и др.) или находящийся в определенном **состоянии** (пословица: *Глаза боятся, рот радуется*; Велик *рот*, а ничего не *видит*; частушка: *Мои ноженьки устали, Из дороженьки пришли. Долго милого искали, Дорогого не нашли*; лирическая песня: *Молодка, молодка, молоденькая, Головка твоя победенькая* [беденькая], *Не с кем молодке ночку ночевать, Не с кем мне, молодке, темну переспать*).

Максимально частотно такое значение реализуют соматизмы *глаза* (как номинация физиологически малоподвижного, но внешне изменчивого органа, в своих изменениях наблюдаемо отражающий состояния человека) и *сердце* (как номинация органа, не видимого внешне, но социально последовательно связываемого с эмоциональными реакциями человека). Менее частотно, но тоже достаточно последовательно это значение реализуют соматизмы *ноги* (как номинация физиологически активного органа, социальные результаты движения которого воспринимаются как само собой разумеющиеся), *рот, живот*. Значительно реже данное значение реализуют соматизмы *голова, руки, язык* (их субъектное значение значительно чаще активно) и никогда – *нос, борода, плечи*.

(2) **Объектное** значение, которое представляет часть тела человека как объект, которым оперирует его обладатель или взаимодействующее с ним лицо.

Объектное значение когнитивно интерпретируется как результат процесса «отделения» части тела от человека, в результате которого человек приобретает возможность «оперировать» им. Объектное значение реализуется во множестве частных вариантов, реализация которых позволяет человека перемещать части тела (пословица: *В Москву идти – только голову нести*; *Вина голову клонит*; частушка: *Я и так, я и сяк, Я и ногу на косяк. Как задумала любить, Никому не перевить*; лирическая песня: *Ах, вот кого я полюбила, Кому я сердце отдала. Шумел камыш, деревья гнулись, А ночка темная была*), изменять их внешний вид (пословица: *Горе не молодит, а голову белил*; частушка: *По селу хожу с Тимошкой, А Тимошка мой – с гармошкой. Он играет, напевает, Ветер кудри развеивает*; лирическая песня: *Брала она свои золоты ключи, Отпирала шкатулку серебряну, Вынимала два ножичка булатные, Порола свои груди белыя*), не перемещая, осуществлять с ними физический контакт (пословица: *Подай палец, а за руку-то сам ухвачу*).

Приобретение объектного значения – одно из значимых оснований соматического кодирования, поэтому абсолютное большинство исследованных соматизмов (*голова, ноги, глаза, руки, зубы, сердце, язык, нос, волосы, борода*) это значение реализуют. При этом данное значение ни разу не зафиксировано для соматизмов *рот, живот, уши* (вероятно, в силу минимальной активности соответствующих органов).

(3) Особо выделяется **инструментальное** значение, при реализации которого часть тела человека предстает как инструмент, с помощью которого его обладатель способен совершать действие, направленное на другой объект (пословица: *Если косить языком, спина не устанет*; частушка: *Сошью юбку, сошью черну, Сошью с полосами. На лицо я некрасива – Завлеку глазами!*; лирическая песня: *Сокол у нас на море – наездник: На всякую птицу налетает, Грудью ее побивает*).

В большинстве случаев использование соматизмов в этом значении определяется эксплуатацией закрепленных за номинируемыми частями тела базовых соматических функций (головой – думают, руками – работают

(действуют), глазами – смотрят, ногами – ходят, зубами – жуют, сердцем – чувствуют, языком – говорят и т.д.), которые ценностно интерпретируются либо как неуместно используемые («косить языком»), либо как замещаемые другими функциями («завлечь глазами»).

Кроме того, рассматриваемую семантику соматизмы получают на основании ценностного переосмысления возможностей реального использования органов человеческого тела («грудью ее побивает»), и в этом случае инструментальное значение приближается к описанному в п. (7) (см. далее).

Не зафиксированы в обсуждаемом значении соматизмы *борода, плечи, волосы, живот*.

(4) Также соматизмы на уровне поверхностной семантики могут получать значение **полости, сосуда**, в который можно что-то вложить или что-то вынуть из него, открыть его или закрыть (пословица: *Большому уму и в маленькой голове не тесно*; частушка: *Милый, милый, всем на диво Мы рассталися с тобой, Все печали в сердце пали, Грудь наполнилась тоской*; лирическая песня: *Убит лежит добрый молодец, Белая грудь возрезана, В черных кудряхмышь гнездо свила*).

Данное значение имеет выраженное физиологическое обоснование. Оно реализуется у соматизмов, обозначающих органы, воспринимаемые либо как «сосуд» (*голова, живот, сердце*), либо как «отверстие» (*рот, глаза, уши*).

(5) В качестве отдельного значения, реализуемого на уровне поверхностной семантики, можно также выделить **идентифицирующее** значение, при реализации которого соматизмы соотносятся с другими объектами окружающего мира, определяется их пространственное положение или приводится их внешняя характеристика (пословица: *Волос долог, а язык длинней; Руки – крюки: не тем концом воткнуты*; лирическая песня: *Да его но... ноженьки да вдо... вдоль дороженьки, Да его ру... ой, рученька да на белой груди. Да его во... волосы и да на... на черной грязи*).

Данное значение – в силу разнообразия аспектов идентификации – реализуют практически все соматизмы.

(6) Также отдельно выделяется значение **наличествования**, характеризующее часть тела как имеющуюся / не имеющуюся на своем месте (пословица: *Без мужа – что без головы; без жены – что без ума*; частушка: *Если б, миленький, не вы, Не ваши глазки серые, Не пошла бы я сюда За километры целые*; лирическая песня: *Поимали перепелку, и с руками, и с ногами, И с руками, и с ногами, и со буйной головою*).

Данное значение, как и предыдущее, реализуют практически все соматизмы, что определяется представлением о нормативности человеческого тела.

(7) Наконец, среди значений соматизмов, реализуемых на уровне поверхностной семантики, используется значение соматизма, при реализации которого эксплицируются **непосредственные соматические реакции** частей тела человека (**собственно соматическое**). В большинстве, это реакции, при которых они испытывают боль – «болят» (пословица: *С чужого похмелья голова не болит; Спать – не молотить: спина не болит*; частушка: *Далеко милый уехал, Ой-е-е, как далеко. У него болит сердечко И моему нелегко*; лирическая песня: *Мне чужу работу робить не по силам – С той работы рученьки болят. Болят рученьки по плечам, Со сдыханья белая грудь болит*).

Данное значение также могут реализовывать все соматизмы (кроме соматизма *волосы* – в силу собственно физиологических причин), наиболее регулярно эксплицируя физиологическую реакцию «болеть».

Во всех рассмотренных жанрах ценностные смыслы на уровне глубинной семантики соматизмов формируются **при посредстве использования их поверхностной семантики следующим образом.**

1. **Ценностная значимость** придается действиям и качествам человека через активизацию значимых активных действий и состояний номинируемых соматизмами органов человека как *субъектов*;
- через указание на результативность их использования в качестве *инструментов*;
- через указание на важность особого обращения с ними как с *объектами*;
- на ценность их содержимого как *сосудов*;

через указание на наличие у них положительных качеств, выявляемых в результате их *идентификации*;

через указание на их *наличие* на соответствующем норме месте;

через указание на выполнение ими нормальных соматических (физиологических) функций.

2. Действия и качества человека квалифицируются как **антиценность**

через описание различных форм ограничения активности номинируемых соматизмами органа как *субъекта*, а также – наоборот – указание на его повышенную или неуместную активность;

через указание на нерезультативность или неуместность его использования как *инструмента*, а также на его поврежденность;

через указание на его вынужденное перемещение или нанесение ему ущерба как *объекту*;

через указание на его незаполненность как *сосуда* или на его заполненность неуместным содержимым;

через указание на наличие у них негативных качеств, выявляемых в результате его *идентификации*;

через указание на его *утрату* или его *отсутствие* на соответствующем норме месте;

через указание на невыполнение им нормальных соматических (физиологических) функций или выполнение не характерных для него функций.

Рассмотрим, каким образом в результате установления соответствия между поверхностной и глубинной семантикой соматизмов в пословице, частушке и лирической песне реализуется общемофольклорный соматический код.

2.4 Глубинная (кодовая) семантика соматизмов в ее обусловленности жанровыми принципами формирования фольклорного текста

Цель данного раздела – выявить принципы реализации глубинной семантики соматизмов в русских пословице, частушке и лирической песне.

2.4.1 Соматический код в русской пословице

Пословица, как уже отмечалось, наиболее прямо и наиболее полно отражает содержание фольклорного кода, который, в свою очередь, фиксирует общее содержание кода национальной культуры.

При обращении к содержанию соматизмов, реализуемому в составе соматического кода пословицы, обнаруживается максимальное разнообразие фиксируемых смыслов (которое оказывается значительно более высоким, чем в частушке и лирической песне, – см. далее), что определяется ее жанровыми особенностями и выражается не только в составе и частотности используемых единиц, но и во множественности их кодовых значений.

Примеры реализации данной функции соматизмов на материале пословиц представлен в таблице 2, выполненной на основании рисунка 1 (раздел 2.2).

Таблица 2 – Кодовая семантика соматизмов в пословицах, обеспечивающая связь между поверхностной и глубинной семантикой фольклорного текста

Общекультурное/общefольклорное значение: СЕРДЦЕ ¹¹ – «локус эмоций и чувств»			
Пословица: <i>Из сердца не выкинешь да в сердце не вложишь</i>	Поверхностная семантика: парадоксальная ситуация запрета на оперирование содержимым сердца		Глубинная семантика: <i>Нельзя заставить/запретить любить (=испытывать эмоции и чувства)</i>
Соматизм: <i>сердце</i>	Поверхностная семантика: <i>сосуд</i>	Глубинная семантика: <i>сосуд для хранения эмоций/чувств</i>	
Общекультурное/общefольклорное значение: РУКА – «локус активности», НОГА – «локус мобильности»			
Пословица: <i>Ноги носят, а руки кормят</i>	Поверхностная семантика: парадоксальная ситуация перемещения человека ногами и кормления руками		Глубинная семантика: <i>Нужно пользоваться своей возможностью перемещаться и действовать, чтобы комфортно жить</i>

¹¹ Жанровая специфика функционирования соматизма сердце подробнее рассмотрена нами в [Ван, 2018a].

Окончание таблицы 2

Соматизм: <i>ноги</i>	Поверхностная семантика: <i>субъект</i>	Глубинная семантика: <i>субъект позитивной мобильности, обеспечивающий человеку возможность передвигаться</i>	
Соматизм: <i>руки</i>	Поверхностная семантика: <i>субъект</i>	Глубинная семантика: <i>субъект позитивной активности, обеспечивающий человеку возможность действовать</i>	

На уровне как поверхностной, так и глубинной семантики соматизмы в пословице реализуют самый широкий спектр свойственных фольклорным соматизмам значений.

Все соматизмы в пословицах выступают как носители кодовых смыслов и в совокупности образуют единство жанрового содержания соматического кода.

Кодовые смыслы соматизмов в пословице обладают стабильностью. За каждым соматизмом закрепляется особое кодовое значение, уточняемое в рамках конкретной пословицы. Каждый соматизм участвует в трансляции определенных ценностей: *голова* – ценность интеллекта (*У него в голове реденько засеяно; Седина – в бороду, ум – в голову; У меня голова что решето*), а также связанная с ней ценность возможности управлять жизнью (*Двум головам на одних плечах тесно; Рыба – вода, ягода – трава, а хлеб – всему голова; Копейка рубль бережет, а рубль голову стережет*), *ноги* – ценность мобильности¹² (*У лжи короткие ноги; Павлин красив, да ногами несчастлив*), деятельности, *нос* – ценность соблюдения границ (*Не суй нос не в свое дело; Тому виднее, у кого нос длиннее; Не твоим носом клевать просо*), *уши* – ценность интерпретативного, деятельностного, «непрямого» восприятия мира (*У девки золотом уши завешены; У брюха нет ушей; Не все слушай, иное и мимо ушей пускай*) и т.д.

¹² Подробно специфика функционирования соматизма *ноги* в русской пословице рассмотрена в [Ван, 2018б].

Ценностное содержание, закреплённое за каждым соматизмом, в пословицах варьируется. Варианты реализации глубинной семантики образуют систему.

Проиллюстрируем положение о системной множественности кодовых значений соматизмов в пословице на примере анализа глубинной семантики единиц *руки* и *глаза*.

Их выбор для подробного анализа определяется

(1) высокой частотностью данных соматизмов как в пословице, так и в других рассматриваемых жанрах;

(2) значимым различием типа физиологической конфигурации и типа их наблюдаемых действий/состояний (глаза – округлой формы, руки – вытянутой, глаза менее активны в движении);

(3) значимым различием типа их соматических функций (внешний вид глаз может меняться в зависимости от испытываемых их обладателей эмоций и чувств, и эти изменения последовательно социально осмыслены, движения рук менее дифференцированы при их социальном осмыслении);

(4) спецификой их общефольклорного (национально-культурного) кодового смысла (руки более связаны с ценностями физической активности, глаза – духовной).

РУКА/РУКИ¹³

Соматизм *рука* на уровне национально-культурного кода символизирует ценность активности. Опираясь на утверждение о значимости ассоциирования частей тела или органов человека в сознании носителей языка с выполняемыми ими соматическими функциями [Ойноткинова, 2011, с. 6], обратим внимание на то, что соматические возможности рук человека позволяют ему осуществлять две важнейшие социальные функции – трудовую деятельность и коммуникацию (через жесты). На уровне культурного кода эти функции наиболее последовательно закрепляются за двумя видами активности – трудовой (ср. в паремиях: *махнуть рукой*, *на скорую руку*, *опустить руки*, *золотые руки* и др.; *Глаза боятся, а руки делают*; *Ноги носят, а руки кормят*; *Ленивые руки*

¹³ Специфика реализации соматизма *руки* в русской пословице впервые рассмотрена нами в [Ван, 2018б].

не родня умной голове и др.) и коммуникативной (ср. во фразеологии: *рука об руку, с протянутой рукой, по рукам* и др.

В пословицах коммуникативная функция рук практически не эксплицируется.

Среди всех поверхностных значений соматизма *руки* в пословице (как и в других рассмотренных жанрах) не реализуется только значение «сосуд, полость». Наиболее частотно используются поверхностные значения «субъект», «инструмент», «объект». Но для соматизма *руки* субъектное и инструментальное значения являются базовыми, поэтому при реализации глубинной семантики его заданное на поверхностном уровне объектное значение (а также фиксируемое единично значение «наличествования») поглощаются инструментальным: *руки* как объект оперирования, как идентифицированный предмет, а также как присутствующий/отсутствующий предмет рассматриваются в перспективе их инструментального использования (например, *Коли не кузнец, так и рук не погань* – объект получает «ущерб», так как «неумело используется в качестве инструмента»; *Без клещей кузнец, что без рук* – отсутствие *рук* приравнивается к отсутствию «инструмента»). Другие поверхностные значения данный соматизм реализует крайне редко.

Соматизм *руки* на уровне глубинной семантики реализует значение, связанное с различными формами **активности**, выступая как ее (1) **инструмент** или **субъект**. Такая активность всегда имеет направление от человека к миру и трактуется как активность «обладателя рук».

Значительно реже исследуемый соматизм на уровне глубинной семантики реализует значение (2) «**инструмент удержания чего-либо, обладания чем-либо**», которое косвенно также можно рассматривать как результат активности.

(1) Рассмотрим группы значений *руки* – «инструмент активности» в аспекте их ценностной интерпретации, реализуемой на уровне глубинной семантики.

Активность интерпретируется в пословицах как ценность (позитивная активность) и антиценность (избыточная или неуместная активность), в основе которых – две подгруппы значений данного соматизма, реализующихся в пословицах: (1.1) «инструмент/субъект позитивной активности» и (1.2) «инструмент/субъект негативной активности».

(1.1) Интерпретация *рук* как «инструмента/субъекта **позитивной** активности» реализуется более частотно, но и более однотипно. Ценностная значимость совершаемых *руками* действий выражается в глаголах с семантикой результативность (*делать; брать* и под.) или способов ее достижения (*воевать*), а также со значением созидательного активного действия (*кормить, шить*).

Пословицы такого типа при помощи соматизма *руки* интерпретируют ценность активности, приносящей положительный результат (*От скуки бери дело в руки; Ноги носят, а руки кормят; Голова научит, руки сделают*). В частности, на основании этого значения реализуется ценность сопротивления жизненным трудностям (*Не замочив рук, не умоешься; Горе горюй, а руками воюй; Кто в горе руки опускает, тот счастья никогда не узнает*), а также ценность наличия определенных навыков (*С руками нигде не пропадешь; Гусли-то те, да руки не те; Не игла шьет, а руки*).

Реже исследуемый соматизм представляет активность, направленную на реализацию связи между людьми (*Живут рука в руку, душа в душу; Которая рука по головке гладит, та и за вихор тянет; Левой рукой мосол кажи, в правой руке плетъ держи*).

(1.2) Интерпретация *рук* как «инструмента/субъекта **негативной** активности» реализуется более вариативно. Варианты его реализации отражают разные основания для оценки активности: ее непродуктивность (*Двое пахнут, а семеро руками машут; Лучшие сидеть сложа руки, чем делать спустя рукава; Ах, да рукою мах – а на том реки не переехать*), неуместность (*Не спеши хватать: оботри руки; На его бабушке сарафан горел, а мой дедушка пришел да руки погрел*), избыточность (*Глаза – ямы, а руки – грабли*), агрессивность (*Бранись, а рукам воли не давай*), неумелость (*Не вороши: у тебя руки не хороши, не тем концом воткнуты*) и др.

В отдельных случаях *руки* выступают как поврежденный/неполноценный инструмент, который стал таковым в результате негативной активности (*Болтун речист, да на руку нечист; Вранье что дранье: того и гляди руку занозишь*).

(2) Рассмотрим значение «**инструмент обладания чем-либо**», которое косвенно можно рассматривать как результат активности. Близким к нему является интерпретация *рук* как «**инструмента контроля**».

(2.1) Значение «**инструмент обладания чем-либо**» также реализуется при трансляции ценностей и антиценностей.

(2.1.1) При трансляции ценностей *руки* предстают как «инструмент удержания некоторого значимого предмета, владение которым дает их обладателю особые возможности»: *Молодому да удалому и радость в **руки**; Мужичок-то гол, да в **руках** у него кол: есть надежда, что будет и одежда; С работою в **руках** нигде не сгинешь.*

Кроме того, при использовании соматизма *руки* в рассматриваемом значении реализуется ценность обладания малым результатом, противопоставленным недостижимому; удерживаемый руками предмет интерпретируется при этом как близкий, доступный: *Воз под горою, а возжи в **руках**; Журавля в небе не сули, дай прежде синицу в **руки**; Лучшие воробей в **руке**, чем петух на кровле.*

(2.1.2) При трансляции антиценностей при использовании соматизма *руки* описываются различные человеческие пороки и проблемы, на наличие которых указывает либо утеря некоторого значимого предмета – в силу неполноценности «инструмента обладания» (бесхозяйственность: *Добро к Фоме пришло, да промеж **рук** ушло; лень: Ах, какая тоска! Не выпустил бы из **рук** куска, все бы ел да песни пел; неумелость: Нечем хвалиться, как все из **рук** валится), либо его значимое отсутствие (жадность: *В одну **руку** всего не загребешь; лень, несоответствие желаниям прилагаемых усилий: В **руках** не родится, а в глазах двоится; бедность: В одной **руке** пусто, а в другой ничего), либо ценностное несоответствие *рук* как «инструмента обладания» предмету, который стремятся с его помощью получить (зависть: *В чужих **руках** ноготок с локоток; В чужих **руках** кусок больше кажется; жадность, стремление воспользоваться результатами чужого труда: Где пирог с крупой, тут и я с **рукой**; где блины, тут и мы, а где оладьи, тут и ладно).***

(2.2) Значение «инструмент контроля» соматизм *руки* реализует при трансляции ценности человеческой самостоятельности (*Держи возжжи в руках, а выпустил – не схватишь; Не бойся вечных мук, а бойся барских рук*).

Таким образом, соматизм *руки* в пословице оформляет кодовые значения на основании физиологических функций соответствующего органа человеческого тела: возможность совершать операции с предметами определяет кодовое значение «субъект/инструмент активности», возможность удерживать предметы – значение «инструмент обладания».

Подобным образом рассмотрим кодовое содержание соматизма *глаза* в русских пословицах.

ГЛАЗА¹⁴

На уровне поверхностной семантики соматизм *глаза* наиболее частотно реализует значение «пассивный субъект» и «объект», реже – «инструмент» и «полость, отверстие», единично – «наличествование» и собственно-соматическое.

Кодовое содержание данного соматизма в пословицах связывается с ценностями, организованными вокруг различных форм **взаимодействия человека с миром**, где он маркирует **проводника этого взаимодействия – субъект, его осуществляющий, или его инструмент**.

Как и у соматизма *руки*, при реализации глубинной семантики его заданное на поверхностном уровне объектное значение в ряде случаев поглощается инструментальным (*Свой глаз – алмаз, а чужой – стеклышко; Сурьма косых глаз не исправит*), хотя оно и не является для него базовым.

На уровне поверхностной семантики соматизм *глаза* также достаточно частотно реализует значения «полость», но на уровне глубинной семантики данное значение также поглощается инструментальным, так как эта «полость» используется для установления связи внутреннего мира человека с внешним ему миром (*Правда, как оса, лезет в глаза; Смерть в глаза не смотрит*).

В этом значение данного соматизма также приближается к значению соматизма *руки*. Но отличие заключается в том, что если *руки* выступают как

¹⁴ На материале восточнославянских пословиц жанровая специфика функционирования соматизма *глаза* впервые рассмотрена нами в [Тубалова, Ван, 2018a].

субъект воздействия на мир или инструмент воздействия их обладателя на мир, то *глаза* становятся субъектом/инструментом двунаправленного взаимодействия: воздействие человека на мир и воздействие на человека через глаза. Отношение «человек–мир», реализуемые при посредстве *глаз*, в пословичном контексте имеет два вектора – (1) от мира к человеку (восприятие мира) и (2) от человека к миру (приспособление к миру/воздействие на мир).

(1) Вектор восприятия мира представлен более частотно и подробно. В свою очередь, в его рамках ведущими по частотности оказываются два вида содержания: (1.1) *глаза* как субъект/инструмент познания мира – «ментально-духовное» восприятие и (1.2) *глаза* как зона уязвимости – «физическое восприятие».

(1.1) При участии соматизма *глаза*, реализующего кодовый смысл «инструмент ментально-духовного познания/восприятия мира», в пословицах реализуется ценностное содержание, связанное с глубоким проникновением в суть вещей, противопоставленное их внешнему, поверхностному восприятию, невнимательности. Такая ценностная интерпретация оформляется через две практически противоположных оценочных характеристики этого «инструмента».

(1.1.1) С одной стороны, *глаза* предстают как «субъект/инструмент восприятия, неудачно избранный, функционально проигрывающий другому» (*Глаза* глядят, что собаки едят, да помочь нельзя; *Глаз* видит, да зуб неймет; *Глазам* воли не давай) или поврежденный, отсутствующий, не соответствующий норме (*Глаза* золотом запорошит – ничего не увидишь; У страха *глаза* велики; На затылке *глаз* нету).

(1.1.2) С другой стороны *глаза* предстают как субъект/инструмент, без которого адекватное восприятие мира невозможно в силу высокой значимости их функции (*Глазами* не досмотришь – мошную дополнишь; Одни *глаза* и плачут и смеются; На свои *глаза* свидетелей не ставлю), в том числе – лучший в сравнении с другими инструментами (*Свой глаз* лучше чужого нахвалу; Не верь чужому слову, а верь своему *оку*; Чего *глаз* не видит, того и язык не бредит).

(1.2) При участии соматизма *глаза*, реализующего кодовый смысл «зона уязвимости человека», в пословицах реализуется ценностное содержание,

связанное с расплатой человека за свои пороки, которая осуществляется через *глаза*: злопамятность (*Кто старое помянет – тому **глаз** вон*), зависть (*На солнышко во все **глаза** не взглянешь*), ложь, оговор (*Правда **глаза** колет*), неумение признавать ошибки (*Бессовестным **глазам** не первый базар: они отморгаются; Стыд не дым – **глаза** не ест*), навязчивость (*Как оса лезет в **глаза***), преувеличение своих способностей (*Не руби выше головы: щепя **глаза** запорошит*), незнание меры (*Сытых **глаз** на свете нет; Сам-то наелся, да **глаза** не сыты*), а также негативные качества человека в целом (*Ворон ворону **глаза** не выключет*) и др.

(2) Вектор, направленный от человека к миру, более последовательно и однотипно реализуется при представлении *глаз* как органа прямого, непосредственного взаимодействия/воздействия, ценностно интерпретирующего такой человеческий порок, как ложь, лесть: *В **глаза** и бога боится, и людей боится; а за **глаза** – никого не боится; Не говори правды в **глаза**, постыл не будешь; Кто про кого за **глаза** говорит, тот того боится* и др. (частный случай – орган негативного магического воздействия: *Дурной **глаз**, не гляди на нас*).

Еще один – менее частотно реализуемый – кодовый смысл такого типа представляет *глаза* как инструмент покровительственного воздействия на мир, ценностно интерпретирующий хозяйственность, заботу: *От хозяйского **глаза** жиреет и кот; Хозяйский **глаз** всего дороже; Твои деньги, твои и **глаза**: гляди сам, что покупаешь* и др.

Таким образом, *глаза* в пословице символизируют широкий спектр смыслов, основанных на общекультурном кодовом значении «субъект/инструмент взаимодействия с миром», соответствующем соматической функции органа человеческого тела.

Содержание вербального соматического кода в пословице прямо ориентируется на представление полной палитры общефольклорных (национально-культурных) ценностей, поэтому все заданные на уровне общефольклорного (национально-культурного) соматического кода функции частей тела человека реализуются в соответствующих соматизмах.

Так как пословица прагматически ориентирована на подтверждение ситуативно востребуемых ценностей и поэтому каждый ее текст потенциально фиксирует один из ценностно значимых аспектов народного опыта, глубинные смыслы соматизмов системно варьируются.

2.4.2 Соматический код в русской лирической песне¹⁵

Лирическая песня представляет собой один из жанров народной лирики, направленной на передачу **типовых эмоций и чувств**.

Это отличает ее от пословицы, транслирующей национально-культурные ценности в логическом аспекте, и определяет специфику реализации в ней общефольклорного соматического кода.

Лирическая песня формирует состав соматизмов (описанный в разделе 2.1), в первую очередь, на основании специфики **жанровых установок**. В лирической песне преимущественно востребуются те соматизмы, кодовое содержание которых (заданное на общекультурном и национально-культурном уровне) в наибольшей степени способствует передаче эмоций и чувств.

Поверхностные значения соматизмов в лирической песне практически полностью соответствуют значениям в пословице (исключение – значение «наличествования», в данном жанре не обнаруженное). Но глубинные значения, которые в пословице сохраняют общефольклорные кодовые смыслы, в лирической песне выраженно отличаются и являются **жанрово обусловленными**.

Если в пословице глубинная семантика соматизмов практически всегда реализуется за счет переосмысления его исходной общерусской семантики, представляющей уже поверхностное значение соматизма как парадоксальное (ср.: *Ржа съедает железо, а печаль – сердце*), то в лирической песне парадоксальность поверхностного смысла соматизма и текста, в котором он реализуется, оформляется реже.

¹⁵ Впервые жанровая специфика реализации соматического кода в русской лирической песне рассмотрена нами в [Ван, 2019].

В соответствии с приведенным выше утверждением В. И. Ереминой об ассоциативности символов народной лирики [Еремина, 1978, с. 133] дефиниция смысла, реализуемого соматизмом **на уровне глубинной семантики** лирической песни, в отличие от пословицы, не может быть точно сформулирована. Глубинная семантика соматизма в лирической песне, в большинстве, выражается за счет их участия в описании сюжетных ситуаций, показывающих соматические движения, жанрово предназначенные для трансляции эмоций и чувств.

Наблюдение А. Н. Веселовского о том, что в народной лирике эмоциональные аффекты выражаются действием [Веселовский, 1989, с. 362], регулярно подтверждается в лирической песне. Основная функция соматизмов в рассматриваемом жанре – участвуя в описании сюжетных ситуаций, включающих соматические действия, передавать содержание обобщенных эмоций и чувств.

Кодовое содержание соматизмов в лирической песне реализуется в соответствии с жанровой установкой на передачу обобщенных эмоций **горя** и **радости**, характерных для данного жанра в целом (см. [Еремина, 1978]).

Эти эмоции передаются двумя способами.

1. Наиболее характерный для данного жанра способ передачи эмоций при посредстве соматизмов – через описание их соматической или приближенной к соматической активности.

Эмоция горя (значительно более частотно реализуемая при использовании соматизмов) передается через описание нетипичной (ненормативной) активности части тела или его состояния, номинируемых при помощи соматизма, – ограниченной, не характерной для него и под., а также описания их ненормативного положения/состояния: *Ох да, знать, моему-то сердцу спокою не видать! Ох да без покоечку темна ночка долга.. . Ох да что шумит-то, болит буйна голова; Ох да от головушки глаза на свет не глядят* (ненормативное состояние головы: *шумит, болит*; ненормативное состояние глаз: *не глядят*). **Эмоция радости** передается либо через описание типичной (нормативной) активности части тела или его состояния, либо через описание ее повышенной активности: *У дородна было добра молодца, В три ряда кудри завивалися, Не сами кудри завивалися: Завивала их красна девица, Что своей она правой ручушкой, Золотым веретешечком* (нормативное

состояние *волос* парня: *кудри завивались*; нормативная активность *рук* девушки: *завивать кудри* парня). Поверхностная семантика соматизмов в этом случае реализуется либо как собственно соматическая, либо как максимально приближенная к ней: например, «субъект», совершающий соматические движения: *Ты **расти**, моя **коса**, До шелкова пояса! Ой, нехай моя **коса Покрасуется**, Ой, нехай мой милый **Потоскуется**!* – коса интерпретируется как субъект, который *растет* по собственной воле и *красуется*. Отметим, что собственно соматическая поверхностная семантика соматизмов в лирической песне реализуется значительно более частотно, чем в пословице.

Нормативные активность/состояние осмысляются по отношению к содержанию соматизма, реализованному на уровне его поверхностной семантики: для «сосуда/полости» это наличие/отсутствие в нем нормативного содержимого (например, ненормативным для *глаз* является «вытекание слез»: *Погляжу я в поле – **из очей слезы текут***), для частей тела, номинированных соматизмом в собственно соматическом или субъектном значении, это характерные для этих частей тела движения (например, ненормативным для *ног* является невозможность *идти, бежать*: *Вздумаю бежать – мои **ноженьки нейдут***; нормативным – возможность *плясать* (см. пример в таблице 3)) и т.д.

Описанным способом эмоции и чувства чаще передаются при помощи соматизмов, номинирующих те части тела человека, движения или изменения состояния которых являются внешне наблюдаемыми: *голова, рука, волосы, глаза, ноги, брови, лицо*: *Уж как **вяжут** мне, доброму молодцу, белы **руки**, Что **куют, куют** добру молодцу скоры **ноги***. – ненормативность ограничения движения; «Пусти меня, матушка, погуляти!» «Гуляй, гуляй, Дитяtko, да недолго! Недолгое времячко, лишь часочек. Вечор у нас, дитяtko, были сваты, Хотят твою **косоньку расплетати**, Буйную **головушку расчесати**» – ненормативность «расплетания» косы и «расчесывания» головы, обусловленная восприятием замужества как негативного события для девушки, заданного в русской фольклорной культуре. Отметим, что соматизм *глаза* среди единиц данной группы выделяется: по способу участия в передаче эмоций он чаще, чем единицы данной группы, но реже, чем единицы группы (2), участвует в передаче эмоций по второму типу.

2. Реже передача этих эмоций осуществляется по модели, приближенной к той, которая используется в пословице: вне зависимости от собственно соматической семантики, через уточнение общефольклорного кодового смысла. Описанным способом эмоции и чувства чаще передаются при помощи соматизмов, номинирующих те части тела человека, движения или изменения состояния которых извне не наблюдаются (*сердце*), или те, которые движутся не активно (*плечи, грудь, спина*): *Растворю тесовые ворота я на двор, Выйду рано я на утренней заре, В синю дальюшку туманну погляжу, Друга милого хоть **сердцем** провожу* (*сердце* – «инструмент для производства любовных чувств»); *У моего ли друга милого Нету правды в ретивом **сердце**. Говорит он, все обманывает, Из ума меня выведывает: Одного ли я его люблю?* (*сердце* – «сосуд для хранения правды»).

Соматизмы в лирической песне, как и в пословице, получают функцию обеспечивать переход от поверхностной семантики фольклорного текста к глубинной: на уровне поверхностной семантики воспринимается характер активности части тела человека, номинируемой при помощи соматизма, а реализация описания этой активности в лирической песне – в силу погруженности в традицию – воспринимается как экспликация соответствующей эмоции. Иллюстрация этого положения представлена в таблице 3.

Как показывает содержание таблицы 3, в первом примере общефольклорное (национально-культурное) кодовое значение соматизмов *ноги, руки, глаза* не реализует прямого соответствия с общефольклорным кодовым значением, передача эмоций и чувств осуществляется **через описание соматических движений**. Соматизм *сердце* выражает глубинную семантику другим способом – через апелляцию к общефольклорному кодовому смыслу «локус эмоций и чувств» (что обнаруживает сходство с пословицей, ср.: *Радуется сердце тяти от ласкового дитяти*), а не через участие в описании нормативных/ненормативных действий/состояний (ср.: *У девушки молоденькой Сердечушко больно бьется, Больно бьется!*).

Таблица 3 – Кодовая семантика соматизмов в лирических песнях, обеспечивающая связь между поверхностной и глубинной семантикой фольклорного текста

Общекультурное/общefольклорное значение: СЕРДЦЕ – «локус эмоций и чувств» НОГИ – «локус мобильности, движения» РУКИ – «локус активности» ГЛАЗА – «локус взаимодействия с миром»			
Лирическая песня: <i>Младой в гусли заиграет, заигарет, Мое сердце радо, радо, взрадовалось. Скоры ноги расплясались, расплясались, Руки белы размахались, размахались, Очи ясны разгляделись, разгляделись...</i>	Поверхностная семантика: парадоксальная ситуация, включающая самостоятельные действия частей тела человека, испытывающих сильные эмоции и проявляющих повышенную активность в соматических движениях	Глубинная семантика: <i>Героиня испытывает сильное ответное чувство любви, радуется, что оно взаимно</i>	
Соматизмы:	Поверхностная семантика:	Глубинная семантика:	
<i>Сердце</i>	<i>пассивный субъект</i>	<i>Субъект, испытывающий повышенное чувство радости</i>	
<i>Ноги</i>	<i>Активный субъект</i>	<i>Субъект, реализующий повышенную позитивную активность</i>	
<i>Руки</i>	<i>Активный субъект</i>	<i>Субъект, реализующий повышенную позитивную активность</i>	
<i>Глаза</i>	<i>Пассивный субъект</i>	<i>Субъект, реализующий повышенную позитивную активность</i>	

Номинации нормативных/ненормативных действий/состояний частей тела соответствует характеру типовых сюжетных ситуаций лирической песни. Например, *ноги* в сюжетных ситуациях девичей неволи (например, в замужестве) *топают* (действие, ассоциируемое с танцем – как состоянием свободы: «Свекор-батюшка! Свекровь-матушка! Вы позвольте мне По избе пройти, **Ногой**

топнуть, Слово вымолвить!; Нынче праздник, завтра веселье. Сова **идет замуж** за белого луня, <...> Я было, сова, всторопилась, назад воротилась, Да в куст головою, кверху ногою. **Ножкою топнула**, бровками хлопнула), в ситуациях тюремной неволи – оказываются скованными (Во солдатушках послужено, Во острогах ведь посижено, Что в Сибири перебивано, Кандалами **ноги скованы**...); в ситуациях, связанных с выражением эмоции радости, – пляшут (Эти гусли звончатые. Звончатые, У них струны золотые. Золотые, Погудало вересово, Вересово, Велит **ноженькам плясати**, Ой, плясати. Велит рученькам махати. Ой да, махати. Да головушкой кивати. Да кивати) и т. д.

Диктумное содержание песен, включающих соматизмы, разнообразно. Соматизмы используются в любовных и семейных песнях («Здравствуй, милая, расхорошая, Моя прежняя полюбовница! Я не гость пришел, не гостить к тебе, Пришел, любушка, распроститися, За твою любовь поклонится; Ты дозволяй мне жениться!» – «Ты женись, ценись, разбессовестный, Разбессовестный, дружок миленький! Я не думала в тебе этого, Не ждала такого словечушка. Испужал ты мое **сердечушко**... Ты возьми, возьми саблю вострую, Ты разрежь, разрежь мою белу **грудь**. Посмотри-ка на ретиво **сердце**»), в сиротских песнях (Ах ты, ноченька, ночка темная, Ты темная ночка осенняя! Как мне ноченьку коротать будет, Как осеннюю проводить будет? Нет ни батюшки, ни матушки, Нет ни братца, ни родной сестры. Ты, детинушка-сиротинушка, Бесприютная твоя **головушка**), в разбойничьих песнях (Мы не воры, не разбойнички, Стеньки Разина мы работнички, Есауловы все помощнички. Мы веслом махнем – корабль возьмем, Кистенем махнем – караван собьем, Мы **рукой** махнем – девицу возьмем»), в тюремных песнях (Вот забилося **сердце** тревогою, Кровь по жилам пошла ручейком, Дай попробую снова решеточку, Принажму **молодецким плечом**) и др.

Кодовое значение соматизма в лирической песне устанавливает соответствие с общефольклорным, хотя и выражается ассоциативно. Так, в последнем примере содержание соматизма **сердце** прямо соответствует заданному на уровне общефольклорного кода: «локус эмоций и чувств». Соматизм **плечи** также достаточно прозрачно отражает одно из значений, представленных

на уровне общекультурной традиции: «локус молодецкой силы» (*Молодость плечами покрепче, а старость – головою; Дрова сечь – не жалеть плеч*), что в приведенном примере подтверждается использованием соответствующего определителя (*молодецким*).

Анализ состава и частотности использования соматизмов в лирической песне показал, что из используемых в пословице (как жанре, представляющем наиболее полный состав фольклорных соматизмов) избираются наиболее приспособленные для трансляции эмоций и чувств (раздел 2.1).

При этом и из ряда вариантов их общефольклорных кодовых смыслов в лирической песне используются те, которые наиболее соответствуют реализации жанровой функции передавать эмоциональные состояния персонажей. Их использование в тексте лирической песни определяется тем, что «ее жанровая поэтическая содержательность, вполне автономная, есть результат сложного процесса перекодировки и трансформации значений из различных сфер **общефольклорной и этнической традиции**» [Мальцев, 1989, с. 94].

Так, из нескольких заданных на общекультурном уровне значений единицы *голова* в лирической песне наиболее последовательно реализуется кодирование ценности самого человека, для которого *голова* – наиболее значимая часть (ср.: *Снявши голову, по волосам не плачут; Немудрено голову срубить, мудрено приставить* и др.): *Не былинущка в чистом поле зашаталася, Зашаталася бесприютная моя головушка, Бесприютная моя головушка молодецкая!; Что победные головушки солдатские, Они на бой и на приступ – люди первые, А к жалованью – люди последние... <...> Что не грозная туча подымалася, Что не черные облака сходились, Что подымался выше облак черный дым, Загремела тут стрельба ружейная; Что не камушки с крутых гор покатились, Покатились с плеч головушки солдатские*. Наиболее частотное для пословицы кодовое значение данного соматизма – «вместилище ума» (ср.: *Голова без ума, что фонарь без свечи; Голова что чан, а ума ни на капустный кочан*) – в лирической песне реализуется крайне редко: *Ах, муж ты мой, муженечек, Ты, умная головка, Окладиста борода!*

Соматизмы со значением «волосы» также реализуют в лирической песне не самое частотное для пословицы кодовое значение «локус эмоционального состояния» (ср.: *Свои **волосы** как хошь ерошь, а моих не ворошь; Не время **волосы** белит, а кручина* и др.; наиболее частотно для пословицы интерпретация *волос* как носителя признака внешней красоты, ценностно противопоставленный красоте духовной: *Кудри завивай, да про дело не забывай): Вы **кудри** ль, мои **кудри**, Хорошо ль **кудри** расчесаны, Как по плечикам лежат И развистись хотят. Как завила, как завила Чужа дальня сторона. Как плакала, тужила Наша Обозерска слобода, Наша Обозерска слобода, Что нагуляться не дала; «Пусти меня, матушка, погуляти!» «Гуляй, гуляй, дитяtko, да недолго! Недолгое времечко, лишь часочек. Вечор у нас, дитяtko, были сваты, Хотят твою **косоньку** расплетати, Буйную головушку расчесати»; Все девушки хороши, Одна девка лучше всех, В **косе** лента шире всех, В **косе** лента алая, С собой девка бравая.*

Внутренний состав соматизмов со значением «волосы» в лирической песне также выраженно отличается от пословицы. В лирической песне соматизм *волосы* – как один из представителей состава данной группы – используется значительно реже, но повышается частотность соматизмов *кудри, коса*: *Да и старый муж – погубитель мой, Погубил мою буйную головушку, **Косу русую!***

Таким образом, состав соматизмов, реализуемых в лирической песне, в сравнении с пословицей сужается и включает следующие единицы: *голова, сердце, рука, волосы, глаза, ноги, плечи, брови, грудь, лицо, спина, борода*. Состав их значений сужается на основании той же логики.

На уровне поверхностной семантики соматизмы в лирической песне хотя и реализуют практически весь перечень свойственных фольклорным соматизмам значений (за исключением «наличествования»), но по частотности собственно соматическое значение, единично реализуемое в пословице, выраженно превалирует.

В описании сюжетных ситуаций оно реализуется либо как внешняя – визуально воспринимаемая – характеристика части тела (*синие глаза, белые руки, с поволокою глаза* и под.), либо как указание его соматических действий (*руки*

опустились, головушка склонилась и под.) или действий, направленных на него (*ноги скованы цепями, глазоньки закрыты платком, сняли с плеч рубашечку* и под.).

Внешние собственно физиологические характеристики частей тела, номинированных соматизмами (например, цвет глаз) получают в народной лирике оценочную функцию и становятся носителями ценностного содержания (ср.: «Для фольклористики проблема символики колоративов актуальна в связи с тем, что в языке фольклора многие цветообозначения входят в состав общефольклорных формул в качестве «окаменелых» (в терминологии А. Н. Веселовского) эпитетов и не имеют символического значения (белые руки, серые камни и т. п.)» [Петров, 2011, с. 25]; также о символической значимости в фольклоре вербального оформления внешних признаков человека см. [Башарина, 2000 ; Зуева, 1985, 2002 ; Павлюченкова, 1984 ; Петров, 2011 и др.]).

Кроме того, для выражения ценностного содержания соматизма используются социально отработанные за пределами фольклорного дискурса и получившие оценочную функцию переосмысленные характеристики частей тела человека, например, характеристики, фиксирующие особенности взгляда, соответствующие ситуативному эмоциональному состоянию обладателя *глаз*, – как результат социально отработанного переосмысления внешней характеристики соматизма (*глаза грустные, веселые, с поволокой* и под.).

Рассмотрим специфику реализации кодовой функции соматизмов в лирической песне на материале соматизмов ГЛАЗА и РУКА/РУКИ.

ГЛАЗА

Перечень поверхностных значений соматизма *глаза* в лирической песне в сравнении с пословицей ограничивается.

На уровне поверхностной семантики соматизм *глаза* наиболее частотно реализует в лирической песне (1) собственно соматическое значение и значение (2) «сосуд/полость». Далее – по степени частотности реализации – следует значение (3) «пассивный субъект», затем – (4) «объект». Наименее частотно, но все же достаточно регулярно реализуется (5) идентифицирующее значение. При этом – в соответствии с описанными выше принципами формирования

глубинного значения соматизмов в лирической песне – значения (2)–(5) в большинстве случаев приближаются к собственно соматическому.

(1) **Собственно соматическое** поверхностное значение единицы *глаза*, в соответствии с жанровой спецификой используется в лирической песне наиболее частотно. На уровне глубинной семантики в этом случае формируется значение «часть тела человека, реализующая повышенную **позитивную/негативную** активность», что в глубинной семантике песенного текста позволяет – на основании традиции – реализовать содержательный компонент «герой/героиня испытывает сильные чувства горя/радости».

Применительно к соматизму *глаза* в лирической песне экспликация кодовой семантики проявляется в этом случае двумя способами.

(а) Эмоции горя и радости передаются через описание реальных соматических действий/состояний глаз, представленных как ненормативные (ограниченные, нетипично осуществляемые, повышенно активные, не характерные для *глаз* и под.): *Прощай, девки, прощай, бабы, Нам тепереча не до вас: Во солдатушки берут нас! Наши ноженьки да не ходят, На свет глазушки да не глядят.* – указание на невозможность совершать обычное для глаз соматическое действие (*глядеть*) представляет эмоцию горя; «*Да дитя ты мое, дитя милое, Домой хоть просись!*» – «*Да рада бы я, ох, вернулась – Да кони не стоят. Да рада бы я, ох, простилась – Да закрыты глаза. Да закрыты мои глазоньки Да белым платком.*» – ограниченная извне активность соматического действия (*закрыты платком*) представляет эмоцию горя; *Как кума-то к куме в решете приплыла, А я так и ухом не веду, я и глазами не гляжу.* – нежелание совершать обычное соматическое действие представляет эмоцию радости, озорства (последний случай – редкий для лирической песни).

(б) Действия, отражающие особенности взгляда, соответствующие ситуативному эмоциональному состоянию обладателя *глаз*, – как результат социально отработанного переосмысления внешней характеристики части тела (*глаза/очи помутились, потухли, потупил* и др.).

Эти действия характеризуются как отражающие негативные эмоции уже за пределами фольклорного дискурса. На уровне глубинной семантики они не только относятся к ситуативному состоянию обладателя глаз, но и позволяют выразить обусловленную сюжетом эмоцию горя: *Сударушки не нашел, сам заплакал да пошел, Повесил головушку на праву сторонушку, **Потупил ясные очи** во мать во сыру землю; Мое сердце ноет, ноет, занывает, Скоры ноги подломились, подломились, Руки белы опустились, опустились, **Очи ясны помутились, помутились;** Со стояньица мои резвы ноженьки подломились, Со маханьица мои белы рученьки опустились, Со гляденьица мои **очи ясные помутились,** С огорченьица моя буйная головушка с плеч скатилась.*

(2) Поверхностное значение «сосуд/полость/отверстие» частотно для данного соматизма во всех жанрах в связи с физиологической формой глаз.

В лирической песне для выражения эмоций используются оба описанных выше способа передачи эмоций.

(а) В большинстве случаев используется представление *глаз* как сосуда/полости, которое реализуется в конструкциях-формулах, активно функционирующих и указывающих на негативное эмоциональное состояние обладателя глаз уже за пределами фольклорного дискурса, и в связи с этим поверхностное значение соматизма не предстает как парадоксальное. В качестве содержимого в этом случае последовательно выступают *слезы*, которые из глаз *вытекают, льются, бегут, катятся (потекли слезы из глаз и под.)* или *наполняют, наливают их (наполнились глазоньки слезами и под.)*. Транслируемые эмоции — всегда негативные, так как анормативность состояния героя фиксируется в таких формулах изначально: *Он ударил меня по белу лицу, По белу лицу, по румяной по щеке. Из бела лица кровь-руда бросалася, Закровавила мое платье цветное, **Из ясных очей слезы покатились;** Во слезах она речи говорит: «Сядь, солнце, за лес, не свети, Полно глаза мои печи, Полно ли **из глаз слезам течи;** Не послушался, душа моя, женился. Он присыпал к сердцу бедному печали, Он и **налил мои ясны очи слезами,** Запечатал он уста мои кровью.*

В соответствии с жанровой спецификой поверхностное значение «сосуд/полость», реализуемое таким способом, приближается к собственно соматическому: при помощи конструкций описанного типа можно охарактеризовать эмоции обладателя глаз и в рамках их бытовой характеристики как физиологического компонента человека.

(б) Вне зависимости от собственно соматической семантики поверхностное значение «сосуд/полость» исследуемый соматизм реализует крайне редко. В этом случае функции глаз как сосуда/полости предстают как парадоксальные. Глубинная семантика исследуемого соматизма либо представляет глаза как «хранилище эмоций и чувств» и используется в лирической песне как оценочная характеристика героев (*Хорошо тому на свете жить, У кого **нету стыда в глазах, Нет стыда в глазах, ни совести**, У кого нету заботушки!; Горы мои, горы вы Уральские, Не забыть вас, горы, да во все года. Да через вас, горы, ой, лежит дороженька, Лежит большая, да сибирский шлях. Как по ней-то идут да молодцы отважные, Звеня кандалами да с **гордостью в глазах***), либо, как и в пословице, представляет их как «отверстие», используемое для установления связи внутреннего мира человека и внешнего ему мира (*Как навстречу молоденьке, Как навстречу веселеньке Косой серый зайка. Наперед он забегают, **В глаза заглядает**; По морю утенушка плавала, плавала, по синему сиз-косатая гуляла, гуляла. Навстречу ей селезенюшко заплывал, заплывал; Он **в глазыньки** утенушке зазирал, зазирал*).

(3) Субъектное поверхностное значение «пассивный субъект» частотно для лирических песен также в силу жанровых установок.

В соответствии с жанровой спецификой реализации соматического кода — в большинстве случаев в нем части тела человека интерпретируются как осуществляющие движения по собственной воле, независимо от их обладателя, и, тем самым, выражаются определенные эмоции. Соматические функции части тела «передаются» номинированному при помощи соматизма субъекту. Негативные эмоции выражаются в сюжетной ситуации за счет указания на то, что субъект не выполняет эти функции (*С беспокойю-то, приключается болеть: Что*

болит-то, болит буйна голова, **Не глядят** на свет веселые глаза; Днем не видят с неба солнечных лучей; Куда ни пойду гулять — ноженьки мои нейдут; Куда ни гляжу с горя — **глаза** мои **не глядят**; «Ах ты миленький дружок, Не гляди, друг, на меня, Не пойду я за тебя!» — «**И я рад бы не глядел, Да глаза мои глядят!** Хоть отца-мать прогневолю, Да тебя, друга, люблю; Хоть мне от дому отстать, Да тебя, друга, достать!»), не способен их выполнять в силу их слишком долгого/избыточного выполнения (Наши ручки передергались И головки примотались, Наши ножки приходились, Наши глазки пригляделись»), выполняет их «неправильно», «ошибочно» (Что **пеняю** я, младешенька, На свою ли участь горькую, **На** свои ли **очи** ясные, **Ах вы очи, очи ясные, Вы глядели, да огляделись, Вы смотрели, да осмотрелись.** Не по мысли вы друга выбрали, Не по моему по обычаю). Позитивные эмоции таким способом практически не выражаются. В единичных случаях зафиксированы примеры, где негативные эмоции отражаются за счет контрастного описания возможных позитивных эмоций (что подтверждается описанием анормативного избыточного действия глаз как субъекта): *Еще кто бы моему великому горю пособил, Кто бы мово милова со дорожки воротил? Воротися, воротися, миленький дружок, На маленькое времечко, на минутку, на часок! **Наглядятся очи** ясны на мила дружка, Не сидела бы девушка в новой горенке одна!*, или где выражаются собственно позитивные эмоции, но соматические действия субъекта передаются косвенно (глаза могут видеть (глядеть) → глаза стерегут): [девушка любит парнем при встрече после разлуки] *Кудри шелковы по плечиками бегут, Ясны **оченьки расшиву стерегут.***

В единичных случаях при реализации субъектной поверхностной семантики соматизма его глубинная семантика не отражает связь с соматическими функциями части тела человека и, как и при реализации значения «сосуд/полость», используется в тексте для оценочной характеристики героя: *Вьюги злые, лютые да ветры осенние Шумели над дорожкой да секли лицо. Да не стушили ветры да в **глазах отважных** Огня-пламени да гордости большой.*

(4) Соматизмы, выражающие поверхностное значение «объект», также наиболее частотно реализуют глубинную семантику, в которой часть тела выступает в качестве участника соматических действий/состояний. Поверхностное значение в этом случае не оформляется как парадоксальное и приближается к собственно соматическому, а глубинное значение задается характером фольклорного текста, его глубинной семантикой. Эмоции горя выражаются через сюжет, где это действие предстает как избыточное (*Утомил ли казак свои резвы ноженьки, На часах стоячи, Проглядел ли казак свои ясны **глазыньки**, За Кубань гляючи*) либо где его невозможно выполнять в силу внешних ограничений (*Сижу я, млад ясен сокол, Я во той ли золотой во клеточке, Во клеточке – на жестяной нашесточке, У сокола ножки сопутаны, На ноженьках путечки шелковые, **Занавесочки на глазыньках жемчужные!**; В тоске своей возговорит девица: «Я в те поры мила друга забуду, Когда подломятся мои скорые ноги, Когда опустятся мои белые руки, **Засыплются глаза мои песками**, Закроются белы груди досками!»*).

Значительно реже на уровне глубинной семантики значение соматизма оформляется в отрыве от собственно соматических функций и реализует различные виды объектных значений, например, «площадка, которая должна быть свободна от негативного покрова»: *Ты зачем меня, сударушка, Повысушила? Без лютого без морозу Сердце вызнобила. Допустила сухоту По моему животу. Ты **рассеяла** печаль По моим ясным очам. Ты заставила, сударушка, Гулять по ночам.*

(5) Идентифицирующее поверхностное значение соматизм *глаза* реализует в лирических песнях менее частотно, чем вышеописанные, но не единично. Как и в большинстве представленных выше случаев, оно приближается к собственно соматическому, так как в контексте используется либо для передачи внешнего вида глаз как части тела человека (в основном – их цветовой характеристики или другого реального внешнего признака/состояния глаз или взгляда), либо для передачи состояния обладателя глаз, выраженного в форме используемого не только в фольклорном дискурсе выражения (*заплаканные глаза,*

веселые глаза). На уровне глубинной семантики соматизма, задаваемой контекстом, при этом реализуется либо значение «идентификатор истинной девушки», участвующее в выражении позитивнооценочной эмоции восхищения (*У вдовушки дочь-красавица растет, Черны брови, с поволокою глаза. Черны брови, с поволокою глаза, Ах, и где ж ты уродилась, красота?; Опушка боброва, Маша черноброва, чернобровая, черноглазая, Белолицая, круглолицая, Брови черные наведенные, Глаза серые развеселые, Щечки алые, расцветченные; А моя-то ведь голубка очень знакомита. Очи ясны, брови черны, личиком беленька*), либо значение «идентификатор состояния героини» (чаще – негативного), участвующее в выражении негативных эмоций (*Стоит Машенька – заплаканы глаза, У красавицы затерты рукава. У красавицы затерты рукава, Знать, на Машеньку победушка [беда] пришла*).

РУКА/РУКИ

Если в пословице коммуникативная функция рук практически не осмысливается, то в лирической песне она приобретает особую значимость. Бытовая (в частности – трудовая) функция – как менее приспособленная для ее интерпретации в аспекте передачи эмоций и чувств – переходит на периферию.

При сопоставлении характера реализации кодовой функции соматизмов *руки* и *глаза* обнаруживается, что если соматизм *глаза* реализует собственно соматическую семантику более частотно, но другие виды поверхностных смыслов также регулярно показывает, то соматизм *руки* на уровне поверхностной семантики в абсолютном большинстве случаев реализует собственно соматическое значение, в крайне редких случаях – субъектное (не более 2 %) и объектное (менее 2 %), также поглощаемое собственно соматическим.

Реализации соматизмом *глаза* не только собственно соматического значения способствует заданное общефольклорным кодом значение глаз как части тела человека: «проводник/инструмент взаимодействия с миром», отражающий, в первую очередь, духовный (не физический) характер этого взаимодействия (*Глаза – зеркало души*), основанное, в свою очередь, на физиологическом положении части тела на лице человека и ее способности наиболее специфически меняться

внешне под влиянием эмоций и чувств. Именно в связи с этим поверхностные и кодовые смыслы этого соматизма слабо связаны с диктумным содержанием лирической песни: одни и те же смыслы используются при реализации разного диктума. Реакция глаз на выражения горя и радости – вне зависимости от их причины – однотипна.

В отличие от *глаз, руки*, осмысляемые на уровне общефольклорного кода как «инструмент/субъект активности», в первую очередь, как ценностно значимую кодируют активность физическую (что показывает анализ реализации данного соматизма в пословице). Физиологическая форма, положение и реальные функции рук усиливают значимость осмысления их как материального (не духовного) объекта и требуют сюжетной обусловленности совершаемых ими движений. Движения рук тесно связаны с реализацией либо бытовой (руками берут предметы, их несут, руки поднимают и под.), либо коммуникативной (руками машут, берут за руку и под.) активности. В связи с этим глубинная семантика соматизма устанавливает связь, с одной стороны – с диктумным содержанием лирической песни, а с другой – с видами их движений, осмысленными как типовые и вербально закреплёнными соответствующими глагольными лексемами.

Общефольклорная кодовая семантика данного соматизма «инструмент/субъект активности» в лирической песне в большинстве случаев уточняется как «инструмент/субъект коммуникативной активности», значительно реже – как «инструмент/субъект трудовой активности». Эмоции и чувства передаются через использование соматизма в сюжетных ситуациях, где эта активность либо ограничивается (негативные эмоции), либо проявляется согласно норме (позитивные эмоции), либо предстает как повышенная (позитивные и негативные эмоции).

На основании этого в лирической песне соматизм *рука* наиболее регулярно реализует два типа ассоциативных кодовых значений, связанных с разными видами активности, что проявляется в соответствующих типовых сюжетных ситуациях.

(1) *Рука* выступает как маркер связи между мужчиной и женщиной (парнем и девушкой, мужем и женой), что проявляется в сюжетных ситуациях любовно-семейного взаимодействия между ними.

(1.1) Кодовое значение «активность» наиболее регулярно уточняется как «активность любовных отношений». При этом соматизм *рука* участвует в реализации сюжетных ситуаций, направленных на передачу как позитивных, так и негативных эмоций персонажа. При реализации позитивных эмоций сюжетная логика отражает установление связи между героями любовной пары, а при трансляции негативных эмоций – ее нарушение, ограничение. Установление/нарушение этой связи передается через описание нормативных контактоустанавливающих соматических действий при помощи таких глагольных маркеров, как *брать (под руку)*, *махать (рукой)*, *давать (руку)*, *водить (за руку)*, *целовать (руку)* и под.: *Как возрадуется удал добрый молодец, Что бросился ей на белую грудь, Целовал ее белы рученьки...*; *Ходил, гулял донской казак, в гудочек играл. Играл, играл, выигрывал невесту себе. Он, выбравши красну девушку, За рученьку брал; Грусть-тоска берет, далеко милый живет, Далеко-далеко на той стороне, На той стороне, не близко ко мне. Ходит мой милой тою стороной, Машет мой милой правою рукой. Ручкой правою, шляпой черною: «Перейди, сударушка, на мою сторонушку»;* *«Ты, красавица, моя забавница, Хоть ручкой махни!»* – неудачная попытка установления связи. *«Рада бы радешенька Я ручкой махнуть, Руки заняты: Жених за руку, сваха за другу!»*. – ограничение связи).

(1.2) Лирическая песня характеризуется менее выраженным, чем, например, частушка (см. далее), лирическим началом и реализует практически не индивидуализированные чувства, обнаруживающие опосредованную связь с логической и эмоциональной действительностью. В связи с этим в любовных/семейных песнях частотно проявляются сюжетные ситуации, связанные со смертью, где *рука* выступает как составляющая кода соответствующих смерти соматических реакций или операций с органами умершего (см. далее: в частушках ситуации такого типа не фиксируются). Данные

соматические реакции в песнях описываются с помощью глагола *опускаться* (*руки опустились*), отражающего ненормативное положение рук по отношению к их нормативной активности и, в свою очередь, реализующего кодовое содержание, основанное на ценностной оппозиции «верх/низ»: *В тоске своей возговорит девица: Отвечала свет-Натальюшка: «Я бы рада приголубила – Белы **руки опустились**, Резвы ноги подломились».*; *Мое сердце испугалось, Резвы ноженьки подогнулись, Белы **рученьки опустились**.* У меня ли, сизой пташечки, Горе горькой сиротинушки, Голова с плеч покатила, Во устах речь помешалась. Операции с *рукой*, описываемые с помощью глаголов с семантикой отторжения (*унести, похитить* и под.), также символизируют разрушение связи персонажей через описание *рук*, активность которых больше не возможна, и транслируют глубокие трагические чувства: *А князь Роман жену терял, Жену терял, он тело терзал, Тело терзал, во реку бросал, Во то ли реку во Смородину <...> Слетались птицы разные, Сбегались звери дубравные, Откуль взялся млад сизой орел, **Унес он рученьку** белую...; Знаю, ворон, твой обычай. Ты сейчас от мертвых тел. Ты кровавою добычей К нам в деревню прилетел. Где же ты летал по свету, Где кружил над мертвецом? Где **спохитил руку** эту, **Руку** белую с кольцом.*

(2) Рука символизирует активность, соответствующую свободе, насильственно ограниченной извне.

(2.1) В большинстве, семантику ограничения активности как лишения свободы соматизм *рука* проявляет в сюжетных ситуациях, связанных с тяжестью подневольной работы. Эти ситуации реализуются менее частотно, чем любовные, но достаточно регулярно.

В свою очередь, среди сюжетных ситуаций подневольного труда, где чувства персонажа передаются при участии соматизма *рука*, можно выделить три подтипа.

Первый связан с передачей эмоций, которые испытывает героиня, насильственно отданная замуж «в чужую семью» (в этом – ассоциативное взаимодействие с кодовым содержанием, описанным в п. (1.2)), второй – с трансляцией эмоций от тяжести подневольного труда вне зависимости

от семейного статуса, третий – с передачей эмоций героя в ситуации войны (также интерпретируемой как подневольная).

Ассоциативное кодовое содержание соматизма *рука* формируется в рамках сюжетной ситуации следующими способами.

(а) Через описание сосредоточенных в руках соматических ощущений (*руки болят, ломятся, примахались, придержались* и др.): *У родителей в доме хорошо, В чужих людюшках рано утром будят, На работу гонят до зори. Нам чужая работа не под силу: С той работушки **рученьки болят**, Болят ручки, болят ножки. От вздыхания бока грудь болит.*

При таком способе описания активности рук поверхностная семантика соматизма может проявляться как субъектная (соматические ощущения руки испытывают самостоятельно, независимо от их обладателя), поглощаемая собственно соматической: *Сиротинушка, сenna девушка: «Государыня, родная матушка! Выкупи из неволюшки, Из неволюшки – дому барского: Пристоялись резвы ноженьки, **Примахались** белы **рученьки**, Качаючи дитя барского»; На белом свету солдатушкам во поход идти, Во поход идти, во строю стоять, Во строю стоять да по ружью держать. Пристоялись резвы ноженьки ко сырой земле, **Придержались** белы **рученьки** к огненному ружью, Пригляделись очи ясные за Дунай-реку.*

(б) Через описание соматических реакций, отражающих негативное психологическое состояние (как правило, проявляющихся в опускании рук): *Уж мы билися-рубилися, Трое суток не пиваючи, Не пиваючи, не едаючи, Со добрых коней не слезаючи. Наши ноженьки подогнулись, Белы **рученьки опустилися**, Сабли вострые притупилися!; Уж и начали мне русы кудри сымать, Уж и сняли мои русые кудри, **Опустились** белы **рученьки**.*

(в) Через описание различных трудовых операций с использованием рук, вызывающих у героини негативные ощущения (*косы в руки брать, колоть руки* и др.): *Как во поле, поле Девка просо полет, Девка просо полет, Белы **руки колет**. Жалко мне девицы – Снял бы рукавицы, Снял бы рукавицы, Подарил бы их девице: Пускай просо полет, Белых **рук не колет**; Посеяли девки лен, посеяли девки лен,*

*Ладо! Ладо! девки лен. Посеяли, пололи, посеяли, пололи, Ладо! Ладо! пололи. Белы **руки кололи**, белы **руки кололи**; Нет лучше на свете лакейского житья – Они пашенки не пашут, **косы в руки не берут**.*

(2.2) Кроме того, рассматриваемое кодовое содержание соматизм *руки* реализует в сюжетных ситуациях, связанных с пребыванием героя в тюремной неволе. Ассоциативное кодовое содержание соматизма *рука* формируется при посредстве описания процессов и результатов насильственного воздействия, ограничивающего свободу движений рук: *У добра молодца ноженьки сокованы, На ноженьках оковушки немецкие, **На рученьках у молодца – заимки затюремные**, А на шеюшке у молодца – рогатки железные; Добрый молодец, во неволюшке сидя, плачет; Обливается добрый молодец горячими слезами.*

Итак, лирическая песня как жанр, направленный на трансляцию типовых эмоций и чувств, преимущественно реализует кодовое содержание отличными от пословицы способами.

В лирической песне, содержание которой не обладает прямой связью с реальностью, наоборот, связь поверхностной семантики соматизмов с их глубинной (кодовой) семантикой является, в большинстве случаев, ослабленной. Это объясняется сюжетной природой лирической песни и обобщенностью передаваемых эмоций и чувств. Кодовые смыслы, в большинстве, реализуются за счет жанрового контекста, в котором описание сюжетных ситуаций наиболее активно привлекает номинации собственно соматических характеристик и действий частей тела человека, соответствующие выражению эмоций и чувств героя и исполнителя/слушателя. Если такая связь устанавливается, то, в основном, в качестве поверхностных значений используются субъектное и объектное, позволяющие сохранять применительно к ним собственно соматические характеристики и действия. Другие поверхностные смыслы, накладывающие ограничения на использование собственно соматических характеристик («сосуд», «инструмент» и под.), в лирической песне используются редко.

2.4.3 Соматический код в частушке¹⁶

Реализация соматического кода в частушке обладает значительным сходством с лирической песней, но демонстрирует и значимые отличия.

Как и лирическая песня, частушка формирует состав соматизмов (описанный в разделе 2.1) и систему их кодовых смыслов, в первую очередь, на основании специфики **жанровых установок**.

Частушка наряду с лирической песней представляет собой один из жанров народной лирики, направленной на передачу **типовых эмоций и чувств**. Состав соматизмов и их кодовое содержание, как и в лирической песне, в сравнении с пословицей уточняется. Как и в лирической песне, в частушке преимущественно востребуются те соматизмы, кодовое содержание которых (заданное на общекультурном и национально-культурном уровне) в наибольшей степени способствует передаче эмоций и чувств. Состав соматизмов, используемых в частушке, практически соответствует их составу в лирической песне, что обусловлено единством национально-культурного соматического кода, реализованного в фольклоре, а именно той его составляющей, которая направлена на кодирование эмоции и чувства.

Но состав и содержание соматизмов в частушке, в соответствии с жанровыми установками, еще более уточняется в сравнении не только с пословицей, но и с лирической песней. Это объясняется следующим.

1. Жанровой спецификой частушки – в сравнении с лирической песней.

В отличие от лирической песни, реализующей обобщенные эмоции и чувства в связи с автономностью (Г. И. Мальцев) ее обобщенного содержания, частушка – как жанр, ориентированный на конкретную жизненную реальность, – уточняет выражаемые эмоции в соответствии с конкретными типовыми ситуациями, которые оцениваются с позиции фольклорной нормы. Соматизмы участвуют в представлении этих ситуаций. В связи с этим кодовые смыслы соматизмов

¹⁶ Специфика реализации вербального соматического кода в русской частушке впервые описана нами в [Тубалова, Ван, 2018б].

в частушке участвуют в передаче эмоций, отражающих оценку конкретных типовых ситуаций.

2. Диктумной спецификой содержания частушек, в которых используются соматизмы.

Во-первых, частушка – жанр, отражающий нормы жизни молодежного фольклорного коллектива. Во-вторых, как уже отмечалось, соматизмы, в абсолютном большинстве, фиксируются в частушках любовной тематики и практически не используются в социальных частушках (глава 1). Следовательно, состав и содержание соматизмов в частушке отражает жанровую ориентированность на выражение **норм молодежных любовных отношений**. Все соматизмы в частушке используются при оценке типовых аспектов этих отношений и реализуют кодовые смыслы в соответствии с ними.

В результате из состава соматизмов, предназначенных на уровне общесоматического (национально-культурного) кода для выражения эмоций и чувств, частушка наиболее частотно использует соматизмы, которые в наибольшей степени способствуют реализации «любовных» эмоций и чувств. В связи с этим наиболее востребованными оказываются соматизмы *сердце* и *глаза*¹⁷ (см. раздел 2.1).

В сравнении с лирической песней глубинная семантика соматизмов в частушке конкретизируется, так как отражает эмоции и чувства, реализуемые при оценке конкретных типовых ситуаций молодежных любовных отношений.

Два представленных в лирической песне способа передачи эмоций и чувств (через описание соматической или приближенной к соматической активности частей тела и независимо от соматической активности – на основании общесоматических кодовых смыслов) в частушке взаимодействуют. С одной стороны – соматизмы в частушке, как и в лирической песне, участвуют в описании сюжетных ситуаций, включающих соматические движения, и поэтому передают эмоции и чувства через их описание. С другой стороны – в связи с тем, что типовые ситуации частушки и передаваемые при их помощи эмоции и чувства

¹⁷ Жанровые особенности функционирования соматизма *сердце* в русской частушке впервые описаны нами в [Ван, 2018а]; жанровые особенности функционирования соматизма *глаза* – в [Ван, 2017б].

отличаются конкретностью, связь с кодируемыми эмоциями и чувствами устанавливается не только через использование глаголов, характеризующих действия частей тела как нормативные/ненормативные, но и через семантику самого соматизма, апеллирующую к общефольклорным кодовым смыслам. Таким образом, в частушке два способа выражения эмоций и чувств при помощи соматизмов, используемых в лирической песне, взаимодействуют: *Меня милый провожал, **Крепко за руку держал.** Сколько звездочек на небе, Столько раз поцеловал.* Во-первых, соматизм *рука* участвует в описании нормативного соматического действия *держать за руку*, что способствует выражению эмоции позитивной оценки любовного взаимодействия молодой пары. Во-вторых, данный соматизм номинирует часть тела человека, которая на уровне национально-культурного соматического кода связывается с семантикой нормы (ценности) активности, которая в данной частушке реализуется как активность «милого» в поддержании любовных отношений. Таким образом, выражение эмоции через описание соматического движения коррелирует с семантикой соматизма, заданной на уровне национально-культурного кода.

Как и в лирической песне, в частушке соматизмы, называющие части тела, активность которых легко наблюдается извне (например, *рука*), и называющие части тела, активность которых не наблюдается или слабо наблюдается (например, *сердце*), по способу формирования кодового смысла различаются. Первые – более выразительно передают эмоции и чувства за счет участия в описании соматических движений (наряду с апелляцией к общекультурному коду). Для вторых – апелляция к коду превалирует (см. примеры в таблице 4).

Соматизмы в частушке, как и в вышеописанных жанрах, получают функцию обеспечения перехода от поверхностной семантики фольклорного текста к глубинной. Иллюстрация этого положения представлена в таблице 4.

Каждый вид описываемых в исследуемых частушках типовых ситуаций, объединяющихся на основании единства значимого для молодежного фольклорного коллектива аспекта любовных отношений (зарождение любви, ее поддержание, измена, расставание – прекращение отношений или временное

разъединение любовной пары и под.), предполагает реализацию оценки этой ситуации при участии определенных соматизмов в определенных значениях, адаптирующих общепольклорные кодовые смыслы в связи с этими аспектами.

Таблица 4 – Кодовая семантика соматизмов в частушках, обеспечивающая связь между поверхностной и глубинной семантикой фольклорного текста

Общекультурное/общепольклорное значение: СЕРДЦЕ – «локус эмоций и чувств»			
Частушка: <i>Завлек ты меня Карими глазами. Сердце вынул из меня Походкой и словами</i>	Поверхностная семантика: парадоксальная ситуация, включающая извлечение сердца	Глубинная семантика: <i>Возлюбленный должен обладать привлекательной внешностью, ему нужно «отдавать» любовь (испытывать к нему сильное чувство)</i>	
Соматизм: <i>сердце</i>	Поверхностная семантика: <i>объект</i>	Глубинная семантика: <i>объект – носитель любви (чувства)</i>	
Общекультурное/общепольклорное значение: РУКА – «локус активности»			
Частушка: <i>Милый в армию поехал И сказал: милка, пока. К вагону пристывала Его правая рука.</i>	Поверхностная семантика: реальная ситуация, включающая негативное воздействие на руку	Глубинная семантика: <i>Пара должна быть вместе, не расставаться</i>	
Соматизм: <i>рука</i>	Поверхностная семантика: <i>объект/инструмент</i>	Глубинная семантика: <i>объект/инструмент активности любовного взаимодействия, активность которого ограничена негативным воздействием</i>	

Приведем примеры типовых сюжетных ситуаций, в описании которых участвуют определенные соматизмы, реализующие в этих случаях на уровне глубинной семантики одно из своих ассоциативных значений.

В описании сюжетных ситуаций, отражающих типовую эмоцию **любовного страдания, вызванного неразделенностью любви или ее нежелательностью**, в частушке последовательно участвует соматизм *сердце*: ***Болят** мое **сердечко**, Ретивое **мечется**. Вы скажите, где больница, От любви лечатся?; Милый, милый, всем на диво, Что расстались мы с тобой, Все **печали в сердце пали**, Грудь наполнилась тоской; Завлек ты меня Карими глазами. **Сердце вынул** из меня Походкой и словами; Ты не пой, не кукарекай, Полночный петушок. Я сама про это знаю, **Не по сердцу** женишок*. В приведенных примерах на уровне поверхностной семантики данный соматизм реализует значения «негативной соматической реакции» (*болят сердечко*), «активного субъекта, совершающего негативное для него действие» (*сердечко мечется*), «сосуда, наполненного негативным содержимым» (*печали в сердце пали*), «объекта, перемещаемого таким образом, что истинный владелец его лишается» (*сердце вынул из меня*), «объекта, который не соответствует другому объекту» (*не по сердцу*). На уровне глубинной семантики соматизм *сердце* при этом реализует кодовую частушечную семантику «субъект, выражающий любовные эмоции и чувства», «объект – носитель любви (чувства)», «хранилище любовных эмоций и чувств» или «объекта, который не соответствует возлюбленному по характеру направленности любовных чувств». Указанную семантику можно рассматривать как частушечный вариант реализации общефольклорной (национально-культурной) кодовой семантики «локус эмоций и чувств», реализуемой, например, в пословице (*Горе из сердца, гора с плеч* и под.) (см. об этом также в [Ван, 2018a]).

В описании сюжетных ситуаций, транслирующих эмоции и чувства, связанные с **расставанием любящих**, регулярно участвует соматизм *грудь*: *Ягодиночка в армии, Я боюсь, его убьют. Я не знаю, чей он будет, Но **волнует мою грудь**; Я милого провожала, День без памяти лежала, Мне, девчонке молодой, **Отливали грудь водой**; Погоди, слеза, **катиться**, На мою на белу **грудь**! Погоди-ка, милка, плакать, Может быть, и не возьмут*. В данных текстах на уровне поверхностной семантики соматизм выражает субъектное и разные виды объектных значений: «субъекта, под внешним воздействием приходящего

в негативное состояние» (*волнует грудь*), «объекта, требующего очищения в силу наличия на его поверхности негативного вещества» (*отливали грудь водой*), «объекта, на который наносится негативное вещество» (*слеза катится на грудь*). На уровне глубинной семантики при описании всех ситуаций подобного типа при участии соматизмов реализуется типовая эмоция любовного страдания, вызванного расставанием с любимым. Соматизм реализует ассоциативную семантику «субъекта, испытывающего любовные переживания» или «объекта, трансформируемого под влиянием любовных чувств», что является частушечным вариантом реализации общефольклорного кодового значения «носитель эмоций и чувств» (ср.: *Гордому кошка на грудь не вскочит* и др.).

В описании сюжетных ситуаций, транслирующих эмоции, связанные с **самоидентификацией в танце молодой, озорной, активной девушки**, последовательно участвует соматизм *ноги*: *Эх, подруга, дробь бей, Под ногою воробей, Под другою галочка, Не выдавай, товарочка!; Мне сапожки – не по ножке, Ботиночки – точь-в-точь. Уродилась у маменьки Отчаянная дочь; Ой, топни, нога, Топни, правенькая, Пойду плясать, Хоть и маленькая!* Поверхностные смыслы соматизма в приведенных случаях реализуются как объектные (разного вида) («объект, активность которого позволяет прижатием удержать мобильный предмет, слабо подвергающийся удержанию»; *под ногою воробей, под другою галочка*; «объект, вмещаемый только в тот сосуд, который не ограничивает его мобильность»: *сапожки – не по ножке, Ботиночки – точь-в-точь*) или субъектные («активный субъект, способный совершать самостоятельные действия»: *топни, нога*). На уровне глубинной семантики при реализации ситуаций такого типа соматизм ассоциативно реализует значение «принадлежность озорной, активной девушки». Указанную семантику можно рассматривать как частушечный вариант реализации общефольклорной (национально-культурной) кодовой семантики «инструмент мобильности, активности разного вида» (ср.: *Хозяйка лежит – и все лежит; хозяйка на ногах – и все на ногах* и под.).

Отметим, что соматизм *ноги* в указанных частушечных значениях реализует жанрово обусловленное «переворачивание» ценностей, описанное в [Тубалова, Эмер, 2005]: частушка представляет фольклорные ценности в «перевернутом» виде – фольклорная норма поведения транслируется через описание антинормативной ситуации, реализуется оценочно-комический модус (в основе – жанровая интенция осмеять антинормативное=негативное) [Тубалова, 2016, с. 302]. В рамках этой жанровой особенности *ноги* как атрибут активной, озорной девушки обнаруживают антинормативный статус этой девушки в контексте общефольклорных ценностей, где, наоборот, девушка должна быть кроткой и покорной.

Соматизм *борода* в частушках последовательно участвует в оформлении сюжета, связанного с отношениями молодой девушки с нежеланным возрастным партнером: *Ой, девки, беда, Куда мне деваться? По колено борода – Лезет целоваться!; А Ванечка, Ванечка, Ты мене не парочка: В тебе рыжа борода, А я девка молода; Ох, стар ты, мой стар, Он по пояс в воду стал. Ты утешь молоду: Стань по саму бороду*. На уровне поверхностной семантики в ситуациях такого типа соматизм реализует собственно-соматическое значение, которое на уровне глубинной семантики реализуется как «принадлежность нежеланного возрастного партнера», оформляющего негативную оценку описываемых отношений.

Итак, вышеприведенные примеры иллюстрируют направленность типовых частушечных сюжетных ситуаций на использование определенных соматизмов при реализации оценки.

Направленность частушки на передачу типовых эмоций молодежного фольклорного коллектива, как уже отмечалось, определяет (1) выбор для использования в ней соматизмов, которые на уровне общефольклорного кода обладают значениями, легко адаптируемыми для передачи этих эмоций, а также (2) выбор тех вариантов общефольклорного кодового значения конкретного соматизма, которые в большей степени предназначены для передачи эмоций.

(1) В связи с жанровой направленностью выбора соматизмов высокочастотными в частушке являются соматизмы *глаза* и *сердце*, среднечастотными – *голова, руки, ноги, волосы, брови, грудь* (см. раздел 2.1).

Например, как в пословице, так и в частушке единицы *сердце* и *глаза* участвуют в интерпретации духовных состояний и качеств человека: *сердце* – как зона их внутренней локализации (пословица: *Беды терпеть – каменное **сердце** иметь; Всех любить – **сердца** не хватит; Доброму человеку и чужая болезнь к **сердцу** и др.*; частушка: *В поле вырою колодец, Приходи, матаня, пить. Хотя мы с вами в разлуке, Все равно **сердце** болит; Мой миленочек пошел, Я в окошко глянула. Ой, как я его любила, Даже **сердце** вянуло и др.*), а *глаза* (в одном из значений) – как зона их экспликации (пословица: *Люди женятся, а у нас **глаза** светятся; Нальются **глаза**, как прошибет слеза; Завистливый своих двух глаз не пожалеет и др.*; частушка: *Не сама гармонь играет, Ручки его белые. Не гармошка увлекает, **Глазки** его серые; Заиграла гармоза, А я думала, гроза. От любви помутились Мои карие **глаза**; Я пою – а **глазки** вниз, Скажут, нелюдимая, На кого буду глядеть, Нет моего любимого и др.*). Именно такие (и подобные) особенности кодирования единиц *сердце* и *глаза*, заданные на уровне национально-культурного соматического кода, определяют высокий уровень их востребованности в частушке.

Подобным образом можно объяснить более высокую относительную частотность употребления в частушке (в сравнении с пословицей) соматизмов *грудь* (в кодовом значении, близком соматизму *сердце*), *брови* (маркер участника любовного взаимодействия, обязательным признаком которого является красота) и др., а также более низкую (или нулевую) активность соматизмов *язык, нос, плечи, живот*, которые в пословице (а значит – и на уровне национально-культурного кода в целом) реализуют, в основном, кодовые смыслы, не значимые для характеристики типовых аспектов любовных отношений (*Длинный **язык** – короткие мысли; Ешь пирог с грибами, а **язык** держи за зубами; Такой **нос** про праздник рос, а я его в будни треплю; Кто бы дятла знал, кабы не его длинный **нос** и др.*).

(2) В связи с жанровой направленностью выбора вариантов общефольклорного значения соматизмов сопоставление их кодовых значений, реализуемых в частушке, с соответствующими глубинными значениями этих единиц в пословице (как жанре, прямо отражающем общефольклорные кодовые значения) обнаруживает, что в частушке из всего спектра значений определенного соматизма избираются те, которые способствуют реализации эмоций.

Проиллюстрируем эти положения результатами анализа глубинной семантики соматизмов *глаза* (высокочастотного в частушке) и *руки* (среднечастотного).

ГЛАЗА¹⁸

На уровне поверхностной семантики соматизм *глаза* наиболее частотно реализует в частушке значение (1) «пассивный субъект» и (2) «инструмент» или «объект, представляемый как инструмент» (см. далее); несколько менее частотно, но также достаточно регулярно актуализируется (3) собственно соматическое значение (с учетом вышеприведенных замечаний); реже – значение (4) «активного субъекта». Тем самым, перечень поверхностных значений соматизма *глаза* в частушке, хотя и является достаточно развернутым, в сравнении с пословицей ограничивается.

Кодовое содержание данного соматизма в частушках связывается с ценностями, организованными вокруг различных форм **любовного взаимодействия**, которое является видовым по отношению к проявленному пословицах родовому содержанию «взаимодействие человека с миром» (см. раздел 2.5.1). Соматизм *глаза* при этом – также в качестве уточнения реализуемой в пословице функции – выступает, в основном, как **проводник любовного взаимодействия: (1) субъект, его организующий, или (2) его инструмент.**

Объектное поверхностное значение соматизма *глаза* в частушках, как и в пословицах, на уровне глубинной семантики поглощается инструментальным (*Я свою саперу Веру Посажу на небеса. Ты сиди, сапера Вера, Не выпучивай глаза* –

¹⁸ Жанровая специфика функционирования соматизма *глаза* в русской частушке была рассмотрена нами в [Ван, 2017б].

в частушечной логике соперница осуждается за попытку использовать глаза как инструмент привлечения «чужого» партнера) или субъектным (*Четыре сокола, И все красивые, Но мне понравились Глазенки синие* – в связи с тем, что взаимодействуют в частушке два любовных партнера, объект взаимодействия осмысливается как «парный» субъект).

Отметим, что в силу жанровой специфики частушки внутренняя организация значений данного соматизма обнаруживает значительно большее сходство с организацией соответствующих значений пословицы (как жанра, направленного на реализацию полной картины общенародных значений), чем лирическая песня. При этом, как и в лирической песне, для данного соматизма большую роль играет такой способ выражения эмоций и чувств, как описание соматических движений.

(1) Поверхностное значение соматизма *глаза* «**пассивный субъект**» на уровне глубинной семантики, как и в пословице, проявляется как двунаправленное (в пословице: «восприятие мира» и «воздействие на мир»). В связи с тем, что *глаза*, как и другие соматизмы в частушке, реализуют код любовного взаимодействия, эта двунаправленность реализуется в вариантах (1.1) «пассивный субъект, любящий/отвергающий любовь» (*Ай, глазки мои, Серые прищурки. Один Ваське моргает, А другой – Шурке!*) и (1.2) «пассивный субъект, испытывающий воздействие партнера», «любимый/нелюбимый» (*Кари глазки, из-за вас Любовью рано занялась, Думала, по доброй совести, Я надеялась на вас*). Глаза выступают при этом как «заместитель» одного из членов любовной пары, «отделяемый» лирическим героем от себя, что подтверждается, например, частотностью конструкций с обращениями (*Ай, глазки мои, Чего размигались? Разве ты сама не знаешь? С милым увидались!*). Показательной является одна из зафиксированных частушек, где *глаза* замещают обоих членов любовной пары: *Глаза мои, глаза твои, Зачем влюблялись они? У крылечка, у перил Вспомни, что ты говорил!*

(1.1) Поверхностная семантика соматизма *глаза* «**пассивный субъект, осуществляющий воздействие на партнера**», реализуется наиболее частотно.

(а) В большинстве случаев она используется в частушках, оформляющих сюжетные ситуации неразделенности любви. На уровне глубинной семантики *глаза* чаще выступают как «заместитель» безответно любящего – лирического героя: *Полубила я его, Точно обезумела: Глазки мои серые Не спали ночи целые; Меня милый изменил, Стала тонкой, как лоза. От бывлой любви остались Только жгучие глаза; Мои серые глаза С любви помутились. Из-за тебя, мой дорогой, Все отворотились.* В этом случае *глаза* в поверхностной семантике текста интерпретируются как пребывающие в анормативном состоянии (*не спали ночи целые; помутились* и под.). Кроме того, *глаза* в таких сюжетных ситуациях (редко) могут «замещать» и возлюбленного лирического героя, отвергающего любовь (*Глазки карие, живые! Где вас долго не видать? Знать, забросили, забыли, Не хотите больше знать*).

(б) Также рассматриваемое поверхностное значение соматизма *глаза* используется в частушечных сюжетах, связанных с гармоничными любовными отношениями. В таких случаях на уровне глубинной семантики *глаза* реализуют значение «субъект, направляющий любовь на партнера»: *Золото колечко На столе вертелось. Нагляделись мои глазки На кого хотелось; Карие глазеночки Стояли у сосеночки. Стояли – улыбались, Милого дожидались.* Позитивные эмоции, как и в лирической песне, передаются через номинирование соматических действий *глаз*, характеризующих их доведенную до значимого результата активность (*нагляделись*), а также действий, социально осмысляемых как позитивные (*улыбались*).

(1.2) Поверхностная семантика соматизма *глаза* «пассивный субъект, испытывающий любовное воздействие партнера» («субъект, на которого направлена любовь»), реализуется реже, чем вышеописанная.

(а) Соматизм *глаза* в таком поверхностном значении наиболее частотно используется в сюжетных ситуациях, описывающих состояние безответной любви – как «заместитель» любовного партнера, к которому лирический герой испытывает безответную любовь: *Серые глазеночки, Вы весело сияете. Я люблю вас горячо, Но вы не понимаете; Кари глазки я любила И страдала день и ночь. Ах, болит*

мое сердечко, Никто не может мне помочь. Отдельно в рамках данной группы частушек можно выделить те, где реализуются ситуации прекращения любовной связи, где глубинная семантика исследуемого соматизма предстает как «субъект, любовь с которым больше невозможна»: *Я любила по болоту Красны ягодки срывать. Как мне было неохота **Кари глазки забывать**; По дорожке – колет ножки, Стороной – метелица, Ой, довольно, **кари глазки, С вами канителиться.***

Отметим, что «пассивность» субъекта не предполагает описания его соматических действий, поэтому эмоции передаются вне участия их описания.

(б) Кроме того, *глаза* как «субъект, на которого направлена любовь», используется в частушках, сюжет которых отражает нарушение социальных норм, а *глаза* выступают как субъект, «оправдывающий» эти нарушения: *Мои **глазки**, как салазки, Только не катаются. Я не знаю, почему **В них** мальчики влюбляются; Ну и пусть меня осудят Люди ненавистные. Я люблю, любить и буду **Его глазки чистые**; Голубые **глазки** злые, Карие лукавые. У миленка серые, Какие они смелые; Выхожу частушки петь И начинаю **каяться: Глазки серые люблю, А голубые нравятся.***

(2) **Инструментальное** поверхностное значение соматизма *глаза*, в том числе – поглощаемое им на уровне глубинной семантики **объектное** значение, реализуется так же регулярно, но более однотипно. В этом случае глубинная семантика проявляется как «инструмент установления любовной связи» и проявляется в сюжетных ситуациях начала любовного взаимодействия. При этом такой «инструмент» может быть представлен и как успешно используемый (наиболее удачно выбранный: *Юбка клеш, юбка клеш, Юбка шамборами! Коль сама не хороша, **Завлеку глазами!***; результативно используемый: *Я сижу на лавочке, Милый на скамеечке; Только **глазом повела, Милый сел** возле меня; более эффективный, чем тот, который традиционно используется: *Голубые голубиночки У милого **глаза. Они режут** ретивое Хуже острого ножа и т.п.), и как используемый не успешно (неверно выбранный: *Дорогая ягодиночка, **Глазами не води.** Если хочешь познакомиться, Словами***

говори; неверно используемый: *Гармонист, гармонист, Не гляди глазами вниз, Гляди прямо на меня – Я влюбилась в тебя*; не отвечающий требованиям качества, соответствующего его эффективному использованию: *Не смотрите на меня – Глазки поломаете. Я девчонка боевая. Разве вы не знаете?* – в данном случае, «слишком хрупкий» и т.п.), и как не используемый в силу отсутствия необходимости или отсутствия желания его использовать (*Я пою – а глазки [опустила] вниз, Скажут, нелюдимая. На кого буду глядеть, Нет моего любимого*). В реализации данного значения глаголы, называющие соматические движения, участвуют активно, хотя и не постоянно (не во всех случаях). Например, глагол *водить (глазами)* характеризует их действие как нормативное, а в императивной конструкции, выражающей требование прекратить это действие (*Глазами не води!*) выражает эмоцию несогласия с поведением «ягодиночки». Глагол *резать (глазами сердце)* характеризует действие глаз как нетрадиционное, выражая, тем самым, чувство сильной любви.

Отметим, что поглощение объектного значения инструментальным, реализованное в ряде вышеприведенных примеров, осуществляется за счет того, что глаголы, которые номинируют действия субъекта, производящего операции с *глазами*, в частушечном контексте интерпретируются как номинации **процессов установления любовного взаимодействия**, которые этот субъект производит при помощи *глаз*: *водить (глазами)*, *глядеть (глазами)*, чтобы установить отношения, в частности – *глядеть* с повышенной интенсивностью, так, что даже *поломать глаза, опустить (глаза)* вниз в силу отсутствия необходимости их использовать для любовного взаимодействия и под.

(3) **Собственно соматическое** поверхностное значение единицы *глаза*, в соответствии с жанровой спецификой используется в частушке (как и в лирической песне) достаточно регулярно, но, в отличие от лирической песни, на уровне глубинной семантики оно частотно продуцирует кодовые смыслы не только через описание соматических движений, но и через признаковые характеристики *глаз*. В результате на уровне глубинной семантики формируется значение «обязательный атрибут любимого». Сюжетные ситуации,

в которых данное значение эксплицируется, отличаются значительным разнообразием, но типовой характер им придает сама установка лирического героя на характеристику глаз возлюбленного.

Применительно к соматизму *глаза*, как и в лирической песне, в частушке экспликации кодовой семантики способствуют два типа признаковых характеристик.

(а) Цветовые характеристики *глаз* – как вид прямой внешней характеристики части тела (ср.: в лирической песне такие характеристики используются, в основном, при реализации идентифицирующего значения).

Цветовая характеристика на уровне поверхностной семантики частушечного текста не содержит нормативной оценки и является продуктом прямого визуального восприятия *глаз*. Но на уровне его глубинной семантики она выступает в функции постоянного эпитета и определяет не только оценку данного компонента тела человека с эстетической точки зрения, но и указывает на наличие оценки его обладателя с точки зрения фольклорной нормы любовных отношений: *Выхожу и запеваю Перву песню про себя, А вторую про залеточку, Про серые глаза; Мамонька родимая, Не спятся ночки темные, Потому что на уме Миленка глазки черные; Проводила я залету По далекой линии, Как я буду забывать Его глазенки синие?* Цветовая характеристика *глаз* выполняет функцию маркера описываемого кодового смысла соматизма, с которым согласуется цветное прилагательное.

(б) Характеристики, фиксирующие особенности взгляда, соответствующие ситуативному эмоциональному состоянию обладателя глаз, – как результат социально отработанного переосмысления внешней характеристики части тела.

Эти характеристики включают оценочный компонент уже на уровне поверхностной семантики частушечного текста, но на уровне его глубинной семантики оценочная характеристика относится не только к ситуативному состоянию обладателя глаз, но и к его поведению с точки зрения нормы любовных отношений: *Говорят, я некрасива, А зачем мне красота? Только были бы у девушки Веселые глаза; Глаза карие, лукавые У милого мово. Слова*

неверные, пустые: Брошу я любить его; Ой, залеточка, залеточка, Вертучие глаза. На тебя, моя залеточка, Надеяться нельзя; У милого в огороде Растет травка чайная: Неужели не заметил, Что глаза печальные?. Характеристики *веселые, лукавые, вертучие, печальные* (а также *шустрые, печальные, извивые* и *под.*) используются в сочетании с соматизмом *глаза* и за пределами фольклорного дискурса, но в частушке они, во-первых, становятся, как и цветочные характеристики, маркерами кодового смысла «обязательный атрибут любимого», получаемого соматизмом, с которым согласуется соответствующее прилагательное, а во-вторых – характеризуют частушечного «любимого» с точки зрения фольклорной нормы любовных отношений.

Отметим, что при наличии характеристики типа (б) поверхностное значение приближается к субъектному, но все же мы не определяем его как субъектное в силу того, что субъектная метафорическая интерпретация глаз при помощи прилагательных такого типа получает стабильное оформление за пределами фольклорного дискурса и используется в частушке на уровне поверхностной семантики как «готовая».

(4) Реализация на уровне поверхностной семантики исследуемого соматизма значения «**активный субъект**» чаще всего осуществляется в частушках с сюжетом привлечения любовного внимания, где активное действие *глаз* выражается, в основном, глаголом *завлекать*: *Не сама я кофту шила, Шили ручки белые. Не сама я завлекала – Мои глазки серые; Играй, гармонист, Пальчики ученые. Не гармошка завлекает, Твои глазки черные; Плясать пойду, Головой тряхну – Своими серыми глазами Завлекать начну!* Отметим, что глагол *завлекать* в частушке как жанре фольклорного дискурса стабильно используется для номинирования действия по привлечению любовного внимания, тогда как в литературном языке он реализует целый комплекс значений, в составе которых рассматриваемое значение является производным (например, в Русском семантическом словаре соответствующее значение реализует ЛСВ-3: «кого(что). Увлечь, влюбить в себя, заставив поверить. 3. невинную девушку.||=несов. завлека'ть» [Русский семантический словарь, 2007]; при этом,

в отличие от приведенного, в частушке глагол *завлекать* утрачивает обязательное объектное распространение). С пометой «фольклорное» возвратный коррелят данного глагола представлен в Словаре русских народных говоров, и, хотя в словарной дефиниции семантика любовных отношений авторами словаря не фиксируется, данный семантический компонент проявляется в иллюстративном материале: «1. Фольк. Увлечься кем-либо. Поверь ты, моя дорогая, всем сердцем завлекся тобой (песня). Яран. Вят., 1896. Завлекательные глазки, Завлеклись мы с тобой, Завлеклись до самой пасхи, Мой цветочек дорогой (частушка). Твер.» [Словарь русских народных говоров, 1972, с. 322], что указывает на его возможный статус собственно-фольклорной лексемы, распространяющей глубинную семантику «привлекать любовное внимание» на свой субъектный актант.

Значительно реже в ситуациях привлечения любовного внимания соматизм *глаза* реализуется как активный субъект действия, обозначенного другими глаголами: *Ой, соперница моя, Шкодно глазки жмурятся. Выбью глаз, расквашу нос, Не ходи на улицу!; Ой вы, черненькие глазки, Большие так не делайте. Завлекали, так любите, За другой не бегайте.*

На уровне глубинной семантики значение исследуемого соматизма «активный субъект» приближается к инструментальному, хотя и не поглощается им (*глаза* как «субъект, помогающий установить любовную связь», → «инструмент для установления любовной связи»).

Кратко рассмотрим основные функции в русской частушке соматизма *руки* (подробно см. [Ван, 2018б]).

РУКИ

Как и в лирической песне, в частушке коммуникативная функция рук оказывает на реализацию кодовой функции номинирующего их соматизма ведущее влияние. При этом если в лирической песне их бытовая (в частности – трудовая) функция, хоть и значительно реже, но все же при формировании глубинной семантики соматизма интерпретируется, то в частушке – как жанре, где соматизмы передают код любовных отношений молодой пары, – трудовая функция рук не интерпретируется.

На уровне поверхностной семантики соматизм *руки*, как и в лирической песне, наиболее частотно реализует в частушке (1) собственно соматическое значение, в большинстве – употребляемое в перспективе инструментального использования. Кроме того, достаточно регулярно используется его (2) субъектное значение. Рассмотрим, какие глубинные смыслы образуют эти основные для частушки поверхностные значения исследуемого соматизма.

Состав глубинных смыслов соматизма *рука* в сравнении с лирической песней сокращается, подчиняясь жанровой задаче транслировать эмоциональный код любовных отношений.

(1) В целом собственно соматическая поверхностная семантика не задает формирование глубинной семантики исследуемого соматизма, но ее формированию способствует выбор особых диктумных аспектов ее представления. При реализации собственно соматической поверхностной семантики частушечный диктум, в большинстве, отражает социально отработанные формы коммуникативной активности рук, вербально выраженные глагольными словосочетаниями *махать (помахать) рукой, брать за руку, давать руку, жать руку* и под. *Рука* при этом, на уровне поверхностной семантики сохраняя соматическое значение, выступает как инструмент взаимодействия. На уровне глубинной семантики это взаимодействие интерпретируется как «любовное взаимодействие», соответственно, глубинная семантика соматизма *рука* предстает как «инструмент любовного взаимодействия» и реализуется в сюжетах установления этой связи (*Ох, я молода, Молодешенька. Милый **под руку берет**, я радешенька; Мой мил далеко, На заимке пашет, Я поскотиной иду, Он **рукою машет**; Поезд к станции подходит, И свисточек подает. Мил с вагончика выходит, Праву **ручку подает**) или ее нарушения (*Я стояла на перроне, Милый ехал на вагоне. Я **хотела ручку дать**, Его **только что видать**; Милый в армию поехал И сказал: милка, пока. К вагону **пристывала** Его правая **рука**; Милка в армию поехал, **Помахал мне рукой**. Оставайся, дорогая, На два года сиротой*). В сюжетных ситуациях нарушения любовной связи в большинстве случаев, как и в лирической песне, фиксируются различные формы нарушения активности рук (*пристывала рука; хотела ручку дать, его только что видать*).*

Другой вариант реализации собственно соматической поверхностной семантики соматизма *руки* связан с сюжетами, передающими косвенную форму любовного взаимодействия – танец и игру на гармонии. Так, гармонист в фольклорном коллективе интерпретируется как идеальный мужской персонаж любовного взаимодействия, «лидер» молодежных гуляний. *Рука* гармониста – основной инструмент использования гармонии, и в частушках регулярно описывается ограничение активности руки, маркированное глаголом *болеть*, как признание неполноценности гармониста, которое необходимо преодолеть: *У нашего игрока **Болят правая рука, Левая ладонь, Тяжела гармонья; Болят рученька в кисти, Надо к доктору итти, Болят правая ладонь, Не могу играть в гармонь.*** Реализации глубинной семантики соматизма способствует (а) фокусировка на особом обладателе руки – гармонисте, статус которого в молодежном любовном взаимодействии реализуется в частушке как повышенный; (б) выбор представленного в сюжетных ситуациях соматического состояния, номинированного глаголом *болеть*, – как указывающий на ограничение обладателем руки осуществлять свое обязательное действие – играть на гармонии.

(2) Субъектное поверхностное значение соматизма *руки* эстетически закрепляет восприятие соответствующего органа человеческого тела как максимально активного и его национально-культурную кодовую интерпретацию, связанную с ценностной значимостью этой активности. На уровне глубинной семантики исследуемый соматизм в соответствии с жанровой спецификой формирует значение «субъект любовной активности»: *Мой миленочек танкист, Он воюет на войне. Дорогие его **рученьки** **Не пишут** письмо мне; Не сама платочек **шила** – Мои **ручки** белые. Не сама я завлекала – Мои **глазки** серые!; Хорошо гармонь играет, Только **ручкам** **тяжело**. Если б я играть умела, Заменяла бы его.*

Таким образом, в частушке кодовые смыслы активно реализуются как при посредстве поверхностной семантики соматизма, так и независимо от нее – с помощью сюжетного жанрового контекста. Это объясняется тем, что частушка является жанром, ориентированным на действительность, и типовые сюжетные ситуации предстают как более конкретные; более конкретизированы и передаваемые частушкой эмоции.

2.5 Текстовая специфика реализации соматического кода в русских пословице, частушке и лирической песне

В данном исследовании мы выделили следующие текстовые особенности реализации соматического кода в исследуемых жанрах:

- (1) характер использования нескольких соматизмов в одном фольклорном тексте;
- (2) использование соматизмов в диминутивной форме;
- (3) использование соматизмов в особых синтаксических конструкциях.

Рассмотрим проявление этих признаков в исследуемых жанрах.

1. Одним из признаков организованности взаимодействия кодовых смыслов соматизмов является характер их использования в одном фольклорном тексте.

Пословица характеризуется высокой частотностью попарного использования соматизмов в конкретных пословичных текстах, при которой парадигматика их значений способствуют реализации различных ценностно значимых противопоставлений. Нами зафиксировано 172 пословицы с попарным использованием соматизмов, что составляет около 12 % от всех проанализированных текстов.

Парадигматические объединения соматизмов в пословице находят обоснование, прежде всего, в наличии общего содержательного компонента в их значении (например, *глаза/руки*: взаимодействие с миром: *Глаза – ямы, а руки – грабли; Глаза завидующие, руки загребущие; Глаза страшатся, а руки делают*). Наличие общего компонента в кодовом значении соматизмов, в свою очередь, в большинстве случаев основывается на близости или противоположности соматических функций (*Ленивые руки не родня умной голове; Легче руками работать, чем головой; Глаза стращают, а руки делают*) или расположения соответствующих органов человеческого тела (*Хватился волос, когда голову сняли; Голову с плеч снявши, другую не наставишь; Голова у ног ума не просит*).

Объединение двух соматизмов в тексте пословицы функционально значимо. Их совокупность выражает следующие способы представления ценностей.

(а) Противопоставление, на основании противоположности кодовых значений интерпретирующее ценности на фоне антиценности: например, ценность внутренних качеств человека – антиценность его внешней оценки (*Голова с пивной котел, а мозгу с ложечку*); ценность реальных возможностей – антиценность пустых амбиций (*Высока у хмеля голова, да ноги жиденьки*) и др.

(б) Объединение, на основании акцентирования общего компонента в разных кодовых значениях отражающее единство ценностной интерпретации разнотипных качеств человека (пара = все): например, ценность соответствия всех значимых качеств их оценке (*По голове и шапка, по ноге и сапог*), ценность распределения духовных и физических реакций человека (*Где больно, там рука, где мило, тут глаза*) и др. Отметим, что в этой функции активно используются соматизмы, называющие парные органы человеческого тела – *ноги* и *руки*: *Добрую лошадь одной рукой бей, другою слезы утирай; Левой рукой мосол кажи, в правой руке плоть держи; Одна нога тут, другая – там; Один глаз на нас, а другой в Арзамас*. Кроме того, на базе этого развивается присваивание гипотетически парных свойств непарным органам человеческого тела, выполняющее в пословицах ту же функцию: *Одна голова хорошо, а две – лучше; Голову с плеч снявши, другую не наставишь*.

(в) Следование одного из другого, на основании взаимодействия кодовых значений передающее ценность осознания связей между типовыми явлениями и событиями: например, осознания, что внешне уважительное отношение может сопровождаться внутренним неприятием (*Поклонясь в ноги, да хватить за пятки*); что истина может быть добыта нечестным путем (*В суд ногой – в карман рукой*) и др.

(г) Совмещение несовместимого, на основании парадоксальности взаимодействия реальных соматических функций номинируемых частей тела передающее ценностную несостоятельность: например, антиценность неуважения старших (*Молод смеяться: еще на зубах волоса не выросли!*); антиценность преувеличения возможностей (*Выше лба уши не растут*) и др.

Наиболее последовательно в пословицах реализуется соматическая пара «руки/ноги», оба компонента которой, во-первых, в своем кодовом значении

отражают разные виды активности человека, во-вторых, в исходном значении называют части тела человека, предназначенные для наиболее активного движения: *Не ел – не мог, поел – **ни рук, ни ног**; Ноги носят, а **руки** кормят; Ноги с побегом, **руки** с подхваткой; Отдай в долг **руками**, а собирай **ногами**; Как узнаешь, кто украл: ведь вор-то **ни рук, ни ног** не оставил.*

Перечислим другие частотно реализуемые пары соматизмов, расположив их по степени частотности парного использования. Обозначим основания их объединения.

Руки/голова: противопоставление деятельностной и интеллектуальной активности, основанное на соматической функции рук – как органа видимой активности и головы – как органа, значимая активность которого внешне не видна (*У умной **головой** сто **рук**; Голова научит, **руки** сделают*);

Голова/шея: противопоставление истинного и внешнего главенства, основанное, во-первых, на том, что голова пространственно расположена выше, а во-вторых – на том, что эти органы связаны и движения головы осуществляются с опорой на шею (*Муж – **голова**, жена – **шея**, куда захочет, туда и повернет; Ему день ото дня хуже: **голова** **шеи** уже*);

Голова/волосы: противопоставление ценностно значимого «инструмента интеллектуальной деятельности» любому другому, основанное на более высокой физиологической значимости головы – в сравнении с волосами, а также на их реальном единстве и невозможности отсутствия головы при наличии волос (*Сняв **голову**, по **волосам** не плачут; Хватился **волос**, когда **голову** сняли*);

Голова/ноги: противопоставление интеллектуальной (внутренней) и внешней активности, основанное на соматических функциях головы и ног (*Без ума **голова ногам** покою не дает; Голова б не думала, **ноги** б не пошли*);

Глаза/сердце: приоритет ценностей духовных (внутренних) способов восприятия мира над внешними – определяемыми «видением» (*глаза* как «неудачно избранный инструмент восприятия»), основанный на соматических функциях глаз – как органа внешнего восприятия – и сердца – как уязвимого в результате эмоционального воздействия органа (*Москва от **глаз** далека, да **сердцу** близка; Куда **сердце** летит, туда и **око** бежит*).

Реже реализуются такие соматические пары, как *руки/сердце* (*Маленькие дети – **руки** болят, большие дети – **сердце***), *голова/сердце* (***Головой** крепок, но **сердцем** слаб*), *руки/шея* (*Кому кнут да возжжи в **руки**, кому хомут на **шею***), *руки/волосы* (*Подавайся по **рукам** – легче будет **волосам***), *руки/глаза* (*Где больно, там **рука**, где мило, тут **глаза***) и некоторые другие.

Таким образом, в жанровом коде пословицы соматизмы обладают парадигматической связанностью. Эта связь проявляется во взаимодействии их кодовых смыслов, реализуемых при единичном употреблении, когда кодовое содержание конкретного соматизма прочитывается за счет общей логики реализации соматического кода, а также при их парном использовании, позволяющем трактовать ценностно значимую дифференциацию смыслов при посредстве семантики каждого из членов соматической пары.

Неединичное использование соматизмов в одной **лирической песне** так же, как и в пословице, отражает организованность взаимодействия их кодовых смыслов.

В силу значительного объема текста лирической песни более одного соматизма реализуется в одной песне крайне частотно. При этом, если соматизмы реализуются на значительном расстоянии, не включаются в однотипные конструкции или не связываются грамматически, то взаимодействие их смыслов, безусловно, имеет место, но задается исключительно общей организацией жанрового соматического кода: *Ой да выходила, Выходила девчонка на крыльцо, Ой да выносила, Выносила шубеночку **на руке**. Ой да прикрывала, Прикрывала казаченьку на коне. Ой да прикрываши, Прикрываши, приговаривала: – Ой да куда едешь, Куда едешь – заезжай, милый, ко мне. Ой да коль заедешь, Коль заедешь – **сердце** взрадуется, Ой да не заедешь, Не заедешь – обомрет **сердце** во мне*. В данном тексте перечень возможных для использования подобным образом соматизмов – открытый. В непосредственное текстовое взаимодействие реализованные соматизмы не вступают.

Если соматизмы используются в рамках одной сюжетной ситуации, в однотипных конструкциях, возможно, непосредственно связаны грамматически, то такое их взаимодействие можно охарактеризовать как **собственно текстовое**, значимое для реализации жанровой задачи.

Рассмотрим характер собственно-текстового взаимодействия соматизмов в лирической песне.

В лирической песне собственно текстовое взаимодействие соматизмов в одном тексте выполняет две функции.

(1) Их взаимодействие, как и в пословице, организовано по принципу, реализуемому в пословице, где их попарное использование способствует реализации различных ценностно значимых противопоставлений.

Частотность взаимодействия по этому принципу в лирической песне, в отличие от пословицы, не велика. Нами зафиксировано 17 песен с таким использованием соматизмов, что составляет около 3 % от всех проанализированных текстов.

Отметим, что, в силу ассоциативности кодового смысла лирической песни, такие объединения также ассоциативны и их основания не всегда могут быть четко сформулированы.

Как представляется, в отличие от пословицы, где основания для противопоставления многообразны, в лирической песне все содержательно обоснованные объединения отражают три типа взаимодействия обобщенных смыслов.

(а) Их противопоставление, обобщенно отражающее парадигму физического/духовного (сходное с выраженной в пословицах противоположности кодовых значений). Противопоставление в этом случае не означает представление ценности на фоне антиценности (как это проявляется в пословице), а характеризует их целостность: «Красавица-забавница, Взгляни на меня». – «Я рада бы взглянула бы – **Глаза** не глядят!» – «Красавица-забавница, Платочком махни». – «Я рада бы махнула бы – Платка **в руках** нет!». Ноги и руки могут быть проинтерпретированы как ценность физическая, а глаза – духовная.

(б) Их объединение, которое, как и в пословице, акцентирует общий компонент семантики соматизмов (пара=все): *Да убегу, убегу я от муки, И скроюсь в лесу я, в горах, Да есть же пока **ноги и руки**, Да пока в молодых-то порах; Вор-молодец, вор-молодец К моей Марусеньке, к моей молодой, К моей*

Марусеньке, к моей молодой Ходити, ходити. Мою Марусеньку, мою молодую, Мою Марусеньку, мою молодую Любити, любити. Уж и я его, уж и я его, Уж и я его, уж и я его Изловлю, изловлю, Руки-ноги, руки-ноги, Руки-ноги, руки-ноги Ему изломлю, ему изломлю.

(в) Их следование одного из другого, передающее на основании взаимодействия кодовых значений единство однотипных ценностей: *Ты возьми, возьми саблю вострую, Ты разрежь, разрежь мою белу грудь. Посмотри-ка на ретиво сердце; Есть ли на свете такой человек, Кто бы распорол мою белую грудь, Кто бы посмотрел ретивое сердце?*

(2) Их взаимодействие организовано практически вне учета кодовой семантики и прямо направлено на суггестивную трансляцию эмоций и чувств, усиленную множественностью действий частей тела, номинированных при помощи соматизмов.

Описание множества соматических реакций и ощущений, контекстуальное взаимодействие соматизмов как участников этих реакций в своем единстве выражает обобщенную типовую эмоцию персонажа и исполнителя – позитивных (*Не сизы орлы солетались – Два братца родные во чистом поле соезжались,. Родною роднею сознавались, Белыми руками обнимались, Во сахарны уста целовались.*) и негативных (*Говорила своей доченьке: «Уж ты, дочь ли моя милая, Приголубь ясного сокола». Отвечала свет-Натальюшка: «Я бы рада приголубила – Белы руки опустились, Резвы ноги подломились»; Возговорит добрый молодец: «Не приманывай, красна девица: Не травой ноги спутаны, Не росой глаза замочены – Ноги спутаны кручинушкой, Глаза замочены горючьми слезами!»).*

Множественность соматизмов, использованных в контекстах с описанием действий частей тела человека, реализуют суггестивный эффект.

В отличие от пословицы и лирической песни, в одной частушке более одного соматизма используется редко.

Пословица использует соматизмы для реализации различных аспектов оценочного противопоставления элементов реальности на основании ценностей, и это качество ей позволяет реализовывать отсутствие сюжетной основы. Частушка,

во-первых, строится на основании описания сюжетной ситуации, в которой использование более чем одного соматизма должно быть сюжетно обосновано, а во-вторых, противопоставление явлений реальности на основании их ценностной значимости для частушки не актуально. Частушка с соматизмами оценивает содержание конкретной типовой ситуации на основании нормы любовных отношений.

Лирическая песня, в большинстве, использует объединения соматизмов с целью описания множественных соматических действий, образующего автономную сюжетную ситуацию и направленную на суггестивный эффект. В частушке, во-первых, этот способ выражения не позволяет использовать ее малый объем, а во-вторых, ее ориентированность на действительность, предполагающая «правдоподобие» описываемых действий.

В немногочисленных случаях фиксируются объединения соматизмов в одной частушке (не более 2 % от всех зафиксированных частушечных текстов).

Во всех случаях объединения двух (единично – трех) соматизмов в тексте частушки акцентируется общий компонент разных кодовых значений.

Наиболее частотно совместно используются соматизмы *сердце* и *грудь*, во-первых, связанные физиологически, во-вторых, интерпретирующие духовное начало, но главное – обнаруживающие единую связь с кодовым содержанием соответствующих частей тела на уровне национально-культурного соматического кода: *Милый, милый, всем на диво, Что расстались мы с тобой, Все печали к сердцу пали, Грудь наполнилась тоской; Сердечко мое Бьется через грудку. Как ребятам не любить Такую голубку?!; Не болит мое сердечко, От тоски не поет грудь. Милый в армию уходит, Я скажу: Счастливый путь!*

В остальных случаях основание для объединения соматизмов оказывается еще более обобщенным, например: *Пойду плясать, Начну дробью, И руками, и ногами, И еще бровью!* (единство семантики использованных соматизмов предстает как «объекты, совершающие соматические движения и выражающие позитивные эмоции и чувства»; их использование в этом случае приближается по своему типу к регулярному для лирической песни); *Походили мои ноженьки*

*По здешней стороне, Относил я русы **волосы** На буйной **голове!*** (единство семантического компонента «объекты – обязательные атрибуты молодого парня», которых, в соответствии с семантикой текста, он лишается или которые перестают выполнять свои нормативные функции).

2. Значимость **диминутивов** в фольклоре неоднократно подчеркивалась исследователями (например, [Кожаева, 2017; Панасенко, Варечкова, Речкова, 2014 и др.]).

Исследуемые жанры используют их с разной частотностью и в разной функции.

Направленность **пословицы** на представление опыта **логического** освоения действительности человеком, их прагматическая потенциальность определяют их ориентированность не на выражение, а на эмоционально нейтральное **описание** типовых эмоций и чувств (что отличает их от частушки и лирической песни, предназначенных для выражения эмоций, – см. раздел 1.2.2.1 главы 1). В связи с этим соматизмы, участвующие в таком описании, крайне редко реализуются в форме диминутивов. Так, соматическая номинация сердца («хранилище эмоций и чувств») зафиксирована в диминутивной форме 1 раз (из 82 употреблений), глаз – 6 (из 160), головы – 9 (из 283), ног – 10 (из 140), причем из них – абсолютное большинство с суффиксом -К, а с суффиксами ОНЬК/ЕНЬК – единично.

Кроме того, абсолютное большинство из немногочисленных зафиксированных диминутивных употреблений объясняется реализацией особых дополнительных функций, касающихся (чаще) требований формы или (реже) передачи особенностей содержания пословицы, не связанных с эмоциональной нагрузкой соматизма.

К требованиям формы относятся условия ритмико-рифмической организации пословицы: *Острое словечко колет **сердечко**; По одежке протягивай **ножки**; Золотые **ручки** не испортят **мучки**; Кишку да **ножку** подайте в верхнее **окошко**; Живучи одной **головкой**, и обед варить **неловко**; Поет, что соловушка, да пуста **головушка**; Ласки в **глазки**, а за **глаза** готов в **таски**; **Шейка** копейка, алтын **голова**, сто рублей **борода***. Отметим, что в последних двух примерах отсутствие эмоциональной нагрузки соматизмов подтверждается недиминутивной формой

реализации других соматизмов, употребленных с диминутивами в одном тексте. Кроме того, в единичном случае зафиксировано использование соматизма в форме диминутива как результат включения в пословицу идиоматического выражения, в котором он был стабилизирован: *За безручье (за неуменье) по головке не гладят.*

К особенностям содержания пословицы, не связанным с эмоциональной нагрузкой соматизма, относятся формы иронического представления ценностей, получающие диминутивную поддержку: *Ложь на тараканьих ножках ходит; Не спросят у гуся: не зябнут ли ножки?; Завидливы глазки все съесть хотят; Белые ручки чужие труды любят; Нежные ручки всегда в отдыхе.*

В лирической песне и частушке использование диминутивов, наоборот, отличается повышенной их активностью.

Значимость особой текстовой организации народной лирики не раз подчеркивалась исследователями. Так, по наблюдениям И. А. Оссовецкого, «стремлением к усилению эмоциональной окраски выражаемого содержания в народных лирических песнях обусловлена и такая закономерность в синтаксическом расположении словарного материала, когда вначале идет слово без суффикса и эпитета, потом то же самое слово выступает с суффиксом, и, наконец, оно идет с тем или иным эпитетом» [Оссовецкий, 1957, с. 484].

В отличие от пословицы, направленной на представление опыта логического освоения действительности, лирическая песня и частушка, прямо ориентированные на выражение эмоций и чувств, активно используют соматизмы в диминутивной форме. Это способствует реализации суггестивного эффекта при реализации эмоций (лирическая песня: *На чужой сторонкушке жить умеючи, Разумеючи; Быть сердечушке покорливей, Быть головушке поклончивей! А мое сердечушко непокорное, А моя головушка непоклончива!»; Горюч, горюч камушек подо мной, Он жжет мои ноженьки нежные. Ах, миленький, миленький мой дружок, Сними меня с камушка на песок. – Ах, девица, девица красная, Подай свои рученьки белые; частушка: Мои щечки что цветочки, Глазки – что смородинки. Не отдаст папаша замуж, Мы – горазд молоденьки!; Не ходите, девки, замуж, Как моя головушка. Лучшие девять девярьев, чем одна золовушка!).*

3. Текстовая связь между содержательными коррелятами соматизмов при их парной реализации в пословице и лирической песне в большинстве случаев поддерживается особой **синтаксической организацией** текста. В частушке такое свойство текста не проявлено.

В **пословице** это выражается противительными конструкциями и конструкциями со значением объединения, организующими характерную для данного жанра двучастность формы (***Нога** споткнется, а **голове** достаётся; Зайца **ноги** носят, волка **зубы** кормят*), а также единством **грамматической формы** соматизмов (*Дать **руками**, а взять **ногами**; Жену выбирай не **глазами**, а **ушами***).

В лирической песне множественность описываемых соматических реакций, реализующая суггестивный эффект, также оформляется однотипными синтаксическими конструкциями, что усиливает его: ***Погляжу** я в поле – из очей слезы текут; Вздумаю бежать, Вздумаю бежать – мои ноженьки нейдут; Вздумаю нанять, Вздумаю нанять – у меня ли денег нет; Рада бы лететь, Рада бы лететь – у меня ли крыльев нет!; Со пути ты меня да со широкого. Подкосились у меня белые ноженьки. Опустились у меня белые рученьки Со казенной, мамушка, Да со работушки.*

Итак, в пословице, частушке и лирической песне соматизмы используются в тексте различным образом. Особенности их вербального представления проявляются (1) в специфике их морфемной структуры и (2) в специфике их синтаксического употребления.

Выводы к главе 2

Кодовая функция соматизмов в пословице, лирической песне и частушке как жанрах русского фольклорного дискурса характеризуется жанровой спецификой, которая заключается в следующем.

1. Жанрово специфичными являются состав соматизмов как кодовых единиц и частотность их использования.

В пословице состав используемых соматизмов является наиболее широким и включает (по убыванию степени частотности) единицы *голова, руки, глаза, ноги, зубы, сердце, язык, рот, нос, борода, лицо, плечи, волосы, живот, уши; шея, брови и грудь*. То, что количество используемых в пословице соматизмов превышает их количество в лирических песнях и частушках, определяется, во-первых, жанровой установкой пословицы на фиксацию максимально полного перечня национально-культурных ценностей, заданных на уровне национально-культурного соматического кода, а во-вторых – тем, что пословица представляет результаты логического освоения действительности.

В лирической песне и частушке состав используемых соматизмов сужается (например, в них практически не используются регулярные для пословицы соматизмы *язык, рот, зубы*), но некоторые малочастотные для пословицы соматизмы (*волосы, грудь*) переходят в группу высоко- и среднечастотных. Это объясняется тем, что в жанрах народной лирики наиболее востребованными являются соматизмы, приспособленные для трансляции эмоций и чувств на уровне национально-культурного соматического кода.

Несмотря на единство состава соматизмов в лирической песне и частушке, их частотность в этих жанрах значимо различается. В частушке высокочастотными являются соматизмы *сердце* и *глаза* – как наиболее приспособленные для трансляции кода любовных отношений молодой пары.

2. Кодовое содержание соматизмов в пословицах как ценностноориентирующих высказываниях реализуется при полном его соответствии их поверхностной семантике. Перечень вариантов реализации поверхностной семантики в пословице является максимально полным, что позволяет выразить широкий спектр кодовых значений. Многообразие зафиксированных в пословицах кодовых смыслов позволяет наиболее вариативно использовать их в коммуникативном процессе.

Лирическая песня и частушка как жанры, направленные на трансляцию типовых эмоций и чувств, преимущественно реализуют кодовое содержание отличными от пословицы способами.

В лирической песне, содержание которой не обладает прямой связью с реальностью, наоборот, связь поверхностной семантики соматизмов с их глубинной (кодовой) семантикой является, в большинстве случаев, ослабленной. Это объясняется сюжетной природой лирической песни и обобщенностью передаваемых эмоций и чувств. Кодовые смыслы, в большинстве, реализуются за счет жанрового контекста, в котором описание сюжетных ситуаций наиболее активно привлекает номинации собственно соматических характеристик и действий частей тела человека, соответствующие выражению эмоций и чувств героя и исполнителя/слушателя. Если такая связь устанавливается, то, в основном, в качестве поверхностных значений используются субъектное и объектное, позволяющие сохранять применительно к ним собственно соматические характеристики и действия. Другие поверхностные смыслы, накладывающие ограничения на использование собственно соматических характеристик («сосуд», «инструмент» и под.), в лирической песне используются редко.

В частушке кодовые смыслы активно реализуются как при посредстве поверхностной семантики соматизма, так и независимо от нее – с помощью сюжетного жанрового контекста. Это объясняется тем, что частушка является жанром, ориентированным на действительность, и типовые сюжетные ситуации предстают как более конкретные; более конкретизированы и передаваемые частушкой эмоции.

3. Характер системной организации соматического кода в пословице, частушке и лирической песне проявляется в особенностях неединичного использования соматизмов в едином тексте этих жанров, которое является функционально значимым. В пословице соматизмы частотно используются попарно, отражая ценностно значимые противопоставления, объединения и другие формы взаимодействия смыслов. В лирической песне суггестивный эффект, связанный с выражением обобщенных эмоций и чувств, формируется при помощи множественного использования соматизмов, номинируемые которыми части тела человека представлены как совершающие однотипные движения. В частушке неединичное использование соматизмов наименее регулярно и слабо жанрово обосновано.

4. Специфика текстового использования соматизмов в рассматриваемых жанрах проявляется в особенностях их структурного оформления и специфике синтаксических конструкций, в которых они и используются. В пословице для реализации ценностноориентирующих смыслов, полученных в результате логического освоения действительности, не требуются диминутивные формы соматизмов. Упорядоченному представлению ценностей способствуют синтаксические конструкции пословиц, способствующие структурному оформлению отношений между кодовыми смыслами соматизмов. В лирической песне и частушке, наоборот, диминутивы используются регулярно, что способствует реализации цели передачи эмоций и чувств. В лирической песне множественность и комплексный характер описываемых соматических движений также находит синтаксическую поддержку. Синтаксические особенности частушки на характер реализации соматизмов не влияют.

Заключение

Соматический код культуры представляет собой один из способов организации культурно значимых смыслов.

Принципы реализации соматического кода культуры определяются (1) спецификой конфигурации и физиологических функций частей тела человека, подвергшихся кодовой интерпретации; (2) характером знаковых единиц, реализующих их кодирование; (3) национально-культурной интерпретацией ценностно значимого содержания, соотнесенного с содержанием этих единиц.

Одним из способов представления соматического кода культуры является **вербальный** соматический код, в качестве знаковой единицы которого рассматривается соматизм как лексическая единица.

Вербальный соматический код культуры в силу его универсальности реализуется во всех сферах коммуникации. При этом в каждом дискурсе принципы его реализации обладают определенной спецификой, задаваемой целью дискурса.

В связи с тем, что трансляция общекультурных ценностей входит в основание цели **фольклорного дискурса**, он наиболее последовательно и полно отражает кодовые смыслы культуры.

Функция соматизмов в фольклоре заключается в их участии в установлении взаимодействия между поверхностной и глубинной семантикой фольклорного текста.

В каждом фольклорном жанре дискурсивная цель фольклора реализуется особым образом, что оказывает значимое влияние на характер реализации вербального соматического кода.

Пословица, лирическая песня и частушка – как жанры фольклорного дискурса – обладают следующими специфическими признаками, влияющими на реализацию вербального соматического кода.

В **пословице** специфика его реализации определяется прямой ориентированностью жанра на передачу общефольклорных/национально-

культурных ценностей, отражением результатов логического способа освоения действительности, представленных в иносказательной форме, приспособленностью жанровой формы и содержания для использования ценностноориентирующих высказываний в реальном коммуникативном процессе.

В **лирической песне** и **частушке** – как жанрах **народной лирики** – на характер реализации вербального соматического кода влияет такая особенность их жанровых целей, как предназначенность для выражения эмоций и чувств исполнителя/слушателя, наличие в их основании типовых сюжетных ситуаций, при посредстве которых эти эмоции и чувства передаются.

Различия в организации вербального соматического кода лирической песни и частушки определяются их специфическими жанровыми особенностями.

Лирическая песня отличается автономностью по отношению к реальной действительности и ориентирована на трансляцию максимально обобщенных эмоций и чувств исполнителя/слушателя, что определяет обобщенный характер содержания ее типовых сюжетных ситуаций.

Частушка, наоборот, характеризуется жесткой связью с реальной действительностью существования молодежного фольклорного коллектива и ориентацией на трансляцию его более конкретизированных типовых эмоций и чувств, что определяет конкретность ее типовых сюжетных ситуаций.

Жанровая специфика пословицы, лирической песни и частушки задает различия в организации реализованного в них вербального соматического кода, которые проявляются в **составе, частотности** реализации соматизмов, **типе кодируемой информации**, характере взаимодействия поверхностной и глубинной (кодовой) семантики соматизмов, определяющей **специфику передачи кодового смысла**.

Состав и частотность реализации соматизмов в русских пословице, частушке и лирической песне определяется их жанровыми установками на трансляцию содержания определенного типа.

В **пословице**, направленной на передачу полной палитры национально-культурных ценностей, состав используемых соматизмов максимально широкий.

Потенциальность пословичных высказываний по отношению к конкретным коммуникативным ситуациям, а также их направленность на широту представления национально-культурных ценностей определяют многообразие задаваемых при помощи соматического кода ценностных аспектов. Перечень наиболее частотных соматизмов русской пословицы совпадает с их перечнем в пословицах других культур, что подтверждает универсальность соматического кода культуры.

Лирическая песня и частушка формируют состав соматизмов, в первую очередь, на основании специфики жанровых установок, сфокусированных на передаче эмоций и чувств, поэтому общий состав соматизмов – как предназначенных на уровне национально-культурного кода для передачи эмоций и чувств, а также состав группы малочастотных соматизмов (или полностью отсутствующих, но фиксируемых в других жанрах фольклора) – как для этого не предназначенных – в лирической песне и частушке сближается.

Состав высокочастотных соматизмов **лирической песни и частушки**, а также уровень его дифференцированности от состава группы среднечастотных соматизмов в этих жанрах значимо различается, что объясняется обобщенностью передаваемых лирической песней эмоций и чувств и их относительной конкретностью в частушке, а также жанровой специализацией диктумного содержания частушки, отражающей эмоции и чувства любовных отношений молодежного фольклорного коллектива. С этим связаны и особенности распределения соматизмов по тематическим (диктумным) типам частушечных текстов: соматизмы, в абсолютном большинстве, фиксируются в частушках любовной тематики.

В частушке, в силу ее ориентированности на действительность, наличия сюжетной основы и относительной конкретности составляющих ее сюжетных ситуаций, не все соматизмы реализуют свой кодовый потенциал. В пословице, как жанре, по отношению к действительности потенциальном, и в лирической песне, не ориентированной на действительность и транслирующей обобщенные эмоции и чувства, предназначенные для универсального использования, все соматизмы реализуются в кодовой функции.

Кодовые (глубинные) значения соматизмов в пословице, лирической песне и частушке различным образом взаимодействуют с их поверхностными значениями.

(1) Реализация кодового смысла соматизма осуществляется только за счет жанрово обусловленного контекста: названия действий и состояний части тела, номинируемой при помощи соматизма, а также ее внешних признаков. Его поверхностная семантика в формировании этого смысла не участвует.

Такой способ взаимодействия поверхностной и глубинной семантики соматизмов используется в **лирических песнях и частушках** – как жанрах, обладающих сюжетной основой и ориентированных на выражение эмоций и чувств. Эмоции и чувства в этом случае выражаются через описание нормативных/ненормативных движений и признаков частей тела человека, осуществляемое при помощи соответствующих глаголов и прилагательных. В **лирической песне** – как жанре, не ориентированном на действительность и выражающем обобщенные эмоции, такой способ реализации кодового смысла становится ведущим.

В **пословицах** такой способ взаимодействия поверхностной и глубинной семантики соматизмов практически не используется в связи с жесткой жанровой предназначенностью транслировать национально-культурные ценности.

(2) Реализация кодового смысла соматизма осуществляется не только за счет жанрово обусловленного контекста, но и за счет специфики поверхностной семантики соматизма, которая становится уже не собственно-соматической, а субъектной или объектной. При этом значимость контекста выражается в том, что в поверхностной семантике текста лирической песни и частушки (соответствующей сюжетной ситуации) действия и признаки «субъекта» или «объекта», выраженные при помощи соматизма, остаются собственно соматическими.

Такой способ взаимодействия поверхностной и глубинной семантики соматизмов наиболее частотно используется в **лирических песнях и частушках**, где они выражаются в этом случае также через описание нормативных/ненормативных движений и признаков частей тела человека.

В пословице такой способ также используется, но, в отличие от частушки и лирической песни, имеет частный характер и частотным не является.

(3) Кодовый смысл соматизма устанавливает жесткое соответствие с его поверхностным смыслом и обосновывается им, приобретая равную значимость с жанровым контекстом. Соматизмы в этом случае реализуют широкий спектр поверхностных значений («субъект», «объект», «сосуд/полость», «инструмент» и т.д.), а признаки и действия частей тела оформляются не только как соматические.

Данный способ взаимодействия глубинной и поверхностной семантики является ведущим в пословице – как жанре, прямо ориентированном на трансляцию национально-культурных ценностей и лишенном сюжетной основы. Для лирической песни это способ взаимодействия поверхностного и глубинного смысла является периферийным и реализуется значительно реже, чем предыдущий.

В частушке – как жанре, ориентированном на действительность, – данный способ имеет равный статус с описанным выше.

Полученные в данной работе результаты, с одной стороны, продолжают логику исследования соматического кода в русском фольклоре, частично проведенного на материале пословицы (Ю. А. Башкатова, С. М. Белякова, Н. А. Сычева, И. З. Борисова и др.), сказки (М. В. Петрухина) и лирической песни (К. Г. Завалишина), с другой – нуждаются в расширении, предполагающем обращение к его анализу в других фольклорных жанрах.

Список использованных источников и литературы

1. Абакумова О. Б. Код культуры в семантике пословиц о правде / О. Б. Абакумова // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2011. – № 1 (15). – С. 169–172.
2. Абдрашитова М. О. Миромоделирующая функция жанра загадки в фольклорном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Абдрашитова Мария Овсеевна. – Томск, 2012. – 182 с.
3. Аджиева И. У. Соматические фразеологические единицы чеченского и русского языков в сопоставительном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Аджиева Индира Узагировна. – Махачкала, 2013. – 24 с.
4. Алефиренко Н. Ф. Значение и смысл русских паремий в свете когнитивной прагматики / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко // Известия Уральского государственного университета. Серия 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – № 6 (85), ч. 2. – С. 169–180.
5. Алефиренко Н. Ф. Этноязыковое кодирование смысла в зеркале культуры / Н. Ф. Алефиренко // Мир русского слова. – 2002. – № 2. – С. 60–74.
6. Аникин В. П. Долгий век пословицы / В. П. Аникин // Русские пословицы и поговорки / под ред. В. П. Аникина. – М.: Худож. лит., 1983. – С. 3–13.
7. Аникин В. П. Русский фольклор: учеб. пособие для филол. спец. вузов / В. П. Аникин. – М. : Высш. шк., 1987. – 286 с.
8. Аникин В. П. Теория фольклора : курс лекций / В. П. Аникин. – М. : Университет, 2007. – 428 с.
9. Аникин В. П. Устное народное творчество : учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / В. П. Аникин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Академия, 2011. – 752 с.
10. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
11. Артеменко Е. Б. Концептосфера и язык фольклора: характер и формы взаимодействия / Е. Б. Артеменко // Народная культура сегодня и проблемы ее

изучения. Афанасьевский сборник. Материалы и исследования : материалы научной региональной конференции. Воронеж, 12 мая 2004 г. – Воронеж, 2006. – С. 138–150.

12. Артеменко Е. Б. Миф. Фольклор. Эстетика тождества / Е. Б. Артеменко // Этнопоэтика и традиция : сборник статей к 70-летию члена-корреспондента РАН В. М. Гацака. – М., 2004. – С. 57–67.

13. Артеменко Е. Б. Принципы народно-песенного текстообразования / Е. Б. Артеменко. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1988. – 174 с.

14. Артеменко Е. Б. Фольклорная формульность и вариативность в аспекте текстообразования / Е. Б. Артеменко // Язык русского фольклора : межвузовский сборник. – Петрозаводск, 1985. – С. 4–12.

15. Бардина П. Е. Старожилы и переселенцы на томской земле. Ч. 3 : Взаимоотношения [Электронный ресурс] / П. Е. Бардина // Сибиряки вольные и невольные : сайт мемориального проекта. – URL: <https://xn--90anbaj9ad0j.xn--80asehdb/documents/starozhily-i-pereselency-na-tomskoj-zele-chast-3-vzaimootnosheniya/> (дата обращения: 12.11.2018).

16. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминьский. – М. : Индрик, 2005. – 528 с.

17. Бахтин В. С. Раздумье о частушке / В. С. Бахтин // Частушка / вст. ст., подготовка текста и примеч. В. С. Бахтина. – М.–Л. : Советский писатель, 1966. – С. 5–52.

18. Башарина А. К. Семантика цветообозначений в фольклорных текстах (опыт сопоставительного анализа на материале якутских олонхо и русских былин) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Башарина Анна Карловна. – М., 2000. – 20 с.

19. Башкатова Ю. А. Соматический код культуры как предмет сопоставительного исследования / Ю. А. Башкатова // Сибирский филологический журнал. – 2014. – № 4. – С. 220–228.

20. Белая Е. Н. Теоретические основы исследования языковых и речевых репрезентаций базовых эмоций человека (на материале русского и французского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Белая Елена Николаевна. – Омск, 2006. – 210 с.

21. Беличенко Е. А. Функционально-грамматическое варьирование лексем со значением частей тела человека (на примере существительных и глаголов back, hand, head и shoulder): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Беличенко Елена Александровна. – СПб., 1999. – 242 с.

22. Белякова С. М. Соматический код в паремиях русского языка / С. М. Белякова, Н. А. Сычева // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2018. – Т. 4, № 1. – С. 6–17.

23. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. – М. : Индрик, 2007. – 600 с.

24. Березович Е. Л. «Лексические недоразумения» в сюжете фольклорного текста / Е. Л. Березович, Е. Д. Бондаренко // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2013. – № 4 (120). – С. 113–131.

25. Бобунова М. А. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины [Электронный ресурс] / М. А. Бобунова, А. Т. Хроленко. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. – 314 с. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/bobunovakhrolenko3.htm> (дата обращения: 13.11.2018).

26. Бобунова М. А. Сердце в русском эпосе // Лингвофольклористика : сборник научных статей. – Курск, 1999. – Вып. I. – С. 27–29.

27. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста : учебное пособие / Н. С. Болотнова. – 4 е изд. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 520 с.

28. Борисова И. З. Сравнительно-сопоставительный анализ пословиц с компонентами «голова», «рука», «нога» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2015. – Т. 25, вып. 2. – С. 111–119.

29. Бохонная М. Е. Эстетическая интерпретация «вещного» мира в языке среднеобского фольклора (на материале лирической песни и частушки): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Бохонная Марина Евгеньевна. – Томск, 2006. – 27 с.

30. Бохонная М. Е. Эстетическая интерпретация «вещного» мира в языке среднеобского фольклора : на материале лирической песни и частушки : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Бохонная Марина Евгеньевна. – Томск, 2006. – 248 с.

31. Букулова М. Г. Соматическая фразеология тюркских языков (на материале турецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Букулова Марина Георгиевна. – М., 2006. – 21 с.

32. Ван Т. Символика цвета в сказочном фольклоре (на материале русских и китайских сказок) / Т. Ван // Славянскія літаратуры ў кантэксте сусветнай : матэрыялы IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 70-годдзю філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Мінск, 15–17 кастрычніка 2009 г. – Мінск, 2010. – Ч. 2 : Актуальныя праблемы кампаратывістыкі: традыцыі і ўплывы ў літаратуры; Заканамернасці і тэндэнцыі развіцця рускай літаратуры XIX–XXI стагоддзяў; Эстэтычны вопыт замежнай літаратуры. – С. 19–26.

33. Ван Х. Понятие «ВОЛОСЫ» как составляющие соматического кода русской частушки / Х. Ван // Наука и образование в полиэтнокультурной среде: состояние, проблемы, перспективы : материалы VII Международного молодежного научно-культурного форума. Томск, 23–24 марта 2017 г. – Томск, 2017а. – С. 262–265.

34. Ван Х. Жанрово-дискурсивная специфика соматизма СЕРДЦЕ в пословице и частушке / Х. Ван // Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов российских вузов : сборник докладов VIII Всероссийской научно-практической конференции. 16–18 мая 2018 г. – Томск, 2018а. – С. 284–290.

35. Ван Х. Изучение национально-культурной коннотативной лексики в русском и китайском языках / Х. Ван // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 356. – С. 11–14.

36. Ван Х. Исследовательская лингвистика в процессе изучения русского языка как иностранного: на примере сравнительного анализа русских и китайских метафор со словом «голова» / Х. Ван // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 12. – С. 35–40.

37. Ван Х. Кодовая функция соматизмов в русской лирической песне / Х. Ван // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). – 2019. – Вып. 4 (201). – С. 138–147.

38. Ван Х. Соматизм «Рука» в частушке и пословице: особенности реализации кодовых смыслов / Х. Ван // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сборник материалов V (XIX) Международной конференции молодых ученых. Томск, 19–21 апреля 2018 г. – Томск, 2018б. – Вып. 19. – С. 154–156.

39. Ван Х. Соматический код культуры в русской частушке (на примере соматизма «глаза») / Х. Ван // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сборник материалов IV (XVIII) Международной конференции молодых ученых. Томск, 20–22 апреля 2017 г. – Томск, 2017б. – Вып. 18, т. 1 : Лингвистика. – С. 193–197.

40. Вацуро В. Э. Антон Дельвиг – литератор / В. Э. Вацуро // Дельвиг А. А. Сочинения / А. А. Дельвиг. – Л., 1986. – С. 3–22.

41. Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1980. – 320 с.

42. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М. : Высшая школа, 1989. – 405 с.

43. Власова Н. А. Фразеологическое гнездо с вершиной *глаз* в общенародном языке и говорах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Власова Наталья Анатольевна. – Орел, 1997. – 327 с.

44. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

45. Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы / В. В. Воробьев. – М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. – 331 с.

46. Воробьева Л. Б. Символические смыслы соматизма *язык* в русских и литовских пословицах / Л. Б. Воробьева // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2014. – № 77. – С. 105–107.

47. Гак В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 768 с.

48. Го Синь-и Соматический код в русской и китайской фразеологии // Телесный код в славянских культурах : сборник статей. – М., 2005. – С. 30–40.

49. Го Синь-и Телесный код в китайской фразеологии и его русское соответствие : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Го Синь-и. – М., 2004. – 187 с.

50. Гогичев Ч. Г. Культура в семантике идиом / Ч. Г. Гогичев // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. – 2011. – № 1. – С. 124–127.

51. Горбачевич К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка / К. С. Горбачевич, Е. П. Хабло. – Л. : Наука, 1979. – 567 с.

52. Гриценко Л. М. Миромоделирующая функция прецедентных текстов в чат-коммуникации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Гриценко Любовь Михайловна. – Томск, 2010. – 197 с.

53. Губанов С. А. Адъективная метонимия в художественном дискурсе (на материале творчества М. И. Цветаевой) / С. А. Губанов // Российский научный журнал. – 2012. – № 6 (31). – С. 290–294.

54. Гудков Д. Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики / Д. Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей. – М., 2004. – Вып. 26. – С. 39–50.

55. Гудков Д. Б. Телесный код русской культуры : материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 288 с.

56. Гудков Д. Б. «Кровь» в соматическом коде культуры (по данным русской фразеологии) / Д. Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей. – М., 2003. – Вып. 23. – С. 15–28.

57. Гудков Д. Б. Лоб и зуб(-ы) в соматическом коде русской культуры / Д. Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей. – М., 2006. – Вып. 33. – С. 48–55.

58. Гукетлова Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале разноструктурных языков: французского, кабардино-черкесского и русского языков) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02, 10.02.20 / Гукетлова Фатимат Нашировна. – Нальчик, 2009. – 431 с.

59. Даль В. И. Толковый словарь русского языка: современное написание / В. И. Даль. – М. : Астрель: АСТ, 2009. – 983 с.

60. Дмитриук Н. В. Фразеологический соматикон как отражение архетипов языкового сознания этноса / Н. В. Дмитриук // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 10. – С. 30–33.

61. Дормидонтова О. А. Коды культуры и их участие в создании языковой картины мира (на примере гастрономического кода в русской и французской лингвокультурах) / О. А. Дормидонтова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – Вып. 9 (77). – С. 201–205.

62. Еремина В. И. Поэтический строй русской народной лирики / В. И. Еремина. – Л. : Наука, 1978. – 184 с.

63. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 486 с.

64. Жутовская Н. М. «Мой миленок... старик из Перу»: английские лимерики и русские частушки / Н. М. Жеребило // XVII Царскосельские чтения : материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2013 г. – СПб., 2013. – Т. 1. – С. 279–283.

65. Завалишина К. Г. Концептосфера «человек телесный» в языке русского, немецкого и английского песенного фольклора: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Завалишина Кристина Геннадьевна. – Курск, 2005. – 243 с.

66. Захаренко И. В. «Ноги» в соматическом коде культуры (на примере фразеологии) / И. В. Захаренко // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей. – М., 2003. – Вып. 25. – С. 86–96.

67. Земичева С. С. Перцептивная картина мира диалектной языковой личности / С. С. Земичева. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. – 208 с.

68. Зуева Т. В. Русский фольклор : словарь-справочник / Т. В. Зуева. – М. : Просвещение, 2002. – 217 с.

69. Зуева Т. В. Русский фольклор : учебник для высших учебных заведений / Т. В. Зуева, Б. П. Кирдан. – М. : Флинта: Наука, 2002. – 400 с.

70. Зуева Т. В. Символика цвета в русских обрядах / Т. В. Зуева. – М. : Наука, 1985. – 280 с.

71. Зырянов И. В. Поэтика русской частушки (вариативность, язык, стих) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Зырянов Иван Васильевич. – Л., 1967. – 15 с.

72. Иорданская Л. Н. Стыд, стыдиться, стыдно / Л. Н. Иорданская // Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики / И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. – Вена, 1984. – С. 832–837.

73. Кай Я. Код культуры как объект изучения психолингвокультурологии (на материале цветового и числового кодов в русской и китайской лингвокультурах) [Электронный ресурс] / Я. Кай, В. Хунвэй // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей. – М., 2015. – Вып. 52. – С. 63–81. – URL: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_52.pdf (дата обращения: 13.11.2018).

74. Капелюшник Е. В. Репрезентация кулинарного кода культуры в семантике образных средств языка (на примере образного лексико-фразеологического микрополя «ЗЕРНО / КРУПА / КАША») / Е. В. Капелюшник // Молодой ученый. – 2009. – № 2. – С. 143–146.

75. Карамышева О. А. Соматизмы в текстах заговоров (на фоне фольклорной традиции) / О. А. Карамышева // Опыт сопоставительного анализа в лингвофольклористике / А. Т. Хроленко, О. А. Петренко, О. А. Карамышева. – Курск, 2002. – С. 12–54.

76. Кашпур В. В. Миромоделирующая функция жанров российского политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Кашпур Валерия Викторовна. – Томск, 2011. – 183 с.

77. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика : учебное пособие / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

78. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М. Л. Ковшова. – 3-е изд. – М. : Ленанд, 2016. – 456 с.

79. Ковшова М. Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. / М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2015. – 368 с.

80. Кожаева Ю. А. «Душечка-сударушка и миленький дружок...». Диминутивы в лирической песне / Ю. А. Кожаева // Русская речь. – 2017. – № 3. – С. 115–120.

81. Кожемякин Е. А. Концептуально-методологическое обоснование дискурсной формы бытия культуры : автореф. дис ... д-ра филос. наук : 24.00.01 / Кожемякин Евгений Александрович. – Белгород, 2009. – 39 с.

82. Кокшарова Т. Э. Об эволюции в XX веке русской народной песенной лирики / Т. Э. Кокшарова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2000. – Т. 2, № 1. – С. 145–154.

83. Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня / Н. П. Колпакова. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. – 283 с.

84. Кольовска Е. Г. Природно-ландшафтный код русской культуры в аспекте лингводидактики : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Кольовска Елена Георгиевна. – М., 2014. – 240 с.

85. Кольовска Е. Г. Экспликация природно-ландшафтного кода культуры в русских поговорах / Е. Г. Кольовска // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 6. – С. 153–160.

86. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.

87. Кравченко О. Н. Соматизм «сердце» в составе фразеологических единиц с позиции антропоцентрического подхода (на материале английского и русского языков) / О. Н. Кравченко, И. М. Субботина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 20 (191). – С. 74–78.

88. Краснобаева-Черная Ж. В. Пространственный код культуры ценностной картины мира (на материале русской, украинской, английской и немецкой фразеологии) / Ж. В. Краснобаева-Черная // Сибирский филологический журнал. – 2018. – № 4. – С. 169–180.

89. Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей. – М., 2003. – Вып. 23. – С. 5–19.

90. Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры: Основы психолингвокультурологии / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2016. – 496 с.

91. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.

92. Кремшокалова М. Ч. Культурные коннотации в фольклорных текстах как маркеры национального мировидения (на материале русских и кавказских паремий) / М. Ч. Кремшокалова // Cuadernos de rusística española. – 2012. – № 8. – P. 95–101.

93. Крикманн А. 1001 вопрос по поводу логической структуры пословиц [Электронный ресурс] / А. Крикманн // RUTHENIA. – Электрон. дан. – [Б. м.], 1999–2013. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/krikmann1.pdf> (дата обращения: 11.01.2013).

94. Кузьмин А. А. Трансформации «Телесного кода» в русской традиционной культуре (на материале волшебных сказок) / А. А. Кузьмин // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2009. – № 4. – С. 104–106.

95. Кузьмина С. Н. Зооморфный код культуры в якутских сказках / С. Н. Кузьмина // Научные тенденции: филология, культурология, искусствоведение : сборник научных трудов по материалам IX международной научной конференции. Санкт-Петербург, 26 декабря 2017 г. – СПб., 2017. – С. 27–31.

96. Лазарев А. И. Сущностные особенности поэтики фольклора / А. И. Лазарев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 10 (301) : Филология. Искусствоведение (вып. 76). – С. 144–149.

97. Лазутин С. Г. Поэтика русского фольклора : учебное пособие для филологических факультетов университетов / С. Г. Лазутин. – М. : Высшая школа, 1981. – 221 с.

98. Лазутин С. Г. Русская частушка: вопросы происхождения и формирования жанра / С. Г. Лазутин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1960. – 261 с.

99. Лазутин С. Г. Русские народные лирические песни, частушки и пословицы : учебное пособие для вузов / С. Г. Лазутин. – М. : Высш. шк., 1990. – 240 с.

100. Леонова Т. Г. Изучение китайского фольклора в Омском государственном педагогическом университете / Т. Г. Леонова // Омский научный вестник – 2013. – № 2. – С. 142–145.

101. Ли В. Глаза человека в русских и китайских пословичных картинах мира / В. Ли, Т. Н. Колосова // Студенческая наука XXI века. – 2016. – № 2-2 (9). – С. 43–45.

102. Лю Л. Исследование фольклора в китайской культуре / Л. Лю // Фальклор і сучасная культура: матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Мінск, 21–22 красавіка 2011 г. – Мінск, 2011. – Ч. 2. – С. 14–15.

103. Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики (Исследование по эстетике устно-поэтического канона) / Г. И. Мальцев. – Л. : Наука, 1989. – 169 с.

104. Маринченко И. А. Семантические и структурные особенности фразеологизмов с соматизмом *нога* / И. А. Маринченко // Филологические открытия. – 2016. – № 4. – С. 103–112.

105. Маслова В. А. Коды лингвокультуры : учебное пособие / В. А. Маслова, М. В. Пименова. – М. : Флинта, 2016. – 180 с.

106. Маслова В. А. Лингвокультурология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. – 4-е изд., стереотип. – М. : Академия, 2010. – 208 с.

107. Меркулова Н. Г. Лингвокультурологические аспекты анализа культурного кода соматизма «голова» в отечественной культуре / Н. Г. Меркулова // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 5. – С. 109–111.

108. Мехди Н. Семантические особенности русских и персидских фразеологизмов с компонентом-соматизмом *рука* / Н. Мехди // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2014. – № 1. – С. 90–98.

109. Мещерякова О. А. Музыкальная культура в русской фразеологии (к проблеме кода культуры) / О. А. Мещерякова // Слово. Предложение. Текст. Коммуникация : сборник научных трудов. – Липецк, 2017. – С. 165–171.

110. Михельсон М. И. Самый полный толковый словарь иностранных слов, пословиц и поговорок / М. И. Михельсон. – М. : АСТ, 2017. – 1120 с.

111. Муравьева А. И. Лингвокультурологический аспект изучения соматической фразеологии неродственных языков / А. И. Муравьева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2013. – Вып. 15 (675). – С. 144–152.

112. Неклюдов С. Ю. Вещественные объекты и их свойства в фольклорной картине мира / С. Ю. Неклюдов // Признаковое пространство культуры : сборник. – М., 2002. – С. 21–31.

113. Неклюдов С. Ю. Семантика фольклорного текста и «знание традиции» / С. Ю. Неклюдов // Славянская традиционная культура и современный мир : сборник материалов научно-практической конференции. – М., 2005. – Вып. 8. – С. 22–41.

114. Никитина С. Е. Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании (на материале фольклорных и научных текстов) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Никитина Серафима Евгеньевна. – М., 1999. – 54 с.

115. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание / С. Е. Никитина. – М. : Наука, 1993. – 187 с.

116. Никитина С. Е. Слова, слова, слова... / С. Е. Никитина // Живая старина. – 1995. – № 4 (8). – С. 59.

117. Николаев О. Р. Почему мы не поем «русские народные» песни до конца (о некоторых механизмах трансляции русской песенной традиции) / О. Р. Николаев // Русский текст. Российско-американский журнал по русской филологии. – 1997. – № 5. – С. 125–140.

118. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 4-е изд. – М. : Азбуковник, 1997. – 944 с.

119. Ойноткинова Н. Р. Соматический код культуры в пословицах и поговорках алтайцев / Н. Р. Ойноткинова // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 3. – С. 5–14.

120. Оссовецкий И. А. Стилистические функции некоторых суффиксов имен существительных в русской народной лирической песне / И. А. Оссовецкий // Труды / Институт языкознания АН СССР. – 1957. – Т. VII. – С. 472–477.

121. Павлюченкова Т. А. Прилагательные со значением цвета в языке русских былин : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Павлюченкова Татьяна Александровна. – М., 1984. – 256 с.

122. Панасенко Н. И. Средства стилистической морфологии в русских, украинских и словацких народных песнях [Электронный ресурс] /

Н. И. Панасенко, Л. Варечкова, Г. Ручкова // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2014. – № 2. – С. 120–130. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23585071_84044778.pdf (дата обращения: 13.11.2018).

123. Папилова Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина / Е. В. Папилова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2011. – № 4. – С. 31–40.

124. Папшева А. В. Применение категории «код» в лингвокультурологии / А. В. Папшева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2010. – Т. 12, № 3 (2). – С. 492–494.

125. Петров А. М. Символика цветообозначений в русских духовных стихах / А. М. Петров // Филологические науки. – 2011. – № 5. – С. 25–35.

126. Петрухина М. В. Кластер «человек телесный» в лексиконе русской волшебной сказки : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Петрухина Мария Викторовна. – Курск, 2006. – 260 с.

127. Пименова М. В. Коды культуры и проблема классификации концептов / М. В. Пименова // Язык. Текст. Дискурс. – 2013. – № 11. – С. 121–130.

128. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ, 2007. – 226 с.

129. Потемкина Ю. С. Культурный код в русских народных сказках (обработка Е. Н. Опочинина) / Ю. С. Потемкина // Филологические чтения Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова : материалы международной научной конференции. Ярославль, 20–21 апреля 2018 г. – Ярославль, 2018. – С. 372–379.

130. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура / Б. Н. Путилов. – СПб. : Наука, 1994. – 238 с.

131. Резанова З. И. Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс / З. И. Резанова [и др.]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. – С. 15–97.

132. Резанова З. И. Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / З. И. Резанова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. – 356 с.

133. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 6 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 1998. – Т. I : Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос). – 800 с.

134. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 6 т. / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 2007. – Т. IV : Глагол. Глаголы с ослабленной знаменательностью: глаголы-связки и полужнаменательные глаголы, глаголы фазовые, глаголы модальные, глаголы связей, отношений и именования. Дейктические глаголы. Бытийные глаголы. Глаголы со значением собственно активного действия, деятельности, деятельностного состояния. – 924 с.

135. Русский фольклор : материалы и исследования / отв. ред. М. О. Скрипиль. – Л. : Наука, 1964. – Т. IX : Проблемы современного народного творчества. – 330 с.

136. Русский фольклор : материалы и исследования / отв. ред. М. О. Скрипиль. – Л. : Наука, 1979. – Т. XIX : Вопросы теории фольклора. – 239 с.

137. Русское народное поэтическое творчество : учебник для пед. ин-тов / М. А. Вавилова, В. А. Василенко, Б. А. Рыбаков [и др.] ; под ред. А. М. Новиковой. – 3-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 1986. – 400 с.

138. Рыбникова М. А. Введение / Русские пословицы и поговорки / М. А. Рыбникова. – М., 1961. – С. 7–32.

139. Савченко В. А. Концептосфера «человек телесный» в русской и немецкой паремиологической картине мира (кросскультурный анализ соматизмов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / Савченко Вероника Альбертовна. – Курск, 2010. – 18 с.

140. Савченко Л. В. Функции соматического кода культуры в формировании фразеосистемы русского и украинского языков / Л. В. Савченко // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2014. – Т. 27 (66), № 2. – С. 88–92.

141. Савченко Л. В. Экспликация темпорального кода культуры во фразеологии [Электронный ресурс] / Л. В. Савченко // *Universum: Филология и искусствоведение*. – 2016. – № 11 (33). – 4 с. – URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/3933> (дата обращения: 05.05.2019).

142. Сарач Х. Природно-ландшафтный код культуры (на материале русского и турецкого языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Сарач Хакан. – М., 2016. – 211 с.

143. Селиверстова Е. И. Глаза как орган зрения и речи – сквозь призму русской фразеологии / Е. И. Селиверстова // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика : труды и материалы международной конференции (V Бодуэновские чтения). Казань, 12–15 октября 2015 г. – Казань, 2015. – С. 310–313.

144. Сергеева Н. М. Код «умственная деятельность» в славянской культуре (на материале восточнославянских фразеологизмов) / Н. М. Сергеева // *Вестник Кемеровского государственного университета*. – 2012. – № 4 (52), т. 4. – С. 143–147.

145. Сердюк М. А. Слово в фольклорном тексте: семантическая структура и субстанциональные свойства / М. А. Сердюк // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. – 2009. – № 96. – С. 184–191.

146. «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии : монография / О. Н. Бахтина [и др.] ; под ред. О. Н. Бахтиной, В. Н. Сырова, Е. Е. Дутчак. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – 218 с.

147. Слова и мудрость Востока: литература, фольклор, культура: к 60-летию академика А. Б. Куделина / под ред. Н. И. Никулина. – М. : Наука, 2006. – 582 с.

148. Словарь образных слов и выражений народного говора / сост. О. И. Блинова [и др.] ; под ред. О. И. Блиновой. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2001. – 312 с.

149. Словарь русских народных говоров / гл. ред. В. П. Филин ; ред. Ф. П. Сорокалетов. – Л. : Наука, 1972. – Вып. 9 : Ерепня – Заглазеться. – 363 с.

150. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Полиграфресурсы, 1999. – Т. 2 : К–О. – 736 с.

151. Соколов Ю. Лирические песни [Электронный ресурс] / Ю. Соколов // Литературная энциклопедия : Словарь литературных терминов : в 2 т. / под ред. Н. Бродского [и др.]. – М. ; Л. : Л. Д. Френкель, 1925. – Т. 1 : Абзац – Период. – 579 с. – URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-4141.htm#> (дата обращения: 12.11.2018).

152. Код культуры [Электронный ресурс] // Культура. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2000–2019. – URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/fc/slovar-202-3.htm#zag-562> (дата обращения: 13.11.2018).

153. Телесный код в славянских культурах / отв. ред. Н. В. Злыднева. – М. : Институт славяноведения РАН, 2005. – 273 с.

154. Телия В. Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа / В. Н. Телия // Большой фразеологический словарь современного русского языка : значение, употребление, культурологический комментарий / авт-сост. И. С. Брилева [и др.] ; отв. ред. В. Н. Телия. – М., 2006. – С. 776–782.

155. Телия В. Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

156. Тичер С. Методы анализа текста и дискурса : пер. с англ. и науч. ред. А. А. Киселевой / С. Тичер [и др.]. – Харьков : Гуманитарный Центр, 2009. – 356 с.

157. Толстая С. М. К понятию функции в языке культуры / С. М. Толстая // Славяноведение. – 1994. – № 5. – С. 91–97.

158. Толстая С. М. Коды культуры и культурные концепты / С. М. Толстая // Славянская этнолингвистика: вопросы теории / Н. И. Толстой, С. М. Толстая. – М., 2013. – С. 109–113.

159. Толстой Н. И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – 512 с.

160. Топорков А. Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.: История, символика, поэтика / А. Л. Топорков. – М. : Индрик, 2005. – 479 с.
161. Топорков А. Л. Символика тела в русских заговорах XV–XIII вв. / А. Л. Топорков // Тело в русской культуре : сборник статей. – М., 2005. – С. 131–146.
162. Тубалова И. В. «Вещная» идентификация внутреннего мира фольклорного человека / И. В. Тубалова // Европейские исследования в Сибири : материалы всероссийской научной конференции «Мир и общество в ситуации фронта: проблемы идентичности». Томск, 14–16 апреля 2003 г. – Вып. 4. – Томск, 2004. – С. 304–314.
163. Тубалова И. В. Единицы с семантикой «одежда» в языке фольклора / И. В. Тубалова // Актуальные проблемы русистики : сборник статей. – Томск, 2000. – С. 104–110.
164. Тубалова И. В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах / И. В. Тубалова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. – 370 с.
165. Тубалова И. В. Соматический код в восточнославянских пословицах и частушках / И. В. Тубалова, Х. Ван // Русин. – 2018а. – Т. 52, вып. 2. – С. 141–160.
166. Тубалова И. В. Соматический код национальной культуры в русских пословице и частушке / И. В. Тубалова, Х. Ван // Вестник Томского государственного университета. – 2018б. – № 437. – С. 59–68.
167. Тубалова И. В. Фольклор как прототекстовая среда полифонического текста бытовой культуры: к проблеме полидискурсивности / И. В. Тубалова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 1 (18). – С. 96–102.
168. Тубалова И. В. Ценностная картина мира традиционного и современного фольклора / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте : монография / Л. П. Дронова [и др.] ; отв. ред. З. И. Резанова. – Томск, 2005. – С. 257–296.
169. Урысон Е. В. Душа, сердце / Е. В. Урысон // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю. Д. Аперсяна. – М., 2004. – С. 302–306.

170. Урысон Е. В. Ум, разум, рассудок, интеллект / Е. В. Урысон // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю. Д. Аперсяна. – М., 2004. – С. 1203–1206.

171. Фадеева Л. В. Тело как знак и как смысл / Л. В. Фадеева // Традиционная культура. – 2008. – № 1. – С. 132–137.

172. Фаттахова Н. Н. Зооморфный код культуры в наименованиях кондитерских изделий / Н. Н. Фаттахова, К. А. Власова // Филология и культура. Philology and culture. – 2016. – № 1 (43). – С. 127–132.

173. Федотовская О. А. Пляска «парочка»: опыт полевого исследования и реконструкции (по материалам фольклорных экспедиций Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного университета) / О. А. Федотовская // Танец в диалоге культур и традиций : материалы VI Межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 26 февраля 2016 г. – СПб., 2016. – С. 52–54.

174. Филиппова В. В. Имена числительные как особый код культуры в якутских загадках / В. В. Филиппова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 4. – С. 76–83.

175. Фольклор и этнография : у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов : сборник научных трудов / АН СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая ; под ред. Б. Н. Путилова. – Л. : Наука, 1984. – 254 с.

176. Халилова К. У. Соматизм «сердце» в языковой картине мира (на материалах азербайджанского и немецкого языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Халилова Кадиша Ураковна. – Махачкала, 2012. – 157 с.

177. Ходячие и меткие слова : сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний) / сост. М. И. Михельсон. – М. : Терра, 1994. – 600 с.

178. Хроленко А. Т. Введение в лингвофольклористику : учебное пособие / А. Т. Хроленко. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 192 с.

179. Хроленко А. Т. Лексика русской народной поэзии / А. Т. Хроленко. – Курск : Изд-во КГПИ, 1976. – 64 с.

180. Хроленко А. Т. Проблемы фольклорной лексикографии / А. Т. Хроленко // Диалектная лексика : сборник статей. – Л., 1979. – С. 229–241.
181. Хроленко А. Т. Семантика фольклорного слова / А. Т. Хроленко. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. – 137 с.
182. Хроленко А. Т. Семантическая структура фольклорного слова / А. Т. Хроленко // Русский фольклор : материалы и исследования / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом) ; отв. ред. М. О. Скрипиль. – Л. : Наука, 1979. – Т. XIX : Вопросы теории фольклора. – С. 147–156.
183. Худолей Н. В. Национальный код культуры и его актуализация в пословицах, поговорках и классических литературных текстах / Н. В. Худолей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Вопросы образования: языки и специальность. – 2017. – Т. 14, № 4. – С. 643–653.
184. Хунвэй В. Цветовой код культуры в формировании языковой картины мира (на материале китайского языка) [Электронный ресурс] / В. Хунвэй, Я. Кай // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей. – М., 2014. – Вып. 49. – С. 18–25. – URL: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_49_03van.pdf (дата обращения: 13.11.2018).
185. Цивьян Т. В. К семантике пространственных и временных показателей в фольклоре / Т. В. Цивьян // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. – Тарту, 1973. – С. 13–17.
186. Цримова З. Р. Концепт «сердце» в языковой картине мира (на материале кабардинского, русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Цримова Залина Руслановна. – Нальчик, 2003. – 145 с.
187. Червинский П. П. Семантический язык фольклорной традиции / П. П. Червинский. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1989. – 341 с.
188. Чернов В. И. Философия и фольклор / В. И. Чернов. – Саратов : Приволжское книжное издательство, 1964. – 152 с.
189. Чеснов Я. В. Телесность человека: философско-антропологическое понимание / Я. В. Чеснов. – М. : ИФ РАН, 2007. – 213 с.

190. Шерина Е. А. Национально-культурная специфика образной лексики русского языка (на материале собственно образных слов, характеризующих человека) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Шерина Евгения Алексеевна. – Томск, 2010. – 367 с.
191. Шестеркина Н. В. «Следы» язычества в русских народных загадках / Н. В. Шестеркина // Когнитивные исследования языка. – 2010. – № 6. – С. 524–527.
192. Шляхова С. С. Система речевых жанров в современном коми-пермяцком языке / С. С. Шляхова, А. С. Лобанова // Вестник Удмуртского университета. – 2012. – Вып. 2. – С. 3–16.
193. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю / А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
194. Эко У. К семиотическому анализу телевизионного сообщения [Электронный ресурс] / сокращ. пер. с англ. А. А. Дерябина / У. Эко. – М., 1998а. – URL: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/eco.htm> (дата обращения: 12.01.2017).
195. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. А. Г. Погоняйло, В. Г. Резник / У. Эко. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1998б. – 432 с.
196. Эмер Ю. А. Миромоделирующая функция частушки в праздничном дискурсе / Ю. А. Эмер // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1 (34). – С. 136–142.
197. Эмер Ю. А. Миромоделирование в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Эмер Юлия Антоновна. – Томск, 2011. – 457 с.
198. Эмер Ю. А. Современный песенный фольклор. Когниции и дискурсы / Ю. А. Эмер. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. – 266 с.
199. Эмер Ю. А. Фольклорный концепт: жанрово-дискурсивный аспект / Ю. А. Эмер // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – № 1 (9). – С. 91–99.
200. Эмер Ю. А. Частушка как народная рефлексия ценностной системы / Ю. А. Эмер // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 313. – С. 39–42.

201. Язык. Текст. Дискурс : научный альманах / Ставропольское отделение Международной распределенной лаборатории когнитивной лингвистики и концептуальных исследований / под ред. Г. Н. Манаенко. – Ставрополь : Изд-во Ставропол. гос. пед. ин-та, 2010. – Вып. 8. – 582 с.

202. McCarthy M. Language as discourse: perspectives for language teaching / M. McCarthy, R. Carter. – London : Longman, 1994. – 230 p.

Список источников

203. Жили да были : фольклор и обряды томских сибиряков / собиратель, сост. и авт. коммент. П. Е. Бардина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. – 220 с.

204. Лирические народные песни / ред. А. А. Прокофьев. – Л. : Советский писатель, 1955. – 440 с.

205. Лирические песни / сост., предисл., подгот. текстов и примеч. П. С. Выходцева. – М. : Современник, 1990. – 653 с.

206. Ох! Любовь, ты Любовь! / сост. Г. М. Иванов ; под ред. И. И. Середенко. – Томск : Том. ЦНТИ, 2002. – 504 с.

207. Пойте все! : сборник частушек / сост. Г. М. Иванов ; под ред. И. И. Середенко. – Томск : Красное знамя, 2004. – 359 с.

208. Пословицы и поговорки [Электронный ресурс] // Толковый словарь русского языка. Пословицы и поговорки. Фразеологизмы. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2014. – URL: <http://tolkru.com/pogovorka/search.php> (дата обращения: 15.03.2019).

209. Русская частушка : сборник / подг. текста и примеч. В. Бокова. – Л. : Советский писатель, 1950. – 372 с.

210. Русские народные песни / сост. В. В. Варганова. – М. : Правда, 1988. – 576 с.

211. Русские пословицы и поговорки / под ред. В. П. Аникина. – М. : Художественная литература, 1983. – 431 с.

212. Русское народное поэтическое творчество : хрестоматия / под ред. А. М. Новиковой. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1987. – 512 с.

213. Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки / М. А. Рыбникова. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 229 с.

214. Симаков В. И. Сборник деревенских частушек [Электронный ресурс] / В. И. Симаков. – Ярославль : Типография К. Ф. Некрасова, 1913. – 324 с. – URL: http://tayny-yazyka.ru/content_files/user/knigi/sbornik-derevenskih-chastushek.-simakov-v-i._1913.pdf (дата обращения: 18.01.2019).

215. Фольклор Русского Устья : сборник / подг. С. Н. Азбелев [и др.]; отв. ред. С. Н. Азбелев, Н. А. Мещерский. – Л. : Наука, 1986. – 384 с. – (Памятники русского фольклора).

216. Частушка / вступ. ст., подготовка текста и прим. В. С. Бахтина. – М.–Л. : Сов. писатель, 1966. – 610 с.